

# СЕРДЦЕ ЛЕДЯНОГО МИРА

человек без имени и прошлого



Яна Шепом

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Яна Шепот

## Сердце ледяного мира

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70628161](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70628161)*

*SelfPub; 2024*

### Аннотация

В мир, где царят вечные холода, приходит Пророк, который проповедует слово нового Бога – Всевидящего. Он обещает вернуть весну и тепло, но для этого нужно уничтожить память о древних Богах и всю магию. Многие не согласны с этим. Ивор, воит небольшой деревни, решает бороться с Пророком. Тот появился из ниоткуда и очень быстро добрался до власти. Его прошлое должно хранить тайны. Можно ли с их помощью уничтожить молодую религию? А в это время крестьянская девушка Мириам спасает в лесу неизвестного. Он не помнит ни своего имени, ни прошлого. Девушка решает помочь человеку вернуть воспоминания. Но чем больше она погружается в тайны незнакомца, тем запутаннее и загадочнее становится его прошлое. Кто он? Злой волшебник? Воплощение древнего Бога, который пришел решить судьбу мира?

# Содержание

Глава 1: Встреча	7
Глава 2: Бог	22
Глава 3: Имя и мечты	39
Глава 4: Встреча	48
Глава 5: Эйнар	63
Глава 6: Ивор	72
Глава 7: Алин	80
Глава 8: Эйнар	91
Глава 14: Йорн-Хель	162
Глава 15: Алин	182
Глава 19: Эйнар	262
Глава 20: Оратор	279
Глава 21: Проповедь	292
Глава 22: Мириам	304
Глава 23: Дурные вести	314
Глава 24: Ивор	324
Глава 25: Оратор	341
Глава 26: Аргон	352
Глава 27: Эйнар	361
Глава 28: Мириам	369
Глава 29: Осенин	379

**Яна Шепот**  
**Сердце ледяного мира**



**Хочу поблагодарить всех, кто помогал в создании этой книги. Алену Занковец, которая была верным наставником и помогала улучшать текст. Мужа, который поддержал мою идею, а так подсказывал мне разные технические детали. Анфису Сажину, которая создала обложку и карту к книге, а так же не менее прекрасные иллюстрации. Всех бета-ридеров, которые помогли вычитывать и совершенствовать текст.**

**Иллюстрации: Анфиса Сажина**

**Корректор: Анна Оковитая**

**ЧАСТЬ 1**

**ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ И ПРОШЛОГО**

# Глава 1: Встреча

Вначале был шум. Он напоминал шипение радио, которое не настроено ни на одну волну. Человек вслушивался в него в надежде уловить хоть что-то знакомое: слово, фразу, звук, но в ушах шумело и шипело. Потом появился треск, словно кто-то крутанул ручку. Треск превращался в писк, а затем в завывания ветра. Человек слышал, как от его порывов скрипели стволы деревьев, как пели птицы и где-то высоко и далеко стучал дятел.

Следующим вернулось зрение. Темнота превратилась в серо-синее пятно, всё в паутине трещин. Человек моргнул, но картинка чётче не стала. Моргнул ещё раз, и пришло осознание, что он смотрит на небо. Сизое. Низкое. Осеннее. А трещины и пятна – это кроны сосен и голые ветви деревьев на его фоне.

Человек вдохнул запахи мха и прелой листвы. Провел ладонью рядом с собой – и почувствовал укол. Дёрнулся. Поднёс палец к глазам. Из ранки вытекла алая капля крови. Её вид словно запустил процесс оживления. Человек почувствовал, как по нервам побежал ток, как мышцы обретали силу и тело наполнялось соками.

Капелька текла по коже, оставляя за собой мутную красную дорожку. Он слизнул кровь и засунул палец в рот. Сел. Перед ним простирался лес. Сосны да ели. Среди них вид-

нелись деревья, совершенно голые деревья. Кустарники, что росли неподалёку, напоминал скелеты давно вымерших морских обитателей.

Человек чувствовал себя так, будто проспал ни одну сотню лет. Он запрокинул голову и почесал шею. “Как я здесь оказался?” Память выдавала пугающее ничего. Всё, что он помнил, это последние пару минут, когда оглушающий шум ворвался в сознание. А что было до него? Нет ответов.

“Кто я?”

Внутреннее знание молчало. Ни имени. Ни фамилии. Ничего.

Взгляд упал на руку, зацепился за что-то белое на коже. Вначале показалось, будто что-то прилипло. Может, нитка какая? Человек провёл ладонью по предплечью, в надежде стряхнуть, и заметил, что вторую руку тоже расчерчивали тонкие белые полоски. Человек поднес её поближе к глазам. По коже тянулась вереница тонких шрамов. Они напоминали письма странных далёких народов. Но буквы и слова были непонятны, незнакомы. Человек осмотрел себя. Белёсые дорожки, переплетаясь между собой, покрывали руки, живот, уходили на спину.

“Что это такое? Откуда это?”

“Почему я голый?”

Человек напряг память и почувствовал, как внутри шевельнулось нечто тёмное. Тревога прокатилась по телу. Показалось, будто что-то ужасное приближается к нему. Че-



ловек вскочил на ноги. Сердце kloкотало в груди. Бежать! Нужно бежать! Нужно найти людей, чтобы объяснили, ответили на вопросы!

Он бежал и бежал, а лес не думал заканчиваться. Наоборот, становился гуще и темнее. Человек резко остановился. Огляделся. Куда?

Вдалеке послышался стук топора. Душа радостно затрепетала. Люди! Там люди! Человек бросился в сторону звука. "Пожалуйста. Пожалуйста!" – шептал он себе под нос, моля неведомого бога. Но он не услышал. Звук пропал. Человек остановился. Лёгкие жгло. Мышцы ног ныли. Человек прислонился к дереву, чтобы отдышаться.

"Куда идти? Что делать?"

Он чувствовал себя кораблём, который затерялся в тумане.

"Нужно выйти к какому-нибудь поселению, попросить у людей помощи".

Внезапная мысль пронзила сознание.

"А если здесь нет людей? Совсем. Если он один-одинёшенек в этом мире?"

От этой мысли перехватило дыхание. Казалось, что лёгкие и желудок сжались в тугий комок. Дикий отчаянный крик рвался изнутри, но тело словно превратилось в камень и не позволяло ему вырваться наружу. Жгучие, колючие слёзы защипали глаза. Человек упал на колени, обнял себя, чувствуя, как боль разрывает его изнутри.

Неподалеку хрустнула ветка. Человек насторожился. Слезы тут же отступили, паника затихла. Уши уловили чьи-то лёгкие шаги. Среди боли и отчаяния зародилась надежда. Неужели сейчас он встретится с человеком.

Из-за дерева вышла высокая, статная женщина. Надежда скомкалась, подобно испорченному листу бумаги, уступая место настороженности. Женщина была странно одета: в грязное белое платье с наполовину оторванным подолом. Да и внешне она напоминала человека лишь отдаленно. Вроде две руки и ноги, но кожа отливала бледно-голубым оттенком, а волосы, пускай и грязные, были ярко-жёлтыми. А ещё уши! Они начинались у скул и, прижимаясь к вискам, тянулись к затылку. Такие уши не должны быть у человека!

"Кто это? Что это за монстр?"

Человек медленно отползал от существа. А она... нет, оно медленно приближалось. Жёлтые глаза уставились на него. Это был взгляд голодного зверя.

"У неё же нет зрачков!" – в ужасе воскликнул внутренний голос.

Волна ужаса прокатилась по телу. Он ощутил себя кроликом перед удавом и принялся отползать, но не отводил взгляд от монстра. А тот приближался, медленно и неспешно, словно знал, что добыча никуда не денется.

Спиной человек упёрся в дерево. Вот и всё. Он зажмурился, не хотелось смотреть в лицо смерти. Внутри всё как будто рухнуло в яму. Тьма была готова принять его в свои объятия

навечно. Человек ждал. С чем приходит смерть? С невыносимой болью или блаженным забвением? Но она приходила с отчаянием. Всё заканчивается слишком рано и быстро! Он ещё не успел пожить нормально, не успел ничего разузнать! Как же всё это несправедливо!

Вдруг монстр заскулил. Человек приоткрыл один глаз. Из лба и правого плеча существа торчали стрелы. Ещё одна прорезала воздух и вонзилась в ногу. Монстр отступал назад. Споткнулся. Упал на спину. К нему подошла девушка. Поставила ногу на живот, натянула тетиву и выстрелила.

Человек в надежде и страхе уставился на незнакомку. Человек ли она? Рыжий тулуп с чёрным поясом. Колчан стрел на спине. На голове – косынка. Две длинные косы светлого песочного цвета. Кожаные штаны, заправленные в высокие чёрные сапоги. Похоже на человека. Нет этих длинных загнутых ушей. Но может у неё тоже эти пугающие глаза без зрачков?

Девушка опустила лук и повернулась к нему. Сердце радостно застучало, а с плеч, будто камень свалился. Нормальные глаза! Зелёные. С круглым зрачком! Правда, кожа показалась чересчур белой.

Захотелось броситься к ней на шею, обнять ее и радостно расплакаться, но человек сдержал порыв. Голос разума твердил, что не стоит. Не понятно, опасна она или нет.

Девушка что-то ему сказала, а он лишь глупо улыбнулся и помотал головой. Она восприняла это по-своему: кивнула,

будто именно такой ответ ожидала, и продолжила что-то говорить.

В груди зачесалось и засвербило, словно он за что-то зацепился и содрал кожу. В висках сдавило, по лбу пробежал холодок. Речь, чужая и непонятная, приобретала смысл. Человек расслышал слово «нашла», «другие». Головная боль и свербение в груди внезапно исчезли, будто кто-то нажал на кнопку и всё отключил.

– ... а еще бы минута – выпили бы вас! – воскликнула девушка.

Чужая речь стала родной.

– Выпили? – переспросил человек.

Спасительница кивнула. Она смотрела прямо в лицо и не опускала взгляд, стыдливый румянец окрасил щёки. Человек вспомнил, что он голый, и машинально прикрыл ладонью пах.

– Ладно, не важно. Нужно уходить, пока иллидов не набежало. Они же по одиночке не ходят!

Она схватила его за руку и потащила за собой. Человек оглянулся на монстра. Показалось, будто на его месте лежала ледяная статуя, облачённая в белое грязное платье.

Девушка шла быстрым шагом, а он еле поспевал: спотыкался о корни, ветки и иголки больно впивались в ступни. Один раз он чуть не упал.

– Меня Мириам зовут. А вас? – спросила девушка, не оборачиваясь.

– Я не помню.

– А как вы здесь оказались?

– Я не знаю.

– Бедненький, – вырвалось у Мириам.

На широкой дороге из серого камня их ждала лошадь, запряжённая в телегу с бортами из тонких, криво прибитых досок. Дно устилала грубая ткань, из-под которой торчали еловые лапки.

Рядом топтался высокий парень в тулупе тёмно-коричневого цвета, подвязанный серо-красным полосатым поясом. На ногах – сапоги с высоким голенищем. Белые, как снег, волосы были собраны в пучок на затылке.

За длинные уши парень держал тушку зайца и осматривал его, поворачивая то в одну, то в другую сторону. Услышав шаги, парень обернулся и нахмурился.

Мириам отпустила человека и наклонилась, чтобы отдышаться.

– Представляешь, совершенно случайно наткнулась на него, – затараторила она, приложив руку к сердцу. – Пока ты с ловушкой возился, я тебя охраняла-охраняла, а потом что-то так беспокойно на душе стало, словно потянуло куда-то. Ну, я и пошла. Хорошо, что послушалась! Его чуть не выпили! Тварь уже кинулась на него, а я – раз – в неё стрелу, потом вторую, третью – и готово. Нет иллида! – Мириам кивнула в сторону человека. – Я не смогла бросить его в лесу. Погибнет же! Его либо выпьют, либо он замёрзнет! Я не

могла допустить, чтобы...

– То есть, ты бросила меня одного? – глаза парня сузились. – Вдруг бы на меня напали, пока ты невесть где шлялась?

– Не напали бы! – запротестовала Мириам. – Я все проверила, иллидов рядом не было! А отлучилась я на пару минут. Ничего же не произошло!

– А если бы?

– Так не напали же! – воскликнула Мириам, в голосе звучало искреннее непонимание.

Парень со всей силы сжал кулаки и медленно выдохнул. Мгновение он молчал, а затем посмотрел тяжёлым взглядом на неё.

– И что ты собираешься с этим делать? – парень махнул головой в сторону человека.

От неловкости и стыда захотелось провалиться сквозь землю. Может, сбежать, пока они препираются? Незаметно скользнуть за кусты у дороги, потом за ствол дерева – и бежать со всех ног. Нет. Там монстры, длинноухие существа без зрачков.

Мириам замялась

– Ну-у, не бросим же мы его здесь в лесу.

– То есть поведешь домой?

– Да. А что? – с вызовом спросила Мириам.

Парень подошёл к человеку и взял прядь его волос.

– Посмотри, какие у него тёмные волосы, точно как у ил-

лида. И глаза чёрные! А кожа, вон, какая... – он замялся, подбирая слова.

Человек чувствовал себя лошадью на рынке под взглядом придирчивого покупателя. Он опустил голову и принялся рассматривать ступни.

– Что это за белёсые надписи у него на теле? Заклинания? – парень отшатнулся от него, будто от чумного. – Он колдун? Я не поведу его домой! Он же опаснее тех тварей, что по лесу бродят! Ты с ума сошла?

– Я не сошла с ума! – Мириам едва не сорвалась на крик. – Уши, как у нас, глаза со зрачком!

– Я не приведу эту тварь домой! – взвился парень.

– А я приведу! И он не тварь, а человек! – отчеканила Мириам.

– Я тогда...

– Что ты сделаешь, Эйнар? – Мириам злобно сощурилась. – Бросишь меня в лесу? Побежишь в Око жаловаться, чтобы нас схватили, как пособников мага?

Эйнар нахмурился, губы сжались в тонкую полоску.

Человека накрыла сильная усталость. Ноги, казалось, сейчас подогнутся. В веки словно налили свинца. Человек закрыл глаза. Сейчас бы в горячую ванну залезть, взять баночку пива, комикс, что он купил накануне... Откуда эти мысли? Человек попытался на них сосредоточиться. Они как будто испугались прямого взгляда – и тут же растворились. Он снова вернулся в лес, к золотоволосой спасительнице и

её злобному другу.

Эйнар кричал:

– Ты должна делать, как я тебе сказал. Я твой брат! Ты должна меня слушаться!

«Брат?!» – мысленно удивился человек. Они же такие разные! Мириам хрупкая, тонкая, с острыми чертами лица, а Эйнар – вон какой высокий, широкоплечий, с квадратной челюстью и широким подбородком. Хотя было в них и что-то похожее: хорошо очерченные скулы, одинаковый разрез и цвет глаз.

– Нет, – отчеканила Мириам и злобно уставилась на брата.

Эйнар осёкся. Он смотрел на сестру, злобно сощутив глаза. На лбу пульсировала жилка. Пару раз Эйнар открывал рот, словно собирался что-то сказать, но не находил слов, и долго, с присвистом, выпускал воздух через неплотно сжатые губы. Мириам смотрела на него с вызовом, гордо вскинув голову. Иногда на её губах появлялась лёгкая улыбка, будто девушка оценивала соперника и понимала, что козыри в её руках. Диалог взглядов продолжался несколько минут, и Эйнар не выдержал. Махнул рукой. Отвернулся.

– Ладно, пускай мать решает, что с этим делать!

Мириам подошла к человеку и дотронулась до плеча.

– Пойдёмте, – пролепетала она елеинным голосом, каким обычно успокаивают детей, и постучала по дну телеги. – Вот, забирайтесь. – Затем она стащила с головы платок и протянула ему. – Повяжите на бедра, нехорошо голым разгуливать.



Человек сел в телегу, стараясь не касаться тушек. Эйнар это заметил, хмыкнул и тронул поводья:

– Н-ну!

Лошадь фыркнула. Брат с сестрой шагали по обе стороны от нее. Человек видел, как напряжена шея Эйнара, как сильно он вцепился в поводья. Человек слышал его короткие и шумные вдохи. Мириам же пританцовывала на каждом шагу, болтая головой в такт внутренней музыке.

– Ты по сторонам смотри, а то иллид выскочит – и не заметишь, – злобно бросил брат.

Мириам показала язык, но пританцовывать перестала.

Крупная птица вспорхнула прямо из-под колес, где-то вдалеке завыл волк. Лошадь дёрнулась.

– Тише, тише, моя хорошая, – ласково погладила её Мириам

– Чьим ты будешь и откуда родом? – спросил Эйнар.

Человек не сразу понял, что обращаются к нему.

– Вы мне?

– Нет, коню.

– Я ничего про себя не помню.

Такой ответ Эйнару не понравился. Он снова замолчал.

Ехали недолго. Сосны и ели сменились на серые, голые берёзы и хмызняк. Когда между деревьями замаячило болезненно жёлтое поле, Эйнар дёрнул коня за поводья.

– Прр! Стой! – а затем повернулся к человеку и приказал: – Слазь!

Мириам взвилась. Эйнар посмотрел на сестру, будто она сморозила какую-то чушь, а затем язвительно произнес:

– Ты опять начинаешь?

– Ты же не хочешь в открытую пройтись с этим через всю деревню? Тогда Око и звать не надо. Само явится!

Человека положили на дно телеги и забросали еловыми лапками.

– Видно? – поинтересовался Эйнар, обходя телегу.

Раздались лёгкие шаги Мириам.

– Нууу...

– Давай сверху ещё хворост накидаем.

На какое-то время вокруг установилась тишина. Человек не слышал ни шагов, ни голосов. Он уже собирался посмотреть, куда делить Мириам с Эйнаром, как сверху упало что-то тяжёлое.

– Так лучше, – раздался голос Эйнара.

– Постарайтесь, пожалуйста, не шевелиться, – прошептала Мириам совсем рядом от человека. – Нельзя, чтобы кто-нибудь догадался. Хорошо?

– Мг, – ответил человек, хотя не был уверен, услышат ли его.

– Но! – закомандовал Эйнар.

Телегу сильно трясло, иголки больно впивались в кожу. Очень хотелось почесаться, но человек терпел. Он немного раздвинул ёлочные ветки, чтобы видеть.

Лес редел, и вот – деревья будто подошли к невидимой

границе и не решались за неё переступить. По обе стороны от дороги простиралось поле. Земля напоминала голову старого деда: серая, с неровными коричневыми пятнами и клочками сухой жёлтой травы.

Человек уловил запах дыма, аромат кислых щей и жареного мяса. Рот наполнился слюной, в желудке заурчало. Видимо, он давно ничего не ел.

Ёлочные лапы и край ткани мешали, закрывали обзор, но все же человек смог различить плетёные заборы, тёмные бревенчатые стены домов, людей в странных одеждах. Женщины – в платках, шерстяных юбках и коротких полушубках. Мужчины – в кожаных штанах, сапогах и тулупах.

Внутри всё возмутилось. Люди так не одеваются! Смущал ещё внешний вид. Все, кого человек видел, выглядели какими-то бледными, словно росли без солнца. И в их белых, как снег, волосах и бровях ощущалось нечто ненатуральное. Люди должны выглядеть по-другому. Но как? Он не мог себе этого объяснить. Как и понять, откуда взялась эта уверенность.

Дорога под колёсами раздвоилась. Возле самого перекрёстка росло дерево. Человек видел его мощный чёрный ствол и нижние ветки без единого листа.

Мимо проплыла огромная железная дверь с изображением человеческого глаза. На ней были ещё какие-то узоры, но человек не смог их рассмотреть. Странное сооружение спряталось за стенами домов. Только теперь они были выложены

из светлого, почти белого, кирпича.

Дорога расширилась, растеклась во все стороны, будто каменное озеро.

– Прр! – скомандовал Эйнар.

Телега остановилась.

– Как охота? – поинтересовался сиплый голос. – Удачная?

– Такое себе, зверя мало: зайцы, белки да куницы.

Здания стояли полукругом, словно обнимающая площадь. Человек видел высокие двери из тёмного дерева, украшенные резьбой окна с многочисленными перекладинами, небольшие крылечки. Он старался рассмотреть любую деталь, чтобы узнать, запомнить про это место как можно больше.

Обзор заслонил серый тулуп, перевязанный бечёвкой, и рука с обгрызенными до мяса ногтями.

– М-м-м, неплохо. Крупный какой заяц. Продай, а? Заберу за два Сольт, – раздался сиплый голос.

– Подожди, – осадил Эйнар. – Дай нам до дома добраться. Мы устали и замёрзли, как волки. Надо сначала поесть да выпить, а потом уже вести торговые дела.

– Ну, лады. Ты знаешь, где меня найти.

Телега пришла в движение. Каменное озеро площади снова собралось в реку-дорогу, берега которой расчертили плетёные заборы и бревенчатые стены.

Курицы шныряли через дорогу, коты спали на лавках, дети гонялись друг за другом, гогоча во всё горло.

– П-р-р, стой! – закомандовал Эйнар.

– Приехали! – воскликнула Мириам.

Раздался скрип калитки. Эйнар похлопал по боку телеги.

– Лежи ещё и не высовывайся. Как в пуню заедем, я скажу.

## Глава 2: Бог

Ароматы варёного мяса и картошки поплыли по избе, когда Хельга достала чугунок из печи и приоткрыла крышку. Рот наполнился слюной, а в желудке заурчало. Хельга взяла ложку и зачерпнула немного, попробовала, громко чмокая. Эх, хороший получится суп! Но пусть ещё немного настоится, и когда дети придут, то будет в самый раз. Хельга взяла ухват, подхватила горшок и засунула его в печь.

Сегодня что-то беспокойно было на душе, тревожно сжималось сердце. "Дети не в первый раз уходят на охоту, – мысленно успокаивала себя Хельга. – Они уже взрослые и умные. Всё должно быть хорошо". Но мысли не помогали. Чувство плохого приходило, словно порыв ветра, заставляло напрячься от его холодного дыхания, прислушиваться. Хельга подходила к окну в надежде, что сейчас она увидит Мириам и Эйнара, но мимо проходили чужие дети. Это словно подтверждало её неясные опасения. Что-то случилось.

Чтобы отвлечься, она решила убрать: смахнула крошки со стола, протёрла скамейки, подоконники, сложила стопкой тарелки, расставила кувшины по величине. Затем выдвинула ящик буфета, что стоял в углу у стены гостевой комнаты, и посмотрела на полотенца. Те, которые показались ей неаккуратно сложенными, достала и принялась заново складывать.

Боги, всемогущие боги, пожалуйста, защитите моих де-

тей. Отведите от них опасность, уберегите от голодных иллидов и диких зверей. Прошу вас! Молю вас!

И словно отвечая ей, скрипнула дверь. Чувство опасности схлынуло, подобно волне. Хельга спрятала лицо в полотенце и счастливо улыбнулась. Живы! Они живы!

– Раздевайтесь и марш к столу! Я суп приготовила, – строго проговорила она, пряча облегчение и радость. Обернулась.

Рядом с дочкой и сыном стоял незнакомец: худой, словно никогда не знал тяжёлого труда. К тому же голый! Лишь плавок дочери скрывал непотребство. Незнакомец походил на дворового пса, которого впервые завели в хату: мышцы напряжены, шея втянута в плечи, а взгляд внимательно осматривает каждый угол, каждую вещь.

Старинные легенды про Бальта всплыли в памяти. Неужели это он? Бальт? Бог справедливости и порядка спустился в их мир, чтобы узнать, как здесь живут люди?

Хельга растерялась, она не знала, как себя вести и что сказать. Она лишь открывала и закрывала рот.

Дочка бросилась к ней и, размахивая руками, затараторила:

– Не кричите, мама, пожалуйста, выслушайте. Я спасла его от иллидов! Представляете? Мы с Эйнараром, как обычно, пошли проверять ловушки. Вдруг понимаю, что-то неспокойно мне на душе. Сердце щемит нехорошо так. Думаю – беда. И знаете, мама, меня словно чутье какое-то вело. Я шла

– и вдруг вижу, на него уже тварь одна бросается! Выпить хочет! У-у-у, гадюка! Благо, что я шустро стреляю...

Эйнар прислонился к косяку, руки сложил на груди, глаза прикрыл, а на лице застыла злость вперемешку с триумфом. Видимо, о чём-то поспорил с сестрой и теперь не сомневался в своей победе.

Вдруг Хельга дёрнулась, как будто получила подзатыльник. Мол, чего сидишь, глазами хлопаешь? Прими гостя дорогого!

– Сына, принеси одежды гостю. Он же лишь платком Мириам прикрывается!

Эйнар посмотрел на неё так, будто она сказала что-то несуразное, но не стал спорить, сдержанно кивнул, повесил тулуп на оленьи рога у двери и пошёл к себе в комнату. За скрипели петли сундука, раздался глухой удар – наверное, сын выпустил гнев.

– Доча, приберись в гостевой, – бросила Хельга.

Мириам непонимающе взглянула на мать:

– Э-э-э, да, сейчас! – и выбежала в сени.

Хельга посмотрела на гостя.

– Вы присаживайтесь, не стесняйтесь. Вы, наверное, замёрзли. Я Вам сейчас супу налью. Он тёпленький. Только приготовила, – проговорила она и медленно пошла к печи. Затем хлопнула себя по лбу, вернулась к буфету, положила полотенце, которое до сих пор держала в руках, и задвинула ящик.



В голове царил кавардак. Она не могла поверить, что именно в её дом, к ней, простой крестьянке, зашел такой гость. Она не знала, как встречать его, как ухаживать, и переживала, что всё делает не так; что дети не догадались; что Эйнар мог выкинуть что-то плохое. Каждый шаг, каждое действие сейчас определяет судьбу мира, а это такая большая ответственность!

Хельга взяла с подоконника глубокие миски и поставила их на шесток. Достала чугунок.

– Присаживайтесь. Не бойтесь, мы не кусаемся, – приговаривала Хельга, наливая суп в глубокую миску.

Эйнар бросил рубаху и штаны на лаву у стены.

– Последнее отдаю, – буркнул он, а затем добавил с издёвкой: – Гостю дорогому нашему.

– Сына! – возмутилась Хельга, внутри всё сжалось от страха. – Нельзя так! Извинись!

– Извините, – ответил Эйнар язвительно, низко поклонился и тут же выскочил за дверь, не дав матери возмутиться.

– Пойду коня Бломам отдам, а ещё дичь в таверну занесу, – крикнул он в сенцах.

Хельге захотелось схватить тряпку да хорошенько отхлестать негораздка, чтобы выбить из него всю дурь, но Эйнар уже вышел на улицу. Было слышно, как хлопнула дверь. Хельга тяжело вздохнула. Сын дальше собственного носа не видит и не понимает, какой вред могут нанести его слова.

– Простите его за грубость, – Хельга виновато улыбнулась

и поставила миски с супом на стол. – Он подросток. Он сам не знает, что творит. Но он парень не злой. Дурной немного.

Гость почесал шею и тяжело вздохнул.

Неужели всё произошедшее уже записалось и повлияло на цвет камня? Она собралась с волнениями и кивнула на одежду, что оставил сын.

– Примеряйте, пожалуйста. А суп пускай остынет. Горячий еще. Я не смотрю, не смотрю.

Она специально отвернулась к печи, открыла заслонку, чтобы перемешать угли и подкинуть несколько поленьев. Хельга бросала быстрые взгляды в сторону стола и гостя, но так, чтобы он ничего не заметил. Когда ей показалось, что он оделся, она повернулась.

– Ах, штаны великоваты, но ничего. Вот тут нужно подложить... Я потом подошью – и хорошо будет. Зато рубаша в самый раз! А Вы разговаривать умеете? – неуверенно спросила Хельга. Она ведь ни услышала от гостя ни слова.

– Да, мама. Он не немой, – ответила Мириам, выходя из комнаты с подушкой в руках.

Дочка закинула её на печь, чтобы прогрелась, а затем из буфета достала ложки.

– Ты уже прибралась в комнате?

Мириам кивнула.

– Подушка немного отсырела, да одно одеяло моль погрызла. Я его потом залатаю, – дочь втянула воздух. – Я такая голодная! Уверена, что могу съесть быка!

– Тогда все к столу, – хлопнула в ладоши Хельга.

– Мама, а разве мы не будем дожидаться брата?

– Он любитель пропадать надолго, а суп стынет, да и гостя некрасиво голодом морить, – придерживая юбку, Хельга села на стул. – Всем приятного!

– Да, приятного, – пролепетал незнакомец.

Он повертел ложку в руке, будто не знал, как пользоваться, но затем зачерпнул суп, аккуратно выпил его и замер, словно ожидал какого-то подвоха. Затем снова зачерпнул. Проглотил. Вскоре незнакомец увереннее заорудовал ложкой.

Хельга погрузилась в мысли, бросая на гостя исподлобья короткие взгляды. Это точно он? Она не ошиблась? Наверяд ли, вон какой он чудной. Как отличается от здешнего люда, в Балът любит выбирать странные личины.

– Как Вам суп? – обратилась она к незнакомцу.

– Очень вкусный! – кивнул он. – Наваристый.

– Я рада, что Вам понравилась, – почтительно улыбнулась Хельга. – Вы так быстро всё скушали, как будто давно не ели.

– Наверное, – смутился незнакомец, покрутил ложку в руке, положил её на стол, а затем посмотрел на Хельгу загадочным, смущающим взглядом.

– Добавки? – поинтересовалась она.

Незнакомец помолчал, а затем наклонил голову, посмотрел на неё из-под лба, будто маленький ребёнок, и пролепетал:

– Можно?

– А чего ж нельзя?! – усмехнулась Хельга.

Дочка молча наблюдала за этой сценой. На её лице застыло удивление. Она явно не понимала, что происходит с мамой. Она никогда не разрешала брать добавки, а тут – вон как расщедрилась!

Хельга поставила чугунок рядом с миской незнакомца.

– Как Вы оказались в лесу, да еще и совершенно... эээ... в таком виде. Без одежды, – поинтересовалась она, наливая суп.

Незнакомец пожал плечами.

– Я и сам бы хотел знать.

– Мама, он вообще ничего про себя не помнит! – влезла в разговор Мириам. – Ни-че-го-шень-ки!

– Это правда? – Хельга перевела взгляд с дочери на незнакомца.

Он кивнул.

– В голове сплошной туман, – голос звучал глухо. Гость откинулся на спинку стула, запрокинул голову и почесал шею. – Последнее, что помню – как очнулся в лесу и встретил там нечто... Монстра, с глазами без зрачков и ушами такими..., – он провёл руками вокруг головы, – необычными.

– Иллида, – кивнула Хельга, подняла чугунок и понесла его к печи. – Слава богам, что он до Вас не добрался и что моя дочь спасла Вас. Вас, наверное, ограбили и ударили по голове, если Вы ничего не помните. – Хельга решила не по-

давать вида, что узнала Бальта. Вдруг он ещё подумает, будто помогают ему из-за страха, а не по доброте душевной. – Мы Вам поможем. Не бросим в беде, – Хельга вытерла руки о фартук и повернулась к гостю. – Кушайте, пейте, отоспитесь. Там, глядишь, и память вернётся. И не стесняйтесь, оставайтесь у нас сколько захотите. Мы гостям рады! Ах, я же совсем забыла представиться. Меня Хельгой зовут. Хельга Хейзер. Это моя дочь Мириам, – Хельга кивнула в её сторону. – А тот злобный подросток – Эйнар.

– Приятно познакомиться, – улыбнулся гость. – Жаль, что я не могу представиться.

– Ладно, кушайте добавку, не буду Вас отвлекать! – взмахнула руками Хельга. – Мириам, ты закончила?

– Да, мама, – Мириам поднесла тарелку ко рту и выпила остатки.

– Сходи-ка за водой, а то в ведре совсем чуть-чуть осталось.

От супа гость расслабился, взгляд поплыл.

– Пойдёмте, я Вас спать уложу. Утро вечера, как говорится, мудренее, – Хельга поднялась, забрала подушку с печи и открыла дверь в комнатушку справа.

Если комнаты сына и дочери находились за печью, да так, что делили её тёплый бок пополам, то гостевая не примыкала нему, отчего там было постоянно прохладно. Сама комнатка была маленькой, буквально два шага на три. Всё, что в неё вместилось, – это небольшая тумба для умывания, сундук и

лавка. На ней лежали несколько теплых одеял, которые принесла Мириам. Хельга положила поверх подушку, что сушилась на печи.

– Ложитесь, отдыхайте.

– Что, прям сюда? – удивился гость так искренне, что Хельга опешила.

– Я понимаю, что Вы привыкли к... – Хельга замялась, совершенно не представляя, на чем может спать Балът. – Вы не пугайтесь. Это поначалу кажется, что неудобно, а потом привыкните.

– Извините, не хотел Вас обидеть, – прошептал гость.

– Ах, бросьте! – махнула рукой Хельга. – Ложитесь. Я подоткну одеяло, чтобы теплее было.

Хозяйка мягко улыбалась, сложив руки на груди, будто глядела на новорожденного.

– Ну, располагайтесь, отдыхайте. Мы не будем Вам мешать.

\*\*\*

Вернулся сын. Хельга заметила, как он обвёл взглядом избу, словно искал кого-то. Видимо, гостя высматривал. Не увидев его, Эйнар расслабился, взгляд потеплел.

Сын сел на лавку у двери и принялся стаскивать ботинки:

– Я продал дичь в таверну. Заплатили по три Сольт за каждую тушку. Еще Блом вернул один Сольт за коня, – Эйнар достал из кармана штанов кожаный мешочек с монетами и положил на стол.

– Славно, – улыбнулась Хельга, снимая крышку с чугуна. – Иди кушать, а то суп скоро остынет.

– Одну минуту, мама.

Пока сын переодевался, Хельга налила ему суп. Высыпала монеты в небольшой кувшин, который хранила в печурке вместе с разными травами и грибами.

Эйнар ел жадно, почти не жуя ни мясо, ни картошку.

– Не подавись, – бросила Хельга.

Она обкрутила чугунок полотенцем, охнула, подняв, и аккуратно понесла в ледник на улице. Там суп простоит достаточно долго и не испортится. В дверях она столкнулась с дочерью, которая тащила вёдра с водой и песком. Мириам отступила в сторону, пропуская её.

Когда Хельга вернулась в избу, дочь сидела на лавке у печи. У ног стоял таз с грязной посудой, а в поде грелся котелок с водой. На губах Мириам блуждала загадочная улыбка.

Опять она витает в мечтах! Девушка должна быть приземлённой, больше думать о хозяйстве, о доме, о делах, а не о какой-то ерунде! Это барыни могут целый день ходить по аллеям и предаваться мечтаниям, но не крестьянки. Такие не ценятся. Таких замуж не берут!

Дружила она по молодости с одной девочкой, которая любила мечтать, а не делами заниматься. И что с ней стало? Ходила вечно какой-то неопрятной, дом был неубран, весь заросший паутиной, да и сама она покушать себе не могла приготовить, побиралась постоянно. Был у неё муж, да и тот

сбежал. Не выдержал, бедняжка. Хельга тяжело вздохнула, она не хотела такой участи для Мириам.

– Ты за водой смотри, а то закипит сейчас! – злобно одёрнула она дочь.

Та заморгала, будто только проснулась, посмотрела на маму.

– Я слежу, слежу.

– Я вижу, как ты следишь!

Мириам опустила взгляд и осуждающе вздохнула.

– Не вздыхай мне тут! – взвилась Хельга. – Я же тебе добра желаю. Твои фантазии ни к чему хорошему не приведут!

– Да, мама, – буркнула дочь и пошла вынимать котелок из печи.

Затем она вылила воду в таз и принялась мыть посуду, оттирая песком жир и остатки пищи.

– Давай сюда чистые тарелки, я буду их вытирать, – Хельга достала из буфета полотенце.

Эйнар отложил ложку, поднял тарелку и громко втянул в себя остатки супа. Затем откинулся на спинку стула, рыгнул и пробормотал:

– Вкусно очень.

Мириам забрала тарелку у брата, вымыла. Эйнар вынес вёдра с грязной водой на улицу и вылил за углом. Хельга протёрла стол.

После ужина все сели перебирать собранные вчера грибы. Каждый брал из корзинки гриб, тщательно осматривал его,



делал надрез на ножке и шляпке. Червивые летели в ведро на полу, а хорошие складывали в котелок на столе.

Какое-то время перебирали молча, каждый погрузился в свои мысли.

– Ханна почти на сносях, – нарушила тишину Хельга. Она знала, что все хотят обсудить, но выбрала безопасную тему.

– Вот бы малыш родился крепеньким, – ответила Мириам.

Голос прозвучал безэмоционально. Ей сейчас не до Ханны. Мысли у дочери были совсем про другое... про другого. Хельга догадывалась, о ком (про кого?), но решила развивать вымученный диалог.

– Было бы счастье, а то Боги сейчас редко кому дают здорового ребенка. Многие рождаются с отклонениями, хиленькими и вяленькими, жизнь в них еле теплится.

Эйнар скрипнул зубами, отложил нож, посмотрел на мать долгим взглядом и задумчиво произнёс:

– Объясните мне, почему Вы так отнеслись к найдёнышу? Я думал, что прогоните его взащей, но Вы не просто его дома оставили, а ещё одежду мою отдали и супом накормили.

– Ох, мал ты ещё, сынок. Плохо понимаешь порядок вещей, – вздохнула Хельга и вытерла тыльной стороной ладони лоб.

– Почему же мал? – возмутился Эйнар. – Мне уже шестнадцатый год пошёл!

– Ну, раз ты такой взрослый, тогда слушай, – произнесла Хельга и внимательно посмотрела на сына. Стоит ли расска-

зывать? Поймет ли он? Глаза Эйнара расширились, голова слегка наклонилась вперед, мол, давай, рассказывай.

Хельга набрала воздух, облизала губы.

– Есть одна древняя легенда. Давным-давно, когда боги были молодыми, они створяли миры. Так им нравилось то занятие, что, сотворив один мир, они приступали ко второму, третьему. А сотворённые миры развивались по своим законам, – Хельга разрезала пополам грибную ножку, рассмотрела и положила в котелок. – Как-то глянули боги на первый мир и ахнули: он породил людей, те понастроили дома и города, положили дороги, раскопали карьеры. С Сангара сложно было разглядеть, что в мире творится. Это как на муравейник смотреть: муравейки ползают, ветки таскают, а какая настоящая их жизнь – никому не ведомо. И решили боги спуститься на землю, узнать истинную жизнь: хороша она или плоха. Выбрали боги самого молодого и справедливого – Бальта. Он спускался в миры в различных обличиях: то девушки-сиротушки, то старика поганого, то девицы красной, то юродивого – и скитался по свету, смотрел, как люди его примут, добро будут творить или жестокость. Перед тем, как в мир спуститься, проглатывал Бальт камешек прозрачный, а когда возвращался на Сангар, выплевывал его: если белым он становился, то добрые люди мир населяли, и боги посылали им разные блага. Если же камушек был чёрным – зло источило сердца людей, и мир уничтожался; а вот серый камушек говорил, что люди стоят одной ногой в добре, другой

– во зле. Тогда посылали боги испытание этому миру, чтобы проверить сердца людей. Через некоторое время опять спу-  
скался Балът, чтобы узнать, какими люди стали, какую сторо-  
ну выбрали. Добра или зла. Жить или не жить миру.

Эйнар рассмеялся:

– Мама, Вы серьёзно? – заметив её взгляд, сын хмыкнул: –  
Вы думаете, он Балът? – и, не дав ей ответить, воскликнул: –  
Боги отвернулись от нас! Они прокляли наши земли и об-  
рекли всё живое на смерть. И мы должны их забыть! – сар-  
казм перерастал в крик. – Теперь у мира новый Бог! Всеви-  
дющий! Он изгонит холод с земель и вернёт весну!

Лицо сына перекошилось от ярости, глаза сузились, челю-  
сти напряглись.

Хельга тяжело вздохнула:

– Можно срубить дерево – но выкорчевать корни непро-  
сто. Ой как непросто. Тысячелетиями прорастали они в на-  
ших душах, и нельзя за раз всё вырвать да посадить что-то  
новое.

– А я выкорчевал все корни! – Эйнар подскочил, зацепил  
ногой ведро.

– Какой же ты отвратительный, – заворчала Мириам, со-  
бирая рассыпанные грибы. – Теперь придётся пол подметать.  
Брат её не слышал. Он никого не слышал.

– Я по-о-онял! – протянул Эйнар медленно. – Я все по-  
о-онал! Этот найдёныш – колдун! – Сын говорил медленно,  
отрывисто. – Он напустил туман. Задурил голову сестре. За-

ставил вас поверить, что он Бог! Да я его сейчас....

Он кинулся в комнатушку, выволок за волосы гостя. Тот сучил ногами, хватал Эйнара за запястье. Изворачивался, в надежде освободиться. Сын держал крепко. Он кинул гостя на пол и заревел:

– Снимай проклятие, колдун! Снимай!

Незнакомец съёжился, закрыв голову руками. Эйнар ударил его ногой по рёбрам, воздух со свистом вышел из груди человека.

Хельга хотела броситься на помощь, но не смогла пошевелиться. Тело будто окаменело. Как же она ненавидела эту реакцию! Пока другие бегали, спасали, помогали, она стояла и хлопала глазами, не в состоянии что-либо сделать. Оставалось только молиться. И она взмолилась богам, чтобы образумили сына, чтобы из-за него не решили, будто мир чёрствые люди населяют. Эйнар не злой на самом деле. Просто бестолочь.

– Оставь его в покое! – завизжала Мириам и кинулась на брата. – Прекрати! Хватит!

Мириам повисла у него на руке.

– Отвали!

Эйнар со всей силы отшвырнул сестру. Та отлетела к лавке. Ударилась затылком.

Внутри у Хельги всё вскипело. Как он посмел так обращаться с сестрой?! Придушила бы собственными руками! Если бы могла.

– Снимай проклятие! – продолжал орать Эйнар. И бил. Бил. Бил.

Мириам поднялась на ноги, потрогала затылок. Затем бросилась в комнату. Выскочила с луком. Вложила стрелу. Направила её на брата и натянула тетиву.

"Что здесь происходит? – мысленно завопила Хельга. Душа металась в теле, будто в клетке. – Прекратите вы оба! Успокойтесь!".

Но дети не слышали её отчаянный безмолвный крик. Они даже не смотрели в её сторону. Мириам уставилась на брата. Глаза превратились в щели. Лицо покраснелось. Крылья носа раздувались. Казалось, что со следующим выдохом из ноздрей повалит дым.

Эйнар же впился взглядом в гостя.

– Хватит корчиться! Снимай проклятие!

Мириам обошла брата так, чтобы он увидел смотрящую на него стрелу.

Эйнар заметил. Нога зависла в воздухе.

– Отойди от него! – повторила Мириам.

– А то выстрелишь?! – с издёвкой поинтересовался Эйнар. – Убьёшь брата родного ради колдуна поганого?

Мириам ничего не ответила.

Эйнар стушевался. Он напоминал загнанного зверя: бешено сверкали глаза, грудь быстро поднималась и опускалась, пальцы то сжимались в кулак, то разжимались. Эйнар злобно посмотрел на незнакомца, затем – на сестру.

– Околдованные, – выплюнул он и выскочил в сени.

Дверь хлопнула так, что посуда на подоконниках подпрыгнула. Мириам опустила лук.

Когда Эйнар ушёл, с тела Хельги будто сняли проклятие, что не позволяло двинуть ни рукой, ни ногой. Она подбежала к гостю.

– Вы как? Сильно болит?

Хельга помогла ему сесть и стащить рубаху. Увидев кровоподтеки, охнула, прикрыла ладонью рот. Мириам смотрела то на гостя, то на дверь, прислушиваясь к шагам брата в сенях. И не зря! Входная дверь распахнулась. Эйнар появился на пороге.

Хельга выдвинулась немного вперёд, закрыв собой гостя. Не ударит же сын родную мать. По крайней мере, она на это надеялась. Ох, как надеялась!

Дочка вскинула лук, глаза злобно сузились.

– Успокойся, околдованная, – прошипел Эйнар.

Он метнул на гостя взгляд, полный ярости, забрал ботинки, тулуп с вешалки и вышел.

Мириам опустила лук, прислушалась. Загремела щеколда. Дверь, ведущая на улицу, заскрипела. Дочка поставила лук в угол и бросилась к гостю.

## Глава 3: Имя и мечты

Человек лёг на спину, позвоночник впился в доски, покрытые тонким одеялом. Неудобно, кошмар! Перевернулся на бок. Как же мало места! Одно неловкое движение – и можно свалиться. Человек поёрзал, пытаясь найти удобную позу. Тщетно! Хотелось лечь на живот, раскинуть руки, согнуть ноги, но на узкой лавке это невозможно. Человек снова перевернулся на спину, скрестил руки на груди и закрыл глаза.

В голове родились тысячи образов и вопросов. Кто я? Вспоминалось лицо женщины с пустыми голодными глазами. Что эта за тварь?

Человек пытался составить из этих мыслей хоть какое-нибудь представление о том, где он оказался. И так, по лесу бродят какие-то неведомые твари, похожие на людей, и которые нападают на всё живое. А ещё есть нормальные люди. Только тоже какие-то странные. Все белые и в старинных одеждах. Человек почесал лоб. Ощущение, что все должно быть по-другому, не покидало его. Но оно задавало лишь новые вопросы. Как по-другому?

В картине мира, которую он пытался собрать, зияло множество чёрных пятен и дыр. Как их заполнить, человек не знал. Эти размышления пожирали слишком много сил, будто гигантские космические дыры поглощали всю энергию. Человек чувствовал, как расплзались мысли, как тело слов-

но наливалось свинцом, веки тяжелели.

Странный непонятный мир растворялся. Деревянные домики, окружённые плетёными заборами, превращались в стеклянные высотки. На голых ветвях деревьев набухали почки и бутоны. Затем появилось лицо. Длинное, худое, с острым подбородком. Рыжие волосы были собраны в хвост на макушке. Зелёные глаза смотрели внимательно. Словно за мышью лабораторной наблюдает. От этого человеку стало неприятно.

– Артур? – спросила девушка. – Артур, ты слышишь меня?

Она протянула к нему руку....

Что-то грубо схватило его за волосы. Сон растворился в ослепительной боли и ярости. Какого хрена?

– Подъем! – скомандовал мужской голос.

Человек узнал голос Эйнара.

Брат Мириам дёрнул его с такой силы, что показалось, будто оторвётся скальп.

Человек упал с узкой лавы, сильно ударился локтем. Руку свело. В нервы будто воткнули тысячи иголок. Эйнар ногой открыл дверь и выволок его из комнаты. Человек пытался вывернуться. Бил по державшей его руке. Царапал её. Но Эйнар не обращал ни на что внимание.

Внезапно хватка ослабла. Человек упал на пол. Скальп горел. Внутри все раздувались от непонимания, обиды. За что?! Человек схватился за голову, будто ладони могли унять



боль. Мир вокруг казался призрачным. Моргни – и он исчезнет. Сотрётся.

Первый удар ногой пришёлся по рёбрам, воздух со свистом вылетел из груди. Человек открывал рот, но не мог вдохнуть. Лёгкие горели.

– Снимай колдовство! – ревели над головой.

Он не понимал, что от него хотят. Какое колдовство? Что происходит?

Ещё один удар. В живот. Волна тошноты поднялась к горлу. Обожгла грудину.

– Я кому сказал, снимай! – громыхал голос Эйнара.

Удар. Удар. Со всех сторон. Человек свернулся калачиком. Прикрыл голову руками.

– Оставь его в покое! Прекрати! Хватит! – истерично завопила Мириам, но Эйнар не реагировал, удары обрушивались с новой силой.

Вдруг все резко прекратилось. «Может я умер?» – промелькнула мысль. Нет, мёртвые не чувствуют столько боли.

Человек с хрипом втянул воздух. Небольшой глоточек. Лёгкие словно забыли, как дышать, и отозвались огнём. Но всё получилось. Один вдох. Другой. Кислород тушил огонь внутри.

Разум барахтался в каком-то пузыре из боли и хаоса. Звук, голоса, цвета, силуэты – всё казалось далёким и ненастоящим.

– Вы как? Сильно болит? – раздался голос.

"Это Хельга. Хельга. Хозяйка дома", – мысленно произнёс человек, ощущая, как от таких простых утверждений хаоса становится меньше, а под ногами будто появляется твёрдая земля.

"А там Мириам. Она не опасна. Они не опасны".

Не дожидаясь ответа, ему помогли сесть, стянуть рубашку. Хельга охнула. Человек опустил взгляд и заметил расплывающиеся по телу синяки.

"Ого", – только и подумал человек, чувствуя некоторое отупение, словно он рассматривал картинку.

Вдруг женщины замерли. Даже воздух, казалось, зазвенел от напряжения. Человек посмотрел в ту сторону, куда установились Хельга с Мириам. На пороге возник Эйнар. Заметив его, человека охватил страх.

"Нет, пожалуйста! Не надо!" – мысленно взмолился человек.

Мириам вскинула лук.

– Успокойся, околдованная, – бросил Эйнар.

Он забрал ботинки, тулуп с вешалки и вышел.

Хлопнула дверь, все разом облегчённо выдохнули, и в доме стало как-то светлее.

Мириам с Хельгой помогли человеку сесть на лаву, нанесли какую-то едко пахнущую чесноком и уксусом мазь.

– Поднимите руки, я Вас замотаю, – закомандовала Мириам, держа полоски ткани.

Её голос доносился как будто издалека. Мир как-то стран-

но подрагивал, словно находился за стеной раскаленного воздуха. Человек поднял руки. Казалось, что они не его. И тело не его. И этот мир тоже.

Хельга прикоснулась к его лбу и принялась говорить. Человек улавливал лишь отдельные слова.

– Жар.... Я....супу...выпить... Хорошо?

Человек кивнул и позволил Мириам себя поднять и отвести в комнату. Его положили на кровать-лаву и накрыли одеялом.

Он должен сказать что-то очень важное! Человек схватил Мириам за руку.

– Подожди... – губы не слушались, но он направил остатки сил для того, чтобы произнести:

– Я вспомнил своё имя.

Глаза девушки расширились от любопытства, она даже наклонилась ниже. Человек сглотнул.

– Меня зовут Ар... – запнулся.

Он запомнил только первые буквы. Как же дальше?

– Аргус? Арен? – перечисляла Мириам имена, стараясь помочь. – Аркель? Армон? Арн?

Все не то... Не то... Ар... Ар... Как же его назвала та рыжая девушка из сна?

– Арон?

Попытки вспомнить отнимали слишком много сил. Накатила такая тяжесть, что невозможно было держать глаза открытыми.

– Аргон?

Человек кивнул. Пускай будет так. На лице Мириам просияла улыбка.

– Приятно познакомиться, Аргон! А теперь ложитесь, отдыхайте и выздоравливайте! Вы меня поняли?

\*\*\*

От переизбытка эмоций Мириам не могла уснуть. Она кружилась по комнате, широко раскинув руки. Тонкое пламя на длинной лучине трепетало всякий раз, когда она проходила мимо. Причудливые длинные тени колыхались на стенах и потолке.

Девушка села на край кровати, блаженно улыбнулась, а потом упала на подушку.

Мириам вспомнила рассказы отца о том, как он посетил город Оре, что лежал далеко на востоке, в королевстве Лимия.

– Это шумный город, который построили на воде, – как будто наяву услышала она голос отца, и сердце защемило от тоски. – Дома не такие как у нас, они стоят на сваях, что уходят глубоко в озеро. Я гостил у одного человека, звали его... вроде бы Деон, так вот, у него на кухне есть дверь в полу. Прямо, как у нас в сенях есть дверь в погреб, так и у него. Только под ней вода. Утром Деон брал удочку, поднимал дверь и ловил рыбу к завтраку.

– Ничего себе! – восхитилась маленькая Мириам и схватилась за свои щеки. – А расскажите еще про Оре.

– О, это город, словно паутина: между домами протянуты навесные мосты. Некоторые над самой водой, а есть такие, что соединяют вторые этажи, крыши. А еще восточнее от Оре есть такая река, воды которой горячие, как парное молоко. Из-за этого земля вокруг тоже живая. На ней до сих пор растет трава. Сочная и зелёная. Ты не представляешь, какая она мягкая! Не такая, как у нас, жёлтая да колючая, будто иглы ежа. Нет. Там трава мягкая, проведешь ладошкой – и травинки сгибаются от прикосновения.

– Ого, правда?

Отец кивнул.

– Папа-папа, – заёрзала на коленях Мириам, – а Вы видели город чуди?

– Нет, зайчик, к сожалению, не довелось.

Воспоминание растаяло, оставив слёзы на глазах. Какие славные, тёплые были вечера. Отец рассказывал и про другие города, в которых ему удалось побывать. Мириам представляла, что, когда вырастет, обязательно увидит город-паутину Оре, горячие воды реки, проведёт ладошкой по нежной, изумрудной траве, и обязательно посетит таинственный город чуди. Там, как утверждают легенды, все выложено из драгоценных камней, и пол покрыт не досками, а чистым золотом.

Время шло. Она росла и понимала, что мечты останутся мечтами. От этого было так невыносимо больно, поэтому Мириам запретила их. В тот момент она как будто умерла: из

души ушло все тёплое, светлое и сказочное, остались только холод да серость. Иногда, тёмными вечерами, когда она долго не могла уснуть, мечты прорывались в виде фантазий: перед внутренним взором бежали волны озера Оре, но сердце опять сжималось от тоски, и наворачивались слёзы. Мириам себя ругала.

– Смирись ты уже, наконец, с тем, что этого никогда не будет! – строго выговаривала она самой себе и била себя ладошью по макушке. – Смирись, что твоя жизнь пройдет в окружении лесов и болот, а самое большое путешествие, которое будет – это поездка в Йорн-Хель!

И каждый раз она смирялась, засыпая в слезах и просыпаясь с ещё большей пустотой и холодом на душе. Но всё равно продолжала верить: когда-нибудь произойдет нечто такое, что перевернёт всю её жизнь, освободив от оков судьбы обычной крестьянки.

И вот! Она встретила очень странного человека. Хотя он выглядел необычно, даже пугающе, но Мириам нутром чувствовала, что незнакомец сделает её фантазии явью. Он точно живёт где-то далеко-далеко. Возможно, за Острыми горами лежит неизведанная земля, не тронутая проклятьем, где до сих пор распускаются деревья, а люди не потеряли цвет.

Мириам повернулась на бок и улыбнулась. Впервые за много-много лет она чувствовала себя по-настоящему живой и наполненной. Затем она нахмурилась, сжала пальцы в кулак.

Она сделает всё, чтобы спасти Аргона. Приложит все усилия, чтобы вернуть ему память! Тогда он, в благодарность, заберёт её с собой. И они поедут на запад, через княжество Сол. Остановятся в величественном городе Иднас, а потом доберутся до королевства Лимия.

Бревенчатые стены дома постепенно растворялись, а на их месте возникали зелёные поля и луга. Она сидела на коне рядом с Аргоном. Теплый ветер трепал волосы и гривы.

Вот и Огненная река. Мириам увидела, как от воды поднимается пар и всю долину покрывает туман. Казалось, будто лошади ступают по облакам.

Мириам улыбнулась во сне, свернулась калачиком и прижала руки к груди, словно хотела уберечь прекрасные хрупкие мечты.

## Глава 4: Встреча

Внутри клокотала буря. Тучи отчаяния набухали, становясь всё темнее и чернее. Ярость раскатисто гремела и, подобно шаровой молнии, металась от Мириам...

*Да как она посмела направить на него лук? Он же ей родной брат!*

... к маме...

*Вообразила невесть что, будто незнакомец – Бог!*

... от неё была в найдёныша...

*Он точно колдун! Наложил на родных чары, поэтому они с ума и походили!*

... и разряжалась в самого Эйнара....

*Нужно было оставить этого колдуна в лесу. Заявить Мириам, что тот никуда с ними не пойдёт. Нравится ей это или нет! Но не смог. Не хватило духа. И перед кем? Перед сестрой! Перед девчонкой. Это она должна его слушаться! Как брата. Тем более старшего!*

Захотелось дать себе хорошую оплеуху. Чтобы сдержаться, Эйнар засунул руки в карман тулупа, крепко сжал пальцы в кулак и ударил носом ботинка по камешку на дороге. Тот отлетел куда-то в сторону, ударился о забор.

Эйнар почти бежал. Казалось, если ещё ускориться, то можно сбежать от внутренней бури, от произошедшего. От всего на свете.



Понемногу буря успокаивалась. А может, действительно удалось сбежать? Эйнар слышал её голос, но теперь он был далекими и чужим.

Эйнар остановился, облегчённо выдохнул и посмотрел вверх, будто ожидал там увидеть отражение внутренней бури, но встретился лишь с холодным серо-голубым небом. Дневной свет, подобно волне, утекал на юг. С севера наступала тьма.

По обе стороны дороги возвышались богатые деревянные дома, с крышами, покрытыми дранкой, с высокими крылечками, небольшими балкончиками и разукрашенными ставнями. Ещё за ними – каменные двухэтажные строения. Дом суда. Дом встреч. Ноги вынесли Эйнара к Главной площади.

Людей на улице почти не было. Большинство жителей уже сидели по домам. В окнах блеснул свет от лучин. Эйнар в знак приветствия кивнул старику, который тащил на себе два тяжёлых мешка. Тот даже не взглянул на него. Ну и ладно.

Эйнар вышел на площадь. У высокого каменного колодца стояла девчужка и изо всех сил крутила ручку ворота. Цепи скрипели. Ведро глухо билось о каменные своды колодца. Эйнар пересёк площадь. В неё вливались четыре улицы. Та, по которой он пришел; другая тянулась на север, к таверне и самой бедной части деревни. Напротив неё – широкая аллея, усаженная пушистыми ёлками, вела к дому войта, самого главного человека в деревне. Его двухэтажный дом с резными балконами, причелинами возвышался на холме. Эйнар

пошёл по той, что убегала на восток, к холмам.

Мимо тянулись плетёные заборы, за которыми стояли богатые дома. А над их крышами возвышалась треугольная башня. Светло-серый кирпич в лучах ускользящего света, казалось, горел на фоне тёмного неба. Дом Око. Дом единого Бога. Бросив на неё взгляд, Эйнар стыдливо опустил глаза. Казалось, будто Дом смотрит на него своими глазами, выложенными из красного камня на стенах. И под этим взглядом Эйнар чувствовал себя маленькими и виноватым.

Да, он был виноват, что привёл домой колдуна. Виноват в том, что сейчас он не бежит рассказывать об этом Оратору. А ведь должен, как честный прихожанин. Но что-то внутри сопротивлялось, не хотело идти в Око, доносить на родных. И это что-то было сильнее всех "надо" и "должен".

Эйнар тяжело вздохнул. К лешему всё. Потом разберётся. Сейчас он хотел оказаться как можно дальше от Дома, от деревни, ото всех.

Быстрым шагом он добрался до развилки, на которой находился Дом. Свернул на улочку, что вела к Северной башне у границ с Хитенским королевством. Опустив глаза, прошёл мимо высоких дверей.

За Домом потянулись простые деревянные домики. Низкие и квадратные. Без балконов и крылечек. В небольших окнах блеснул свет от лучин.

За последним домом дорога сделала резкий поворот и затекла в лес.

Деревья стояли, замерев, подобно стражам. Дневной свет убежал далеко на юг, спрятался под крылом Сангара – столба света, к которому по легендам крепился их мир. Как и тысячи других миров, что сейчас прочертили тонкими кривыми полосами ночное небо.

Эйнар напряг зрение. Там, в деревне, он мог позволить чувствам захлестнуть его, идти, не видя дорогу. Но не здесь. Ни в лесу. Сейчас нужно быть очень внимательным, чтобы не пропустить ни иллида, ни зверя.

Эйнар двигался медленно, всматривался в каждую неровную тень. Замирал от каждого хруста и скрипа. К счастью, ему везло. Никто не встретился. Да и за последнее время иллидов стало значительно меньше. Эйнар помнил, как в детстве мама запрещала ему с Мириам выходить из дома, потому что мёрзлые бродили по деревне. Но люди убивали монстров. В какой-то год даже объявили Великую охоту. За каждого убитого иллида выдавали серебряную монету. После этой охоты ряды мёрзлых значительно поредели.

Ноги знали, куда идти, и вывели Эйнара прямо к его тайному убежищу, которое он соорудил полтора года назад. Тяжёлое было время. Пропал отец. Он как обычно ушел на охоту. И не вернулся. Мама вначале храбрилась, успокаивала их, потому что отец надолго уходил в леса.

"Вот увидите, детки, пройдёт ещё день – два, и папа вернётся. Всё будет хорошо" – шептала мама, глядя их по волосам.

Но прошёл день. Два. Три. Семь. А отец не возвращался.

Тогда мама обратилась к войту. Собрали поисковой отряд. Отца долго искали, но тщетно. Сначала все жалели их семью. Приносили им разную помощь: кто картошки или муки, кто яблок. Но неизвестно откуда поползли слухи, будто отец сбежал, будто видели его в каком-то городе с другой женщиной. Эти сплетни больно ранили маму. Она часто плакала, а сестра ходила мрачнее тучи. Эйнар хотел стать для них крепким деревом посреди бури, чтобы на него можно было опереться, но чувствовал себя веточкой, готовой вот-вот сломаться. Горе родных затапливало. Мешало дышать. Так хотелось убежать от него, от проблем, от всего, что происходит.

Он ушёл в лес. Несколько дней скитался, спал на деревьях или проводил бессонные ночи у костра, но это тоже выматывало. Ему нужно было убежище. Тайное логово, где он сможет восстанавливаться, залечивать раны и просто быть собой.

Эйнар решил сделать землянку. Это оказалось сложной задачей: промёрзшая земля сопротивлялась лопате. Перетаскивая камни и бревна, он чуть не сорвал спину, но справился: выкопал круглую яму, диаметром в три аршина и глубиной немного выше своего роста. Сверху накрыл брёвнами и дёрном. Издалека логово напоминало небольшой холмик.

Внутри он смастерил кострище, постель из еловых лапок и шкур, вместо стульев поставил пеньки. Выглядело жилище

так себе, но это не главное. Важно то, что здесь Эйнар чувствовал себя гораздо лучше, чем в родном доме. Свободнее и защищённее.

Он часто сбегал сюда, когда уставал от семейных неурядиц, от обязательств, от людей. Здесь он спал. Охотился. Мечтал. Пару раз на него нападали иллиды. Спасал лишь чуткий сон и быстрая реакция. В итоге Эйнар прикатил в землянку крупный камень, которым закрывал вход. Иллиды собирались возле жилища, привлеченные теплом, скребли камень, но не могли его сдвинуть. Выбираясь наружу, Эйнар дожидался, пока монстра разбегутся или вооружался длинным факелом. Иллиды почему-то боялись огня, хотя не горели. Может это были отголоски инстинктов при жизни?

Больше всего на свете Эйнар хотел встретить отца. Представлял, как подойдёт, заглянет в глаза и поинтересуется, почему он их бросил?

Как говорится, бойся своих желаний, они могут сбыться.

Это случилось в середине осени. Нос и щёки щипало от холода. Снег застелил тонким слоем землю. Ветки деревьев обросли инеем, будто шерстью. Эйнару нравились эти преобразования. Мир вокруг словно становился чуточку светлее и жизнерадостнее. А ещё безопаснее. Кто бы ни прошел, снег на долгое время сохранял его следы. Можно понять, иллид это был или зверь. Далеко он или нет. Читать следы Эйнара научил отец.

Пару раз он брал сына на охоту. В память врезались те

ночи, когда они вдвоём сидели у костра, грызли сосбойку, что собрала мать. Отец рассказывал про повадки животных. Учил определять птиц по голосу, зверя по следу.

От этих воспоминаний у Эйнара защипало в глазах. Он вытер их тыльной стороной ладони и тряхнул головой. Собрись. Сейчас надо проверить силки и поставить новые петли. И при этом не нарваться на мёрзлых! Обычно ему помогала сестра, но вот уже третий день ей не здоровилось, поэтому мама её не отпустила. Без Мириам Эйнар чувствовал себя как без глаз. Закрались даже тревожные мысли.

*А вдруг что случится? Может пойти в лес, когда сестра поправится?*

Эйнар топнул ногой. Ему не нравилось такое проявление слабости в себе. Он мужчина! Он справится и сам. Он должен!

Раньше он ставил силки восточнее от деревни, но всё чаще находил их пустыми. Наверное, зверь привык. Поэтому сегодня Эйнар взял немного севернее. Там и леса гуще, и до ближайшего города ни один день езды.

Эйнар забрёл подальше. На снегу отпечаталась цепочка узких заячьих следов. Неподалеку чернели ещё чьи-то. Длинные и широкие. Эйнар подошёл поближе. Следы от ботинок, слегка припорошенные снегом. Страх комом свернулся в груди. Где-то рядом ходил иллид. Или нет? Хотя следы иллидов такие, как и у человека, но всё же отличаются. Чаще всего мёрзлые ходили босыми. Или в узких странных

тапочках, которые плотно облегли ступню, будто носки. А здесь след от ботинок. Может, здесь недавно прошёл охотник?

От этих мыслей страх немного притих. Все равно Эйнар осмотрелся, нет ли кого рядом, а затем направился по цепочке следов. Они странно петляли, спутывались, топтались на месте, будто хозяин здорово напился.

Эйнар насторожился. Что-то здесь нечисто. Вдруг он заметил среди деревьев длинный серый тулуп с широким коричневым поясом. Эта одежда показалось такой знакомой. Внутри вспыхнула надежда. Эйнар сам не понимал, что с ним происходит.

Он спрятался за широким стволом дерева и наблюдал. Мёрзлый ходил между деревьями, будто что-то искал. Остановивался. Что-то рассматривал под ногами. Эйнар узнал эти широкие плечи. Сердце радостно застучало. Отец! Неужели они встретились.

Перед внутренним взором вспыхнули картинки, как он приводит отца домой, как радуются мать и сестра. Эйнар быстро осадил себя. Хотелось бы верить, что он просто заблудился, но отец был опытным охотником и следопытом, и вряд ли бы запутал в лесу, тем более так близко к деревне. С ним что-то было не так.

Эйнар поднял ветку и бросил её в сторону. Отец повернулся на шум. Пустой, голодный взгляд.

Проклятая зима, утащи её леший за ногу! Сколько же она

забрала жизнью! Ладно бы иллиды. Они виноваты в такой долгой зиме. Но люди? Почему люди должны превращаться в мёрзлых от их укусов? Это несправедливо! Неправильно!

Горький детский комок обиды подступил к горлу. Застрял. Эйнар будто разделился на несколько частей: одна хотела броситься к отцу, обнять его, другая орала и не знала, куда выплеснуть злость, а третья – трезвая и расчётливая – твердила, что это больше не отец. Это мёрзлый! Монстр, который ищет человеческое тепло. Эйнар застыл, раздираемый противоречивыми чувствами.

«Может, уйти? Притвориться, что ничего не видел, и продолжать думать, будто отец сбежал с другой женщиной?» – возникла в голове мысль, но Эйнар отверг её. Разве после этого он может убедить себя, что отец жив? Разве можно оставить его бродить по лесу, подобно монстру, в поисках тёплой жертвы? Разве можно жить дальше, делая вид, будто ничего не произошло? Нет. Нет. Нет! Он должен помочь отцу освободиться от проклятия. Оно же снимается?! Должен быть способ!

И вновь в сознании вспыхнули картинки, где мама и Мириам радуются возвращению отца; как они благодарят Эйнара за то, что спас его.

*Ты наш герой! Защитник!*

Эйнар вышел из-за дерева и поцокал, будто приманивал бродячего пса. Он чувствовал себя невероятно глупо. Сработало! Отец медленно повернулся. Несколько секунд он смот-



рел невидящим взглядом, но потом оживился. Дёрнулся. Побрёл в сторону Эйнара.

Отец был совсем слабым. Он шёл медленно и часто останавливался. Тогда Эйнар подходил ближе. Приманивал своим теплом. Мёрзлый оживал. Пару раз пытался броситься на него, но Эйнар всякий раз отпрыгивал и отбежал подальше.

Так он довел отца до своего убежища. Благо оно находилось недалеко.

Что делать дальше? Внутри слишком мало место. Если мёрзлый внутри отца вздумает напасть, то Эйнар даже увернуться не сможет.

Нужно связать отца.

Эйнар отвёл его подальше от землянки и со всех ног бросился обратно, отодвигать камень, который закрывал вход. Внутри сгустилась темнота. Лучи света через отверстие в потолке освещали кострище, словно какой-то священный символ. Эйнар нащупал в углу, возле лежанки, моток верёвки. Забросил его на плечи и вышел.

Отец бродил недалеко от землянки. Эйнара передергивало от того, что он собирается сделать. Всплыли в памяти сцены из жизни, которая, казалось, была сотни лет назад.

Отец рассказывает про Оре. Мириам совсем маленькая сидит у него на коленях и внимательно слушает, посасывая пальцы.

Отец учит Эйнара отличать след оленя от следа лося. Ответ от языков пламени ярко оранжевым неровным пятном

падает им на лица.

А сейчас нужно связать родного отца, будто преступника. Мысленно попросив у него прощения, Эйнар пробормотал под нос: "Так надо. Тебе же потом будет лучше".

Мёрзлый внутри отца пытался сопротивляться. Щёлкал зубами. Пытался броситься. Эйнар ловко стягивал его руки, ноги и туловище.

Отец потянулся к нему. Упал. Он напоминал гигантского червя. Жгучий стыд залил щеки Эйнара. Как же он поступит с родным отцом?

"Только это мёрзлый, – напомнил внутренний голос. – Пока что".

"Потерпите, родной. Скоро всё будет хорошо, – приговаривал Эйнар, привязывая отца к дереву. – Я освобожу вас от проклятия. Вы снова станете человеком".

В землянке Эйнар положил в кострище несколько поленьев, засунул под них сухих еловых лапок, мох, и взялся за кремень. Ударил. Раз. Другой. Руки дрожали от волнения.

Мыслями же Эйнар был там, на улице. Рядом с отцом. Как он там, отец? Вдруг его кто-нибудь сейчас найдет? Спина покрылась липким потом. Эйнар выбежал из землянки. Осмотрелся. Никого. Слава богам.

Вернулся и снова взял кремень. Наконец-то искра зацепилась за сухой мох. Эйнар подул на огонёк, прикрывая его руками. Когда он окреп и, радостно треща, взялся за полено, Эйнар вернулся за отцом. Отвязал от дерева и, подталкивая

в спину, завёл в землянку.

Мёрзлый втянул воздух и уставился на костер.

– Не бойтесь, отец, – ласково проговорил Эйнар. – Это всего лишь огонь. Я сейчас посажу Вас рядом отогреться".

Он надеялся, что огонь костра насытит мерзлого теплом и растопит проклятие. В это отчаянно хотелось верить.

Целый день Эйнар просидел рядом с отцом.

Интересно, а как понять, что проклятие спало? Пропадёт голод в глазах? Отец начнет удивлённо озираться? Заговорит? Узнает ли он сына?

Но надеждам не суждено было сбыться. Отец оставался мёрзлым. Отчаяние, будто болотная жижа, засасывало Эйнара.

"Может, за несколько часов проклятие не снимается? – мысленно оправдывался он. – Скорее всего, нужно время. Может, даже ни один день"

От этих мыслей стало повеселее, и душа снова наполнилась надеждой.

На ночь Эйнар вернулся домой. Он ничего не сказал родным. Не нужно им сейчас волноваться. Пускай лучше это будет для них сюрпризом.

На следующее утро, сразу после завтрака, Эйнар убежал в землянку. Он снова развёл костер. Усадил рядом отца. Завязал ему рот детским платком сестры, который утащил из сарая. Мёрзлый не хотел сидеть, шевелился и постоянно падал. Эйнар всякий раз усаживал его обратно, сюсюкаясь, словно

с ребёнком.

– Ну что же Вы так? Не нужно падать. Успокойтесь. Грей-тесь.

Ночью Эйнар не позволял себе спать. Следил за отцом. Подкидывал в костер поленья.

Прошло несколько дней, но отец не оживал, не превращался обратно в человека. Бессмысленность комкала Эйнара, как бумагу, превращая его в маленького и слабого.

Как же хотелось верить, что в этой почти мёртвой оболочке заточен живой дух, только ему нужно помочь освободиться. Но как? Может, если оживить его память, напомнить про важное, то отец найдет силы победить проклятие?

Сутки напролет Эйнар рассказывал отцу про себя, про сестру, про маму, про их жизнь, но всё было тщетно... Тот оставался монстром и слабел с каждым днём: уже не извивался, пытаясь освободиться, лишь иногда дёргался, когда Эйнар подходил, чтобы подбросить дрова. В остальное время мёрзлый бессмысленно глядел в одну точку, иногда поворачивал голову или скрёб пальцами по ткани штанов.

Через несколько дней Эйнар устал. Что ещё рассказать? Да и есть ли смысл?

Потянулись странные дни, когда он мог несколько часов сидеть напротив отца и просто смотреть на него. Эйнару казалось, что он сам превращается в мёрзлого: не хотелось ни двигаться, ни разговаривать, ни жить. Иногда он пугался этого состояния, вскакивал и начинал что-то судорожно делать:

рубить дрова, чистить кострище, перебирать вещи или перестилать лежанку.

Отец умирал. Его кожа твердела и грубела. Вскоре перестали двигаться ноги, руки. Пальцы больше не скребли штанину. За ночь замёрзло туловище, шея, на лице застыл жутковатый оскал.

Эйнар подошел к мёрзлому, дрожащей рукой дотронулся до его щеки. Пальцы прикоснулись ко льду. Вот и все!

Вдруг отец посмотрел на него. От неожиданности и страха Эйнар отшатнулся, зацепился ногой за пенек и чуть не упал.

Отец смотрел на него! И это был взгляд человека: осмысленный, испуганный взгляд! Сбылась еще одна мечта, забери ее леший! Но жил отец недолго. Буквально за несколько минут взгляд застыл, и белая пелена затянула зрачок.

Дикая, необузданная ярость охватила Эйнара, подобно буре. Он никогда не сталкивался с таким сильным чувством. Он уже плохо помнил, что творил: орал, ломал деревья, несколькими иллидам свернул шеи голыми руками. Он проклинал Богов, что они не уберегли отца.

– Я отрекаюсь от вас! – кричал он, глядя в небо. – Вы больше не мои Боги! Теперь я сам себе!

Ярость постепенно угасала, а вместе с ней угасало и что-то живое внутри. Эйнар ощущал себя иллидом, таким же мёртвым и холодным.

С каждым днём он становился слабее и медленнее. Мама даже отвела его к лекарю, но тот лишь порекомендовал

обильное питье и отдых на тёплой печи. Это не помогало. Эйнар чувствовал, как жизнь покидает тело. Он начал прощаться с родными, чем сильно их перепугал. Слышал, как плакала по ночам сестра и молилась мама.

Спасла его новая вера. Обещание, что Всевидящий Бог освободит мир от проклятия и уничтожит всех иллидов, вернуло силы. Эйнар поклонился новому Богу, и в тот же вечер собрал все идолы старых богов, разрубил пополам и сжег под плач и мольбы матери.

Про отца он не рассказал. Не стоит родным знать, в кого тот превратился.

Эйнар хотел вернуться к обычной жизни, но не мог. В нем осталась ярость. Она накатывала неожиданно. Сестра что-то не то скажет, а в глазах уже темнеет и хочется свернуть ей шею. Желание было таким сильным, почти непреодолимым, что Эйнар быстро куда-то уходил, прятался. Пережидал.

Эйнар боялся этих приступов, боялся, что однажды перестанет себя контролировать и убьёт кого-нибудь. Поэтому он всё чаще сбегал подальше от дома, прятался в убежище, где давал ярости полную свободу.

## Глава 5: Эйнар

Эйнар разгрёб ветки и корни, которые маскировали дверь в убежище. Он сделал её недавно. Раньше два валуна – один снаружи, а второй изнутри – закрывали вход. Но Эйнар так устал их постоянно двигать. Однажды даже потянул плечо. После этого из грубых досок он смастерил дверь.

Из норы дыхнуло затхлостью и сырой землёй. Внутри было темно. Свет от небесных линий освещал лишь первые две ступени. К счастью, Эйнар так хорошо помнил своё жилище, что легко ориентировался даже в полной темноте.

Он спустился по ступеням, а затем, шагов через пять, носы ботинок уткнулись в камни вокруг кострища. Эйнар свернул налево, туда, где располагалась лежанка. Он опустился на колени и вытянул руки, ощупывая темноту. Пальцы дотронулись до грубой ткани, которая накрывала еловые лапки. За лежанкой у самой стены он нашел огниво.

По другую сторону костра, в нише в стене хранились дрова. Эйнар сложил чурки шалашом и напихал внутрь сухой травы, коры и еловых лапок. Ударил кресалом по кремнию. Когда искра перекинулась на траву, Эйнар подул на неё, помогая пламени разгореться.

Убежище наполнилось тёплым оранжевым светом. Сразу стало уютно и радостно.

– Здравствуй, отец, – поклонился Эйнар ледяной статуи.

Он не смог избавиться от отца, после того, как тот замёрз. Испугавшись, что пламя растопит лёд, Эйнар вырыл для статуи нишу в стене, недалеко от входа.

Теперь отец всегда был рядом, наблюдал за жизнью сына, охранял жилище.

– Представляешь, что сегодня сестра учудила?! – воскликнул Эйнар, обращаясь к отцу, будто к живому. – Пока мы были на охоте, она соизволила отлучиться, а потом приволокла с собой нечто, похожее на человека! Это был не иллид. Уши, как у нас. Глаза со зрачком, но кожа... Кожа такая розовая и тёплая. А волосы чёрные!

Эйнар рассказал отцу всё, что приключилось за сегодняшний день. Про маму. Про её веру, будто найдёныш Бог. Про Мириам, которая наставила лук на родного брата!

Всколыхнулись уснувшие эмоции. Злость и горечь разлились по телу. Сестра и мама променяли его, родного человека, на странного незнакомца, которого видели впервые! Да как они посмели?! Голова словно наполнилась воздухом. Мир перед глазами поплыл, проведи рукой – и сотрёшь его. Крик ломал грудную клетку и раздирал горло. Эйнар бросился к лежанке, достал из-под неё меч. Со всей силы сжал рукоятку и провел пальцами по клинку. Холод метала немного привёл в чувства. Мир снова обрёл чёткие границы.

Тяжёлым шагом Эйнар вышел наружу.

Вокруг разливалась ночь. Над деревьями висели тусклые серебряные нити небесных линий. Холодный воздух щипал



нос и щёки.

Эйнар застыл, прислушиваясь к окружающим звукам. Скрипели стволы деревьев. Где-то вдалеке ухала сова.

Нужно найти иллидов. Раньше их было много, как блох на дворняге, а теперь ряды мёрзлых значительно уменьшились.

Эйнар двинулся в сторону Плории. Иллиды старались держаться поближе к поселениям и дорогам. А вот дикие звери, наоборот, уходили подальше в леса.

Эйнар долго бродил по лесу, но безуспешно.

"Вот как всегда, – мысленно сокрушался он, всматриваясь между деревьями. – Когда иллиды нужны, то хрен их найдешь".

Наконец-то повезло. В тусклом серебристом свете небесных линий Эйнар заметил синеватую кожу мёрзлого и фиолетовые торчащие волосы. Это оказался парень. Совсем молодой. Где-то лет четырнадцати. Его одежда была грязной и порванной. Мёрзлый бродил между деревьями, будто заблудился.

– Кс-кс-кс, – издевательским тоном позвал его Эйнар.

Мальчишка остановился и медленно повернул голову в его сторону.

– Давай, иди ко мне, – приманивал его Эйнар, размахивая руками.

Парнишка двинулся к нему, словно недоверчивый пёс.

Эйнар не стал его убивать, а повёл за собой, на поиски других иллидов. Мёрзлый пытался нападать. Резко бросался

вперёд. Выбрасывал руку, пытаясь схватить Эйнара, но тот ловко уворачивался.

– Да не сейчас, – смеялся Эйнар, словно играл с маленьким ребёнком, а не со смертью. – Мне неинтересно драться с тобой один на один. Да и такой бой для новичков.

Вскоре попались ещё двое. Девушки. Одна – полненькая, без глаза и с коротким светло-розовым ёжиком. А вторая – стройная, фигуристая, с длинными синими волосами, собранными в высокую причёску. Многие прияди выбились и падали на глаза и плечи. На ней было синее длинное платье с разрезом почти до бедра и с глубоким декольте. В ушах мёрзлой сверкали золотые серьги. Она показалась Эйнару странной. Полненькая, как и все мёрзлые, среагировала на тепло живого человека, потянулась к нему. А худая нет. Осталась на месте. Тревожное чувство шевельнулось внутри.

Держись от неё подальше.

Краем глаза Эйнар заметил старика. Вместо левой руки у него из плеча торчал кусок кости, а правая нога была вывернута так, что стопа смотрела не прямо, а в сторону. Самое страшное, что старик не был иллидом. Он – человек, несчастная жертва зимы.

Эйнар остановился. Мёрзлые приближались. Все, кроме синеволосой девицы. Показалось, что она наблюдает за ним, как будто её вели не инстинкты и голод, а разум. Эйнара прошиб холодный пот. Но времени на подумать не было. Парнишка щёлкнул зубами и бросился на него. Эйнар отскочил.

Достал меч.

О, эта сладкая песнь клинка, когда он рассекает воздух, когда разрезает тело, с хрустом перерубая кости. Мальчишка упал. По коже расплылось синее пятно. Живые ткани превращались в лёд.

Эйнар увернулся от длинных пальцев толстой девицы. Лезвие вошло в её объемный живот. Она завизжала. Схвати-лась руками за клинок, будто хотела достать его. Эйнар выдернул меч и отсёк ей голову.

Дед оказался медленным и неуклюжим. Но драться с ним как с мёрзлым Эйнару не хотелось. Ведь это человек. Ему просто так же не повезло, как и отцу. Ему не нужно мстить, он ни в чем не виноват. Стоит подарить несчастному освобождение.

Эйнар зашёл деду за спину. Пока тот неуклюже разворачивался, проткнул сердце мечом.

Дед осел, уткнулся лицом в землю, будто хотел поцеловать её в последний раз. Так и застыл.

Эйнар достал меч. Статуя задрожала и осыпалась ледяным прахом.

– Упокойся с миром.

Было в этой минуте нечто грустное и радостное одновременно. Только что оборвалась жизнь человека. Только что измученная душа освободилась от проклятия.

Эйнар тяжело вздохнул. И в следующее мгновение почувствовал холод на коже. Тонкие женские руки обвили его за

грудь и талию. Прижали к себе. Так крепко, не пошевелиться. От неожиданности Эйнар уронил меч.

Он совершенно забыл про синеволосую! Упустил её из вида! А она выждала подходящий момент и сцапала его, как кошка мышку.

Впервые в жизни Эйнар ощутил себя не охотником, а – жертвой. Беспомощной. На волосок от гибели. Он растерялся и не знал, что делать. Мёрзлая же знала: она прильнула губами к его шее, провела языком по позвоночнику.

Тепло, которым был наполнено тело Эйнара, будто поток реки устремилось к губам иллидки и, подобно воде, закручиваясь в водоворот, исчезало в бездонной яме. Холод, острый и жгучий, впился в кожу. Потёк по венам. Сердце бешено забилося.

"Она забирает мою жизнь! Она травит меня! Соберись! Спасайся!"

Эйнар резко присел, а затем стремительно встал, сильно наклоняясь назад. Он с такой силой врезал затылком в лицо иллидки, что потемнело в глазах. Раздался сухой щелчок. Эйнару показалось, что щелкнуло у него в голове.

Иллидка разжала объятия. Отшатнулась. Эйнар отскочил в сторону, как-то умудрился поднять меч. Нос мёрзлой изогнулся, как змея.

Нельзя мешкать! Эйнар взмахнул мечом. Когда иллидка бросилась на него, всадил клинок точно между рёбер. Лезвие заскользило, разрезая плоть. Когда оно добралось до сердца,

дрожь прокатилась по телу иллидки. По её коже побежали синие круги. Лезвие ударилось о лёд позвоночника. Остановилось.

Эйнар чувствовал себя обессиленным. Ноги совершенно не держали. Он отпустил рукоятку меча – она осталась торчать в теле иллидки, будто победный флаг – и сел рядом. Подташнивало. Мир перед глазами дрожал, словно находился за дымкой. Хотелось лечь прямо здесь и уснуть. Переборов это желание, Эйнар поднялся, забрал меч. Отошёл на пару шагов, но затем вернулся. Со всей силы толкнул ледяную статую.

– Тварь! – прошипел он, а затем посмотрел на ледяные осколки и сощурился. – Я победил тебя.

Эйнар не помнил, как дошел до логова, как упал на лежанку. Он не знал, как долго спал. Судя по тому, что дрова прогорели, а огонь почти потух, прошло много времени. Но сон и тепло придали сил. Эйнар чувствовал себя лучше. Собраннее. Сильнее.

Он подбросил поленьев и помог костру разгореться. Затем сел и стал смотреть на огонь, пытаясь собрать по крупицам то, что произошло накануне. Он помнил какие-то обрывки, части сцен. Ему виделся одноногий мальчик и желтоволосая девушка. Она вроде напала на него, укусила. Это неправда! Может, ему всё приснилось?!

Дрожа и лелея надежду, что всё произошедшее лишь грёзы, Эйнар дотронулся сзади до шеи. Кожа была холодной, а

пальцы нащупали рубец вдоль позвоночника.

Твою ж мать, это не сон. Она на самом деле отравила его!

Страх напоминал тяжёлые доспехи, давил на грудь и плечи. Эйнар вскочил и принялся ходить кругами.

Что теперь делать? Как избавиться от яда? Может, пустить кровь? Может, вырезать ту часть мышцы, куда впилась тварь?

Нет, всё не то!

У кого просить помощи?

Эйнар понимал, что не у кого. Никто не поможет. Матери с сестрой точно не стоит ничего рассказывать. Они будут волноваться и переживать за него, но ничего не смогут сделать.

Обратиться в Око? Эйнар даже не представлял, что с ним там сделают. Вылечат? Вряд ли. Скорее всего, отнесутся к нему как к заражённому и убьют.

Он был один на один со своей бедой. От этого осознания хотелось рыдать. Эйнар крепко сжал кулаки, чтобы подавить порыв. Он чувствовал себя несчастным и одиноким и не знал, как справиться с этими чувствами.

Словно насмехаясь, всплыли новые воспоминания о его провале: как он позволил иллидке захватить себя, как позорно выронил меч. Эйнар уцепился за волосы и так сильно потянул их, что заныла кожа головы.

Отчаяние сменилось злостью. Вообще, во всём виновата сестра! Не притащи она того выродка, не было бы скандала.

Он бы остался дома! Не ввязался бы в драку с мёрзлыми! Его бы не отравили! Эйнар скрипнул зубами от злости. Ничего, он найдёт способ, как отомстить Мириам.

## Глава 6: Ивор

До поздней ночи Ивор сидел над счётными книгами. В одной, что в деревянном переплёте, он вёл семейный учёт. В другой, в мягкой кожаной обложке, записывал доход от продажи и аренды лошадей, расходы на их содержание и выплаты работникам. Ивор окунул перо в чернильницу, легонько стряхнул его и аккуратно вывел: ИТОГО. Затем прикрыл глаза, и перед внутренним взором побежали цифры. “Десять плюс двенадцать плюс восемь плюс один Рут... Так, это двадцать Сольт. Плюс двадцать пять Сольт. Ещё кувшин орехов и парочка зайцев...” – мысленно сложив все расходы, рядом с “итога” Ивор написал «три Рут восемнадцать Сольт».

Буквы выходили округлые. Одни были тонкие, будто волос, у других бока раздувались, словно горловой пузырь у жабы. Буквицы Ивор украшал вензелями: где-то веточка переплетётся с петелькой, где-то завитушки кружевом лягут рядом с ножкой. Пускай он не летопись писал, а всего лишь счётные книги заполнял, но все должно быть аккуратно и красиво.

Огонёк свечи подрагивал от дыхания и движений. Глаза ныли. Ивор снял очки, подушечками пальцев помассировал веки, чувствуя, как уходит напряжение. На сегодня всё. Остальное доделает завтра. И список товаров на ярмарку он подготовит завтра. Ивор захлопнул книгу, широко зевнул и



наклонил голову – позвонки слабо хрустнули. Мышцы спины заныли. Сцепив пальцы в замок, он вытянул руки над головой и наклонился сначала в одну сторону, затем в другую.

Взяв канделябр, Ивор подошёл к шкафу. Его дверцы украшали нарисованные фигурки зверей и птиц. Пламя свечи отражалось в глазах из чёрного оникса, и казалось, будто они живые.

Ивор сменил жупан на ночную рубаху и колпак. Зачерпнул воду из миски на ночном столике и умылся. Из затуманенного неровного стекла на него таращился мужчина лет сорока, с вытянутым лицом. Оно было похоже на перепаханное поле: по бледной коже тянулись борозды от морщин. Они пересекали лоб, обвились вокруг глаз и губ. Волосы, в молодости густые, длинные и белоснежные, теперь потускнели, поредели, а на макушке вылезла лысина. Как только Ивор с ней не боролся: втирал масла, пил настойки, что советовали лекари и цирюльники, – ничего не помогало. Приходилось прятать лысину под волосами, специально зачесывая их назад и собирая в тонкий хвост. Старость. Никуда от неё не деться. Ивор обречённо вздохнул, затем взял полотенце, которое лежало около миски, промокнул лицо.

Сон склеивал веки и наполнял тело приятной тяжестью. Постель выглядела притягательной и манящей. Как же хотелось лечь на эти простыни, зарыться головой в мягкую подушку, но нужно было выполнить ещё парочку дел.

Ивор надел тапочки, утеплённые мехом, и пошёл в ком-

нату дочери. Прикрывая пламя свечи ладонью, залюбовался разметавшимися по подушке кудряшками Алин. Какая же она красивая, его доченька! Вся в маму, в его любимую, так рано ушедшую из жизни Полиану. Алин, казалось, взяла от мамы и её рода Данио всё самое лучшее: кучерявые волосы, круглое лицо, пухлые губы, аккуратный подбородок и родинку под правым глазом. Ещё от жены дочери перешли пышные формы, как у королевской особы, которая никогда не знала голода и лишений. От отца Алин взяла лишь широкие брови и голубой цвет глаз.

Ивор поднял книгу, которая валялась на полу возле кровати – видимо, дочь опять полночи читала – и положил её на прикроватный столик.

– Хороших снов, моя принцесса, – прошептал он и поцеловал Алин в лоб.

Затем он спустился в Святилище – просторную комнату, в центре которой, образуя круг, стояли кумиры Богов – гигантские, в два раза выше Ивора, деревянные идолы с человеческими лицами. Нут, Нид, Бальт, Мара и Кай. Каждый в руках держал свой символ. Кай, бог войны, опирался на меч. Мара была богиней смерти и хаоса, поэтому она держала серп, которым перерезала нити живущих. Бальт, как бог законов и порядков, стоял с книгой, а Нид, покровитель торговцев, сжимал горсть монет. Нут же вырезали с семечками яблока на ладони – символом плодородия.

Возле каждого идола стоял алтарь. Ивор склонил голову

перед Нут и попросил у неё защиты для себя и Алин, затем насыпал в чашу немного зерна. После поклонился каждому богу, шепча: «Помним и чтим».

Глаза слипались, сознание затягивалось сладкой пеленой. Выходя из святилища, Ивор несколько раз зевнул. Правда, пока он дошел до кровати, сон куда-то улетучился. Немного поколебавшись, Ивор всё же затушил свечу и залез под одеяло.

За окном шевелились тени, тихо, но злобно завывал ветер. Лиственное дерево, которое росло недалеко, в свете небесных линий походило на лешего, только очень истощённого.

Поняв, что не уснёт, Ивор поднялся, зажёлг свечу и подошёл к шкафу. На одной из полок, под одеждой, хранилась шкатулка-сундучок. Пока она не имела особой ценности, но через какое-то время и при определенной удаче, её содержимое станет на вес золота. За спрятанные в ней тайны можно будет лишиться головы.

Ключ от сундучка висел на длинной верёвке на шее. Только так Ивор был уверен, что никто случайно или специально не залезет в его тайны. Щёлкнул замок. Скрипнула крышка. Внутри лежали письма и скрученные, словно древесные опилки, полоски бумаг.

«Посетил деревню Хикс. Женщина не та, которую мы ищем». «Напал на след. Еду на север», – текст был написан острым почерком, буквы напоминали цепи горных вершин.

Ивор вытряхнул записки на стол, достал письмо – тонкий

узкий лист желтоватой бумаги. Оно пришло пару дней назад. Почерк был точно таким же неровным и острым, как в записках.

*«Уважаемый войт Блом!*

*Пишу Вам с радостными вестями. Мне удалось встретиться с таинственным господином Н. Мы выпили по кружке пива в таверне «Серебряный ручей», что находится на окраине квартала элладов в Иднасе. Н. оказался человеком, правда, премерзким. Если бы не наше дело и не та информация, которой он владеет, ни за что не стал бы с ним якшаться.*

*За мешочек звонких монет он рассказал мне любопытную вещь. Он был знаком с интересующей нас женщиной. Н., правда, он был тогда мальчишкой, но запомнил её хорошо, так как она имела скверный характер.*

*Женщина жила рядом с кварталом элладов и очень много пила. Господин Н. часто встречал её спящей под забором или выпрашивающей милостыню. Он утверждает, что женщина приехала в Иднас с маленьким сыном, тому лет семь было. Года через два ребенок пропал, и никто не стал выяснять, что с ним. Поговаривают, мальчишка умер: то ли мать его прибила сгоряча, то ли от голода и недосмотра. По крайней мере, так многие считают, но господин Н. настаивает, что мальчишка сбежал.*

*Ещё мне удалось узнать, что М. приехала с северных земель княжества Сол. Господин Н. не знает, откуда именно,*

но отметил, что акцент у неё был, как у северянки. Но он знает, где в последний раз останавливалась женщина, перед тем, как приехать в Иднас, – это постоянный двор «Расколота кружка», который на Главном перекрестке. Посоветовал мне съездить туда разведать. Говорит, что там хозяйка уж очень падка на золотые монеты.

После моего разговора с господином Н., я ходил по улицам, расспрашивая местных. Монеты очень хорошо освежают память. Вспомнили её. Да, говорят, была пьяница и померла пьяная в своей постели. Захлебнулась в собственной... простите... рвоте.

Нашёл я одну даму, назовем ее К., которая неплохо была знакома с ней. К. рассказала, что наша женщина приехала очень даже в приличном виде вместе с маленьким сыном, сняла комнату, каждый вечер принарядилась и бежала в квартал элладов. Что она там делала, никто не знал. Поговаривали, будто у неё была необъяснимая страсть к элладам. Но однажды её вылазки прекратились, и М. стала налегать на спиртное. Отношение к цветноволосям тоже резко поменялось. Если раньше М. горела страстью, то потом, приняв на грудь, выходила на мостик, соединяющий квартал людей с кварталом элладов, и плевала в их сторону.

Больше мне ничего не удалось узнать. Нужно отправляться в «Расколотую кружку». Может, там нам повезёт больше.

Прилагаю к письму лист, на котором указаны все расхо-

*ды на жильё, еду и информацию.*

*Так же хотел сообщить вам, что деньги, выделенные мне для расследования, подходят к концу: осталось 15 Сольт. Я осмелюсь попросить Вас передать мне еще 100-150 Лир.*

*Низкий Вам поклон от вашей птички».*

Ивор отложил письмо. 150 Лир – крупная сумма. Расследование затягивалось, цена росла. Но он так долго гонялся за призраками, не знал, что искать, просто шёл по неясному прерывающемуся следу... Почти отчаялся, а потом совершенно случайно какая-то распутная девка в дешёвом трактире передала пташке интересные слухи. Она знала одного человека до того времени, как он стал величать себя Пророком. Ивор приказал разнюхивать в этом направлении, и оказалось, что там воняло обманом, насилием и безумием. Вряд ли Пророк, который нашёл теплое местечко под крылом князя, захочет, чтобы кто-то узнал его тайны. Они становились все грязнее и грязнее: вскрылась правда про маму. Оказывается, та была пьяницей со странной любовью к элладам.

Ивор чуял: чем сильнее он тянул за ниточку, тем страшнее тайны вылезали на поверхность. Вдруг Пророк окажется наполовину элладом? Это будет как гильотина над его шейей! Религия, которую распространяет Пророк, брызжет слюной в сторону элладов и магии, а тут оказывается, что самый главный – тот ещё колдун, и все его чудеса рождаются от магии, а не от связи с Богом.

От возбуждения и нахлынувших мыслей Ивор расчесывал

ногу.

Если Пророк наполовину эллад, да ещё и с магической кровью, если об этом узнает мир, последователи, а самое главное – князь, тогда придет конец мерзкой религии! Князь самолично повесит этого мошенника на главной площади. Ивор должен присутствовать во время казни, стоять в первых рядах и наслаждаться.

Но...

Ивор постепенно возвращался в реальность.

... расследование затягивалось и расходы росли. Вряд ли он это потянет. Нужно найти тех, кто богаче, кто разделит его страсть и поделится деньгами.

Но кто?

Ивор переплел пальцы и упёрся указательным в переносицу.

Где взять денег? Хотя, есть у него одна мысль!

Небесные линии серели, а небо на юге светлело. Птицы чистили перышки и заводили трели, приветствуя новый день.

С пением птиц Ивор будто очнулся, посмотрел в окно. Уже утро? Как так?.. Ивор поднялся. Затёкшие ноги неприятно занули. Нужно выспаться за пару часов. Главное, что он придумал план!

## Глава 7: Алин

Веки тяжелели и закрывались, но желание дочитать было сильнее, поэтому Алин встала с кровати, подошла к умывальному столику и протёрла глаза холодной водой. Сон отступил. Но вряд ли надолго. Поэтому Алин быстренько юркнула обратно под одеяло. На страницах книги ее ждали рыцарь Ромуль с возлюбленной принцессой Лилиан. Они знали, что король нашёл постель дочери пустой и отправил за беглецами погоню. Он не желал мириться с тем, что дочь вышла бы замуж за простого рыцаря, а не за наследника престола соседней страны, и очень разозлился, когда она ослушалась и сбежала. Он приказал схватить их. И вот уже несколько дней влюблённые спасались от преследования: не спали несколько суток, переходили ледяную реку в надежде сбить собак со следа. Вроде получилось. Кони не ржали за спиной, а лая собак не было слышно. Беглецы решили устроить привал. Ромуль припал ухом к земле и несколько минут прислушивался, а затем поднялся и довольно улыбнулся. Оторвались. Они развели костер, чтобы согреться. Рыцарь постелил для принцессы свой плащ, а сам остался на страже. Усталость сыграла злую шутку, он прикемарил буквально на пару минут, а когда открыл глаза, то уже был окружён королевской стражей.

Беглецов вернули в замок: рыцаря бросили в темницу, а



Лилиан отец запер в башне до свадьбы с принцем Охлом. Принцесса так переживала за любимого, что заболела, и ни один лекарь не мог ей помочь. Она увядала на глазах. За несколько дней от красавицы Лилиан осталась лишь тень. Король испугался за свою дочь и уверовал в силу её любви. Он понял, что если казнит Ромуля, то Лилиан тоже умрёт, поэтому приказал освободить рыцаря и дал благословение на их замужество.

Ромуль оседлал коня и во весь опор поскакал к башне. Он взбежал в опочивальню любимой и тут же у постели опустился на одно колено и прошептал:

– Ты станешь моей женой?

На этом моменте Алин всхлипнула, а глаза заполнились слезами счастья. Пускай Лилиан услышит эти слова, пускай очнется.

Принцесса как будто вняла её мольбам, потому что открыла глаза, и болезнь тут же покинула ее тело: лицо осветила улыбка, на щеках заиграл румянец.

– Да, – прошептала Лилиан.

Вскоре во дворце состоялась их свадьба, на которую были приглашены все. Много мёда и вина лилось на том пире, а трубадуры в балладах восхваляли силу любви, способную победить любую болезнь, даже самую смерть.

Алин несколько раз прочитала последний абзац, её сердце наполнилось нежностью и радостью. Какая чудесная история! Как же она была рада за Лилиан и Ромуля. Алин за-

крыла книгу, прижала её к груди и залезла под одеяло. Не заметила, как так и уснула. В мире грёз она превратилась в принцессу, а любовь всей ее жизни – Эрн – перевоплотился в рыцаря. И они вместе убегали от злобного отца, пытаясь защитить свои чувства.

Утром она проснулась от того, что нянечка ходила по комнате и собирала грязные вещи, которые Алин по привычке бросила на пол. Книга лежала на столике рядом с кроватью.

– Доброе утро, снежинка, – улыбнулась женщина, заметив, что Алин села в постели.

– Доброе-доброе, Корра – ответила она, зевая.

Нянечка была низкой и полной женщиной. Она носила длинное коричневое платье. Она так давно работала у них, что Алин помнила ее молодой, с нежной гладкой кожей и блестящими волосами. Пока Корра наблюдала, как её подопечная расцветает: из смешной и пухлощёкой девочки превращается в неуклюжего подростка, Алин же наблюдала, как увядала нянечка: как на коже появлялись морщинки, которых с каждым годом становилось всё больше; как седели и редели волосы. Но однажды Корра изменилась до неузнаваемости: буквально за полгода её тело расползлось, а лицо расплылось. Папа сказал, что это все от заболевания, которое ни один доктор не может вылечить. Но, не смотря на внешние изменения, внутри нянечка оставалась такой же доброй и нежной, как раньше. Она по-прежнему придумывала новые сказки для Алин, целовала на ночь в лоб, утешала, когда

та прибегала жаловаться, даже скрывала от отца её мелкие шалости.

– Как Вам спалось? – поинтересовалась нянечка, распахивая шторы.

Свет от Сангара наполнил комнату, и от этого на душе стало радостно. Редко в текущие времена можно застать тёплый и полный света день.

– Ой, хорошо. – Алин потянулась и откинула одеяло.

– Вы полежите немного, я сейчас принесу Вам новое платье.

Корра вышла из комнаты с охапкой вещей под мышкой, а вернулась с платьем светло-лимонного цвета. Помогла ей одеться и усадила перед зеркалом.

– Ужасные волосы! – тяжело вздохнула Алин, наблюдая за тем, как нянечка аккуратно расчёсывает её непослушные пряди. – Почему мне не могли достаться нормальные прямые волосы, а не эти дурацкие кудряшки!

– Не говори так, снежинка! – воскликнула Корра. – У тебя прекрасные волосы. Они делают тебя особенной.

Алин хмыкнула, но ничего не ответила. Нянечка собрала пряди в жгуты, вплела ленты – жёлтые, под стать платью – перетянула их на затылке и закрепила тонкими заколками.

– Смотри, какая ты красавица! Будто сама королева.

Алин зарделась от этих слов и пролепетала «спасибо».

– А теперь беги завтракать, а я приберусь у тебя в комнате.

Обеденная располагалась на первом этаже. Через много-

численные окна в комнату щедро лился свет, поэтому свечи в настенных канделябрах не горели. Стол занимал половину помещения. На нём в глубокой тарелке дымились только что сваренные яйца; на деревянной доске лежали тонкие ломтики ветчины и запечённые овощи, а на большом стеклянном подносе красовались любимые черничные пирожные. Посередине возвышался кувшин, наполненный кипятком. Половые завернули его в полотенце, чтобы вода не остывала. Маленькие фарфоровые чашечки, украшенные цветами и ягодами, будто с нетерпением ждали, когда же их наполнят ароматным чаем.

Половые, мальчишки лет семи, замерли возле двери, которая соединяла обеденную с кухней – ждали, когда Алин сядет за стол, чтобы подать завтрак. Но Алин всё никак не решалась: отца ещё не было, а женщине садиться первой – некультурно. Она постояла, бросая взгляды на дверь, затем переступила с ноги на ноги, оглянулась и нерешительно опустилась на стул. Она чувствовала себя как на иголках и была готова сразу же вскочить, если отец появится в дверях.

Половой поставил перед ней миску с гречневой кашей, сильно сдобренной маслом, и жареной перепёлкой. Алин отломил ножку и втянула ароматы мяса с нотками розмарина и тимьяна. Их повариха – кудесница! Только она могла приготовить такие блюда, которыми не стыдно угостить самого князя!

В обеденную вошёл отец, когда Алин размешивала сахар

в чае, а половые уносили пустые тарелки. Он был одет в домашний халат темно-бордового цвета, на ногах – светлые штаны и тапки из шерсти. Волосы он заплел в косу, которая получилась тонкой, будто мышиный хвостик. Отец как всегда был хорошо выбрит и надушен. Алин не помнит, чтобы хоть раз видела его растрепанным, неумытым или со щетиной. «По внешнему виду судят и решают, иметь с тобой дела – или нет!» – учил он её в детстве, когда Алин не хотела умываться или расчесывать волосы. «Вот посмотрят на тебя, на торчащие во все стороны космы, и подумают, что эта девочка, видимо, простолюдинка, неряха – поэтому не стоит с ней дружить».

– Доброе утро, принцесса.

– Доброе, – Алин поднялась в знак уважения и опустилась обратно на стул только после того, как сел отец.

– Как тебе спалось?

– Хорошо. Правда, ветер завывал так сильно, что я постоянно просыпалась. А Вам как спалось? Вы вчера поздно, видимо, легли.

– Да, пришлось засидеться над счетными книгами, – отец расстелил на коленях полотенце.

Половой принёс тарелку с кашей, но вместо перепёлки на ней была вантробянка – говяжьих потроха с чесноком и специями, запеченные в свином желудке.

– Приятного аппетита, – пожелал мальчик и ушёл.

Он занял привычный угол возле входа в кухню и замер,

наблюдая за трапезой, готовый тут же броситься и убрать грязную посуду.

Алин разбила ложечкой скорлупу от яйца и двумя пальцами счищала ее, пока отец завтракал. Она ела медленно, смакуя каждый кусочек, а папа, в отличие от неё, ел рывками. набрасывался на пищу, будто голодный зверь, а потом делал перерыв, медленно попивал чай и заводил разговоры, после снова возвращался к еде.

И в этот раз Ивор расправился с половиной порции, промокнул губы полотенцем, которое лежало на коленях, и откинулся на спинку стула.

– Я сегодня вечером много думал, дочка.

– И о чем же? – поинтересовалась Алин, сбрасывая последний кусочек скорлупы в мисочку.

– О том, какой взрослой ты стала. Вроде ещё вчера бегала такой малышкой вокруг и постоянно просила взять тебя на ручки или посидеть на коленках. А ещё ты любила сидеть на плечах: широко раскидывала руки и заявляла, что ты птица, – отец усмехнулся, бросил в кружку заварку и залил кипяток. По воздуху поплыли ароматы малины и мяты. – Но теперь тебе уже пятнадцать. Не могу поверить, что ты выросла. Да ещё такой красавицей. Вся в маму, успокойте боги её душу.

Алин почувствовала, как тоска сжала сердце. Болезнь одолела маму в молодом возрасте. Она начала кашлять, но никто на это не обращал внимания. Спихватились тогда, ко-

гда кашель перерос в приступы. Мама тогда сгибалась, хрипела. Глаза выкатывались. Кожа приобретала нездоровый бледно-зелёный оттенок. Это очень пугало маленькую Алин: она плакала и кричала, просила прекратить. Тогда нянечка её уводила и рассказывала сказки. Буквально за сезон мама похудела, посерела, почти перестала есть, а потом легла в постель и не поднималась. Алин долго запрещали к ней заходить, но в один день всё-таки позволили. Мама напоминала скелет, обтянутый кожей. Запястья стали такими тонкими, что их можно было обхватить двумя пальцами. Волосы, раньше густые и кучерявые, выглядели тусклыми и серыми. Алин смотрела на маму и пыталась увидеть молодую, полную жизненных сил женщину, со счастливой улыбкой, с искорками в глазах. Это удавалось плохо. Реальность словно была пропитана настолько токсичным ядом, что он растворял воспоминания. Может было бы лучше, чтобы она не видела маму при смерти? Ведь она запомнилась именно такой: больной, худой и серой.

От этих воспоминаний глаза наполнились слезами, и Алин со всей силы сжала полотенце, чтобы не позволить себе заплакать.

– ... я нашёл тебе достойную пару, – закончил отец предложение.

– Зачем? – удивилась она.

– Ты что, не слушала? – нахмурился отец, но тут же улыбнулся и повторил: – Замуж тебе пора, доченька. Ты уже до-

стигла того возраста, когда молодые девушки вылетают из-под родительского крыла и выют своё собственное гнёздышко. И я много думал о том, как устроить твою жизнь так, чтобы ты ни в чем не нуждалась и жила словно самая настоящая принцесса. Ведь ты и есть принцесса. И я нашёл тебе достойную пару.

От этих слов у Алин закружилась голова. Замуж? В смысле? Она, конечно, думала о замужестве, но оно представлялось каким-то далёким. Да и замуж она хотела выйти по любви, а не как все. Она знала, что брак – это, по сути, союз двух мужчин, и желание девушки тут не учитывается, но всё же надеялась и верила, что её отец не такой, что он чуткий и добрый. Но сейчас вся её вера, все её мечты рассыпались, как трухлявое полено. Алин почувствовала, как напряглись мышцы, а в груди будто застрял острый осколок.

– И за кого Вы хотите меня отдать, папа? – каждое слово давалось с трудом.

– За Якоба Радда.

Это предложение звучало настолько нелепо, что Алин усмехнулась.

– Папа, Вы серьезно? Радды влиятельные магнаты. Вряд ли они согласятся взять в жёны меня. Якоб скорее женится на Оливии Боции. Она из его сословия.

Отец посмотрел на неё таким взглядом, будто получил оплеуху. Он положил вилку на край тарелки и промокнул губы салфеткой.



– Доченька, тебе не стоит переживать за это. Я знаю, какое предложение стоит сделать Раддам, чтобы они согласились.

Алин поняла, что отец не шутит и, скорее всего, он всё просчитал на несколько шагов вперед. Он знал, кому и что нужно сказать, как правильно себя подать, чтобы добиться того, чего он хочет. Благодаря этому папа выбрался из крестьян и занял почётную должность главного писаря при князе, а потом получил титул войта – да, пускай самый низкий титул, но всё же – и кусок земли с деревней в своё управление.

Отец видимо заметил её кислое выражение лица, потому что попытался приободрить:

– Только представь, ты будешь жить, как принцесса: в большом роскошном доме, будешь носить платья из аксамита и ездить в позолоченной карете. И получишь более весомый титул, чем сейчас.

Эти слова сделали только хуже. Алин почувствовала себя разменной монетой. Всё это не ради её счастья, а ради власти. Она всего лишь кукла, через которую отец сможет получить новый статус, занять место в сейме и принимать участие в важных политических вопросах. Она никто. Она ничего не решает, а её желания ничего не значат. Алин почувствовала себя маленькой, но попыталась сопротивляться:

– А как же любовь, папа? Разве я буду счастлива за Якобом, если совершенно не люблю его?

– Любовь – всё это дурость, – махнул он рукой и отправил

в рот остатки вантробянки. – Да и знаешь, как говорят в народе: поживёте – слюбитесь.

Алин же кусок в горло не лез. На душе было мерзко и противно.

– А знаете, как говорят ещё: с милым и мох покажется мягкой периной, и в лютые морозы будет тепло! – взвилась она.

– Какие наивные детские мечты, будто любовь заменит всё на свете, – хмыкнул папа, и Алин почувствовала, будто её оплевали. – Подумай, разве ты будешь счастлива в шалаше? Нет! Ты привыкла к тёплой постели, ко вкусной еде, к черничным пирожным. Разве ты сможешь спать на матрасе, набитым еловыми лапками, есть кислую капусту? Это только в твоих книжках принцессы спят на полу и чувствуют себя счастливыми. Жизнь – это не книжки. В жизни всё сложнее! Надо забрать у тебя эти книги, а...

Картинка перед глазами поплыла, Алин ухватила за край стола. Боковым зрением она заметила, что отец испугался. Он что-то сказал и потянулся к ней. Мысль о том, что он прикоснётся, вызвала отвращение. Алин дёрнулась. Отец, такой родной и любимый, теперь казался ей чужим. Больше не хотелось находиться рядом с ним, а уж тем более сидеть за одним столом. Алин собрала остатки сил и поднялась.

– Я накушалась, – сказала она и с гордо поднятой головой вышла из обеденной.

## Глава 8: Эйнар

Домой Эйнар вернулся через несколько дней. На улице стояла глубокая ночь. Родные давно спали. Когда он вошёл, мама с шумом перевернулась на печи. Эйнар стянул сапоги, снял тулуп и на цыпочках проскользнул к себе в комнату. Сундук у двери он не заметил и больно ударился о край мизинцем. Перед глазами расплылись оранжево-красные пятна. Он процедил боль сквозь зубы, а потом прислушался. Не проснулся ли кто.

Эйнар доковылял до кровати и рухнул на покрывало. Ушибленный палец неприятно пульсировал. Леший с ним, пройдёт! Эйнар залез под одеяло и прижался к тёплому печному боку, который врезался в часть стены. Матрас пах свежим сосновым лесом. Тени за окном укачивали. Эйнар ощутил себя малышом в люльке. Не хватало только маминого пения. Ах, сейчас бы уснуть и забыть про все неудачи и трудности. Но сон не шёл. Он покачал лодку сознания на своих волнах и отступил. Сознание проскребло дном по недавним событиям и прочно застряло в чувстве стыда. Эйнар вспомнил, как позорно выронил меч. Снова привиделись глаза той иллидки, её дыхание на коже. Вернулось ощущение холода в венах.

Эйнар резко сел, прикоснулся к шее возле позвоночника. Кожа была твёрдой и ледяной. Пальцы задрожали, ко-

гда нащупали тонкий шрам. Дикий ужас накрыл с головой. Отчаянно захотелось вернуться в прошлое, чтобы избежать той битвы. От невозможности что-то исправить начало трясоти. Эйнар шумно втянул воздух и медленно-медленно выпустил его сквозь сжатые зубы, а затем со всей силы сдавил ушибленный палец. Зашипел от боли, но зато чувства отступили.

Нужно жить дальше, заниматься делами, готовиться к ярмарке и изо всех сил скрывать то, что с ним произошло. Изо всех сил делать вид, что всё в порядке.

Желание уснуть окончательно улетучилось. Самое обидное, что вместе с ним исчезло ощущение, будто мир тёплый и безопасный. Показалось, что холод не только распространяется по венам, но и подбирается к нему из каждого угла. Эйнар закрыл глаза и проглотил рвущееся из груди отчаяние. Поднялся, зажёг лучину, воткнул её в стену. Достал из сундука нож и деревяшку, которую нашёл на охоте полгода назад. В ней жил образ русалки – вот, изгиб хвоста, а из этого сучка получится изящная женская рука – только нужно выпустить его из заточения. Правда, вырезал Эйнар редко. Постоянно не хватало времени. Он уже плохо помнил, когда последний раз брался за стамеску – наверное, весной – и успел вырезать лишь плечи и наметить линии шеи и головы.

Всю ночь Эйнар корпел над русалкой, убегая в монотонные движения от мыслей и чувств. У фигурки вскоре появились волнистые волосы, руки, пока еще без пальцев, грудь,

талия, наметился хвост. Нож скользил по дереву, делая плечи более покатыми.

Небо зарумянилось на юге, словно пирожок в печи. Небесные полосы бледнели и исчезали. Эйнар не мог остановиться. Резьба по дереву успокаивала. Жаль, что нельзя закрыться в комнате и днями напролет строгать фигурки!

Утро разгоралось подобно пламени. Свет лился через окно, загоня остатки ночи под кровать и за сундук. Эйнар затушил лучину и вернулся обратно к резьбе. Он слышал, как встала мама. Раздались всплески воды, шум открывающейся заслонки. Вскоре скрипнула дверь в комнату сестры и зазвенел её голос.

Эйнар оторвался от работы и задумчиво уставился на дверь. Родные же не знают, что он вернулся домой. Интересно, если не выходить из комнаты, зайдут ли они? Как долго он сможет прятаться за закрытыми дверями?

Эти мысли были такими соблазнительными. Эйнару с трудом удалось подавить их. Глупость какая. Нужно выходить, не прятаться от проблем!

С тяжёлым вздохом Эйнар сдул пыль с фигурки и спрятал её и стамеску обратно в сундук.

За дверями звучал голос сестры и матери. Они что-то обсуждали. Эйнар прислушался.

– Аргону всё хуже, – жаловалась Мириам. – Я не знаю, как ему ещё помочь. Нужно лекаря вызвать.

– Нельзя, – ответила мама.

– Я знаю, – голос сестры звучал понуро.

Говорили о найдёныше. Догадался Эйнар, а затем разозлился. Они уже и имя ему придумали!

Видеть родных совершенно не хотелось. Эйнара до сих пор душила обида за то, что мама с сестрой променяли его на гостя.

"Вот они сейчас о нём заботятся, но совершенно не подозревают, что ему тоже нужна помощь" – с горечью подумал Эйнар. Впервые в жизни он почувствовал себя не просто одиноким, а отрезанным от дома, от семьи, от всего на свете.

"А может, пойти в Око сдаться? – пришла отчаянная мысль. – Рассказать про укус иллида, а там – будь что будет. Посадят или убьют... Ну и ладно".

Эйнар сглотнул горький комок и вышел из комнаты.

– О, сынок, ты уже дома?! – удивлённо воскликнула мать, наливая в котелок воды. – Я не слышала, как ты пришел.

– Я ночью вернулся, – сухо бросил Эйнар. – Вы уже спали.

Он прошел к лавке у двери, стянул с рогов тулуп, влез в ботинки.

– Куда ты? – удивилась мама. – Завтракать скоро будем!

– Не голодный, – бросил Эйнар и вышел в сени.

– Его несколько дней не было, – донесся недовольный голос сестры. – Невесть где пропадал. А сейчас вернулся и даже доброе утро не сказал. Что за человек?!

Эйнар выскочил из сеней и плотно закрыл двери. Совершенно не хотелось слушать про то, какой он плохой и ненор-

мальный.

Небо было голубым и таким ярким, что Эйнар прикрыл глаза рукой. Ветер, который любил завывать в трубах, где-то спрятался. В воздухе разлилось непривычное спокойствие и умиротворение.

На улице было многолюдно. Взрослые и дети, аккуратно зачесанные, направлялись на раннюю службу. Двери Дома были приветливо распахнуты. Подойдя поближе, Эйнар уловил аромат лаванды. Внутри запах ощущался ярче и насыщеннее. Он, казалось, обволакивал сознание. Успокаивал. Люди, болтавшие по дороге, затихали. Стояли молча, словно прислушиваясь к мыслям. Даже дети не шумели и не бегали, а тихо ходили вокруг родителей или стояли, перекатываясь с носок на пятки. Обида и горечь, которые нёс в себе Эйнар, исчезли.

Может, не идти к Оратору? Не стоит?!

Эйнар посмотрел на Око, прикреплённое к балкончику, который находился над головами людей, соединяя две стены. На этот балкончик, или как его называли в Доме, пьедестал, выходил Оратор и проводил службу.

Эйнар осенил себя святым символом – очертил в воздухе перед собой круг и выставил в его центре ладонь – и зашептал:

– Всевидящий, твой взгляд проникает в каждую частицу моей души и сердце. Я знаю, ты видишь, что творится со мной. Я пришёл к тебе за помощью, потому что только ты

можешь мне помочь. Прошу, дай мне сил справиться со своим страхом и покаяться.

Нужно поспешить, пока не началась проповедь. Эйнар облизал губы и решительным шагом обошёл алтарь – широкий плоский камень на деревянной тумбе – и постучал в дверь кельи.

– Можно?

– Заходите, – раздался бас.

Оратор ещё не успел переодеться в одежду для проповедей. На нём были коричневые штаны, заправленные в высокие сапоги, и белая рубаха без узоров. Серый тулуп и кожаная сумка на длинном ремне висели на стене возле двери.

– А, Эйнар, здравствуй. Проходи-проходи! – Оратор посмотрел в его сторону.

Эйнар ощущал себя маленьким ребенком перед грозным учителем, ноги дрожали, а в горле образовался комок. Внешность Оратора состояла из противоречий, где строгость соседствовала с мягкостью, резкость сочеталась с расслабленностью, аккуратность с хаосом. Борода и волосы подстрижены, но их цвет был каким-то грязным, серым. Круглое лицо с мягкими линиями и сухая натянутая кожа. Красивые, невинно раскрытые, как у девушки, глаза, тонкие хищные брови.

– Что привело тебя ко мне? – поинтересовался Оратор и протянул руку с массивным черным перстнем с символом Око. Эйнар быстро коснулся его губами, боясь, что Оратор заметит шрам на шее



Нужно всё рассказать, исповедаться, но решимость, с которой Эйнар пришёл, исчезла.

Он опустился на стул у небольшого стола в углу и уставился на несколько кружек, накрытых полотенцем. Что же сказать? Как начать?

Ничего не придумалось. Все фразы казались какими-то глупыми. В келии повисла тишина. Эйнар уже жалел, что пришёл. Захотелось уйти, но это будет выглядеть слишком подозрительно!

– Я пришел с .... э-э-э, – неуверенно протянул Эйнар, ощущая, с каким трудом даются слова. Горло сжималось, не хотело пропускать звуки.

Эйнар сглотнул.

– Я узнал, что Великий Дом собирает рекрутов в Видящую стражу. Я собираюсь туда вступить, поэтому хотел попросить Вас отправить им рекомендательное письмо, – выпалил Эйнар совершенно не то, что собирался сказать, сам себе удивился.

Что он несёт? Какое рекомендательное письмо? Какое рекрутство? Да, он собирался поступать в рекруты, но сам. Без какой-либо помощи. Аж уж тем более без покровительства.

Оратор удивился этой просьбе, нахмурился и с прищуром посмотрел на него.

– Я просто боюсь, что места займут сыновья и любимцы магнатов и знати, а простому парню из деревни будет не пробиться, – начал Эйнар оправдываться, ощущая всю глупость

ситуации. – А это моя мечта – попасть в Видящую Стражу, не просто словом, но и делом служить Всевидящему. Борьтесь за весну и тепло!

Видимо, эти слова впечатлили Оратора. Его лицо разгладилось, а из взгляда исчезла подозрительность.

– Хорошо, Эйнар, я отправлю рекомендации, хотя уверен, что и без них ты бы прошел отбор. Правда, ты бы мог зайти с этой просьбой после службы.

– Спасибо! – вскочил Эйнар. – Извините, что помешал Вам готовиться к проповеди. Я пойду.

Но возле двери он остановился, опустил голову, будто провинившийся мальчишка и пролепетал.

– На самом деле, я не только за этим пришел. Я хотел поделиться одной проблемой и просить у Вас совет.

– Я слушаю тебя, – ласково ответил Оратор. – Вот, присаживайся на стул. Рассказывай

Оратор сел напротив и со всем вниманием уставился на Эйнара. От этого пристального взгляда стало очень неудобно.

– На проповедях Вы говорили, что от взгляда Всевидящего не ускользнет ни одно событие, ни один помысел, – пробормотал Эйнар, ёрзая на стуле.

– Так и есть. Если мы впускаем Бога в свое сердце, то станем для него, как открытая книга и...

– Вы ещё говорили, что Всевидящий часто дарует нам испытания.

Оратор кивнул.

– Разве Всевидящий не должен оберегать идущих за ним?

– Он и оберегает. Защищает нас от зла.

– Но как он может допускать испытания, которые слишком тяжелы, которые могут разрушить его последователей? – испугавшись, что слишком близко подошёл к своей тайне, Эйнар опустил взгляд и уставился на ноги.

– Каждому даётся по силам его. Пройдя через тьму, мы научаемся различать свет, отделять добро от зла. Во тьме закаляются души наши и наша вера. Как росток, что пробивается сквозь толщу земли, чтобы дотянуться до света, чтобы окрепнуть и вырасти в сильное дерево, – ответил Оратор. – Нам, людям, не понять планов Всевидящего, потому что они больше и шире нашего ограниченного разума. Нам кажется, что Бог послал нам беды и горе, и мы корим его за это, но мы не знаем, что эти беды и горе уберегли нас от большего зла. Помнишь притчу про человека, что ехал на ярмарку, и у которого сломалась ось в колесах? Человек гневался, что он не попадет вовремя на ярмарку, что не успеет продать шкуры и не купит зерно, что не сможет накормить семью. Помнишь?

Эйнар кивнул и принялся стирать пятнышко грязи на руке.

– И помнишь, чем закончилась притча? – выдержав паузу, Оратор продолжил: – Починив ось, человек добрался до города и увидел сожженные дома и пепел на улицах. В те дни, что он чинил колеса, пожар поглощал город, его жителей и гостей. Если бы не сломанная ось, то человек бы тоже сгорел

в огне вместе со всем добром. Так что Бог через проблему с колесами спас ему жизнь. Поняв это, человек упал на колени и молился и благодарил Всевидящего за то, на что день назад гневался.

Эйнар повернул руку и устался на ладонь, как будто в пересечении ее линий искал ответы. Нахмурился и посмотрел на Оратора с надеждой.

– Вы думаете, что этим испытанием Всевидящий защищает меня от большего зла?

Как же хотелось, чтобы Оратор начал спрашивать его, выяснить, про какое зло он говорит, но Оратор лишь кивнул. В келлии повисла тишина.

Эйнар уговаривал себя рассказать про укус иллида, но никак не мог собраться с силами. Он ощущал себя преступником, съедаемый чувством вины и блокируемый страхом. Вот если бы его прижали к стене, надавили. Тогда бы он все рассказал. Но Оратор не давил, а продолжил ласковым тоном:

– Если бы мы могли взлететь как птицы над своим ограниченным разумом и с высоты посмотреть на замысел Божий, мы бы испытали радость за то, что, допустив небольшие неприятности, он защитил нас от больших проблем.

Эйнар молчал.

– Во всех нас есть зерна зла, с этим ничего не сделать. Но от нас зависит, позволим ли мы им прорасти или нет. Поэтому отринь свое Эго, сынок, отринь сомнения и гнев и поблагодари Всевидящего за ту долю, что выпала тебе, – Оратор

накрыл ладонью ладонь Эйнара. – Поблагодари и доверь ему свою душу, сердце и свой путь. А если продолжишь сопротивляться, сомневаться, то этими чувствами сможешь зернышкам зла пустить корни и поглотить тебя.

Эйнар размышлял над его словами. Неужели то, что произошло, на самом деле не конец, а всего лишь испытание его веры. Значит, это не он ошибся, а такова была воля Бога. А можно ли идти против воли Всевидящего?

Мысли вдохновляли и наполняли силами. Эйнар был полон решимости пройти это испытание.

– Спасибо большое, Вы принесли мне свет, – улыбнулся Эйнар и поднялся.

Оратор улыбнулся.

– Добра и света на твоём пути.

– Благодаря нашему разговору ко мне снова вернулись силы, но, боюсь, как бы они опять не исчезли и сомнения не поглотили душу. А есть ли какой-то молебен, что помогает укрепить веру и разогнать сомнения?

– Есть. Я произнесу ее на проповеди. Уверен, ты не один сталкиваешься с подобными чувствами. Оратор принялся задумчиво кусать ноготь мизинца.

Эйнар еще раз поблагодарил за разговор, пожелал успешной проповеди и вышел.

## Глава 9: Мириам

Аргон болел. Он не приходил в себя. Метался в постели.

Его кожа была раскалённой, словно печь, и покрыта испариной.

Мириам испугалась, что гость умрёт, и тогда её прекрасное будущее, все мечты рассыплются, будто обгоревшее поле. Она не позволит этому произойти! Она сделает всё возможное и невозможное, чтобы вытащить Аргона из болотни!

Мириам кутала гостя в несколько одеял, меняла холодные компрессы на лбу и запястьях, каждый вечер протираала ему руки и ноги прохладной водой. Кормила. Аргон не хотел есть, поэтому приходилось уговаривать.

– Давай, скушай ложечку за здоровье. От, молодец! А теперь ещё одну, чтобы силы вернулись.

Несмотря на все усилия, Аргону становилось хуже: он начал бредить, выкрикивал непонятные фразы. Мириам их запоминала, надеясь, что они помогут вернуть воспоминания гостя, если тот поправится. Если....

Ночью Мириам накрывало такое сильное отчаяние, что хотелось выть. Она не позволяла себе плакать. Слезами горю не поможешь. Она должна быть сильной и стойкой. Она должна сделать всё возможное, чтобы вылечить Аргона. Да, многое зависит от Богов. Если они решат его забрать, то.... Мириам тряхнула головой, отгоняя дурные мысли. Она должна молиться больше и усерднее, чтобы они услышали её и смилостивились. И она молилась до тех пор, пока не засыпала прямо на полу. Во сне её мучили кошмары. Она, босая

и одетая лишь в нижнюю рубаху, со свечой в руках бродила по тёмному лесу и звала, звала Аргона. А он не слышал. Не отзывался.

Утром Мириам, как обычно, приготовила завтрак для гостя и уже собиралась идти его кормить, но мама забрала у неё тарелку.

– Сядь.

Мириам опустилась на лавку, чувствуя, как дрожит от страха и злости. Она должна накормить Аргона! Вдруг без этой миски супа ему станет хуже? Мама поставила тарелку на стол и произнесла тихим, ласковым голосом:

– Доченька, я вижу, как ты стараешься, как ухаживаешь за гостем. Всю себя отдаешь. Но есть вещи, над которыми мы не властны. Если Боги решили его забрать, то мы бессильны. Может, пора смириться и отпустить его?

– Нет! Ни за что! – вскочила Мириам.

Всё тело дрожало от негодования. Как мама могла такое предложить?! Как она вообще посмела подумать о том, что он умрёт! Мириам схватила миску, рука дрогнула, и суп выплеснулся на пальцы. Не обращая внимания на боль, она побежала в комнату гостя. Он спал. Тёмные волосы разметались по подушке, лицо покрывал болезненный румянец, лоб блестел от пота. Мириам присела на край кровати.

– Вот и время завтрака подошло, – произнесла она нарочито громко и радостно. – Просыпайтесь, Аргон.

Гость приоткрыл глаза и уставился на неё безумным, за-

туманенным взглядом, от которого у Мириам мурашки побежали по телу.

– Сегодня у нас вкусный суп, – за искусственной весёлостью она пыталась скрыть страх.

Аргон разлепил высохшие губы и произнес по слогам:

– Юля... Юль-чо-нок.

Ревность сжала голову Мириам, будто железный обод. Что ещё за Юль-чо-нок? Кем она ему приходится? Неужели женой?! Почему он столько раз в бреду называл чужие имена, но её, Мириам, ни разу?

Мысли разгонялись и раскручивались, подобно карусели. Мириам поставила тарелку с супом на стол, опёрлась о его край и закрыла глаза. Ладно, потом выяснит, кто эта Юля. Сейчас нужно сосредоточиться на другом. Вдруг её охватила сильная злость. Мириам резко выпрямилась и набрала в грудь столько воздуха, что показалось, будто сейчас треснут рёбра. Я буду лучше этой Юли!

Приняв решение, Мириам успокоилась, улыбнулась и повернулась к Аргону.

– Завтрак! Завтрак! – каждое слово она сопровождала хлопком.

Мириам помогла Аргону сесть. Присела рядом с тарелкой супа на коленях и поднесла ложку к его рту.

– Давайте скушаем ложечку за здоровье.

Аргон приоткрыл губы, она залила туда суп. Часть потекла по его подбородку.



– Ах, Аргон, что вы, как старый дед, – пожурила его Мириам и вытерла стекающий суп передником.

Сегодня не удалось скормить Аргону и половину тарелки. Это расстраивало. Гость ел всё меньше и меньше. Всё чаще смотрел куда-то поверх, будто видел духов. Так обычно ведут себя люди, пересекающие границу жизни и смерти. Мама, видимо, права. Боги зовут душу Аргона, и пора его отпустить. От такой мысли всё внутри восстало. Он не должен умереть! А она должна до последнего бороться за него!

Мириам принялась молиться ещё усерднее. Она обращалась то к Нут, прося её о жизни для гостя, то к Маре, умоляя её отпустить Аргона.

Наконец-то, Боги услышали её молитвы. Болезнь стала понемногу отступать. Жар спадал. Аргон больше не метался, не бредил. Зайдя одним утром к нему в комнату, Мириам обнаружила, что Аргон просто спал. Грудь равномерно поднималась и опускалась. Щёки не горели болезненным румянцем. Мириам подоткнула одеяло, приложила ладонь к его лбу. Холодный! Она смогла! Она вытащила его из лап смерти!

Выйдя из комнаты, она наткнулась на брата. Он доставал чурки из больших плетёных корзин и складывал их в подпечек.

– Как там твой найдёныш? Надеюсь, помирает? – язвительно поинтересовался Эйнар.

– Нет, – ответила Мириам, прищулив глаза, и сложила ру-

ки на груди. – Выздоровливает.

– Жаль. Очень жаль.

– Твой Бог не услышал тебя, а мои молитвы дошли до Древних Богов! – с вызовом ответила Мириам.

Брат со всей силы швырнул последнюю чурку, схватил корзину и выскочил в сени. Его реакция удивила и испугала, а потом разозлила. Опять ведёт себя, как бешеный. Ну и леший с ним!

Этой ночью Мириам позволила себе расслабиться, слёзы радость потекли по щекам. Аргон выздоравливал, а значит, её мечты, её будущее в безопасности. Она подошла к окну, вытерла рукавом слёзы, посмотрела на небо. Пересекающие его полосы горели ярко. Это добрый знак!

– Спасибо, великие и милосердные Боги, – прошептала она. – Спасибо, что спасли Аргона!

На сердце стало так легко и тепло! В эту ночь она уснула крепким, спокойным сном, а следующим утром проснулась очень рано. За окнами клубилась ночь. Деревья сгибались под резкими порывами ветра. Небо затянули тучи.

Мириам добралась до стола, нащупала кресало, кремень, миску с высушенным и нарезанным древесным грибом-трутом. Положила кусочек гриба на кремень и ударила по нему кресалом. Ещё раз и ещё. Когда искра попала на трутовик, сильно подула. Затем подожгла лучину, что была воткнута в светец в углу. От тёплого оранжевого огонька на душе стало веселее и спокойнее.

Мириам натянула на нижнюю рубаху домашнее платье, заплела косу и вышла из комнаты. Мама спала на печи. Чтобы её не разбудить, Мириам на цыпочках прокралась к Аргону и замерла в углу. Она любовалась им, как своим ребёнком, и не могла налюбоваться.

Вдруг на неё нахлынуло такое сильное желание поцеловать его, что Мириам аж покраснела. Сдержалась. Вместо этого она поправила прядку волос у него на лбу и выскользнула в избу.

Раз уж она встала раньше всех, значит на ней завтрак. Мириам накинула тёплый платок, залезла в валенки, взяла лучину и вышла в сени. В углу был вход в погреб. Дверь скрипнула, открываясь. Мириам спустилась, поёжилась от холода и осмотрелась. На полках лежали завёрнутые в ткань шматки сала, полендвицы. В ящиках вперемешку с золой хранились овощи. Мириам достала оттуда несколько картофелин и положила в корзинку. Отвязала кольцо колбасы, что висела под потолком, надела его на руку и вернулась в избу.

Стараясь не разбудить родных, она принялась чистить картошку. Душу наполняла лёгкая мелодия, которая дарит радость и веру в лучшее. Мириам так сильно погрузилась во внутреннюю музыку, что перестала обращать внимание на мир.

– Ты сегодня ранняя пташка, – голос матери разрезал волшебство фантазий.

Мириам от неожиданности дёрнулась и порезала палец.

– Да, мама, я рано проснулась, – ответила она, засовывая палец в рот.

– Плохо спалось?

Она перевернулась на живот. Одну ногу поставила на печурку, второй пошарила в поиске лавки. Наконец, найдя опору, съехала вниз.

– Нет, матушка, что Вы, – ответила Мириам. – Наоборот, очень славно. Не знаю, какой леший меня поднял в такую рань. А Вам как спалось?

– Спину всю ночь ломило, – мама зачерпнула ладонью воду из ведра у печи и промокнула глаза. – К холодам это. Как там Аргон?

– Ему уже лучше!

– Это славно. Я думала: помрёт он, но Боги распорядились иначе. Видимо, увидели, сколько усилий ты прилагаешь, и решили смилостивиться, – мама вытерла лицо полотенцем и добавила: – Не хотелось бы, чтобы последнее воспоминание гостя было о том, как Эйнар его избивает. Богам это точно бы не понравилось. Они бы решили, что злые люди населяют этот мир.

– Это да, – Мириам тяжело вздохнула.

– А ты что готовишь?

– Думала, пюре сделать с колбасой.

– Давай тебе помогу.

Мириам кивнула и подала ей нож.

Вдвоем они справились быстро, и вскоре на столе уже ды-

мились горшочки с пюре и кружки с хвойным чаем.

Эйнар проснулся аккуратно к завтраку.

– С добрым утром, сынок! – широко улыбнулась мама, раскладывая ложки рядом с мисками.

– Да, с добрым, – он кивнул в ответ.

– Как спалось?

– Нормально.

После завтрака Мириам положила в миску несколько ложек пюре и пару кружочков колбасы и пошла к Аргону. Он лежал, накрытый одеялом. Грудь мирно вздымалась и опускалась. Как здорово больше не слышать хрипящее, тяжёлое дыхание! Мириам присела на край лавы и уже протянула руку, чтобы разбудить Аргона, но он внезапно открыл глаза.

– Я думала, Вы спите! – дёрнулась Мириам, тарелка едва не свалилась на пол. – Я так рада, что Вы пришли в себя! Честно сказать, я думала, Боги заберут Вашу душу. Каждое утро готовила себя к тому, что найду – а там Ваше бездыханное тело и... Ой, да о чем это я! Не будем о плохом! – она махнула рукой. – Вы поправились, и это очень здорово. Сейчас Вам нужно хорошо кушать и набираться сил!

– Я так сильно болел? – удивился Аргон, поднимаясь.

– Ага. Такой жар был. Я боялась, что Вы сгорите! – ответила Мириам, растягивая слова, и впиалась пальцами в щёки, а затем опустила глаза и, запинаясь, тихо добавила: – А еще Вы... Вы бредили, звали... какую-то Юлю.

– Юля... Юля... – повторял Аргон, смотря куда-то вверх,

будто хотел найти её на потолке.

Внутри у Мириам всё сжималось от страха, что он сейчас вспомнит Юлю.

Аргон почесал лоб.

– Ни о чем не говорит это имя.

Мириам облегчённо выдохнула, но тут же почувствовала горечь. Значит, воспоминания не вернулись! Она уже собиралась расстроиться, но в памяти всплыли непонятные выражения, которые выкрикивал Аргон.

– Я... я тут запомнила кое-какие фразы. Это, правда, было тяжело, так как я не понимала, да и сейчас не понимаю, что они означают, но, может, Вы знаете. Может, благодаря им Вы вспомните что-то из своего прошлого?

Аргон пожал плечами и произнёс:

– Давай попробуем.

Мириам нахмурилась, почесала лоб.

– Так... сейчас... Вы говорили... Я не брошу... э-э-э... слово такое интересное.... Ф-ф-фаир. Да, вроде так. Я не брошу фаир! Даже не проси меня об этом! – закричала она, а потом добавила голосом, полным надежд: – Вам знакома эта фраза? Что такое фаир?

Аргон задумался, даже закрыл глаза, почесал шею. Молчание затягивалось. Мириам хотела поинтересоваться, вспомнил ли он что, но боялась пошевелиться. Вдруг ещё спугнёт мысль. Сжав миску ладонями, она внимательно смотрела на Аргона.

Не открывая глаз, он ответил:

– Нет, всё глухо. Ничего не помню.

Мириам поджала губы и тяжело вздохнула. Как же так? Она надеялась, что знакомые слова помогут рассеять туман в его голове, но это не сработало.

– Ладно, пойду я, – Мириам отдала Аргону миску и уже в дверях добавила: – Вы кушайте, а потом ложитесь спать.

Возле печи стояло ведро с грязной посудой. Мама уже залила её тёплой водой. Мириам принесла из сеней ведро, наполовину заполненное песком. Поставила рядом с печью. Села рядом на лавку. Взяла тарелку.

«То, что Аргон ничего не вспомнил, это не страшно, – мысленно успокаивала она саму себя, пока оттирала жир с тарелок. – Он так тяжело болел. Ему нужно полностью выздороветь, набраться сил, и тогда воспоминания вернуться. Обязательно вернуться! А мне нужно быть терпеливой, продолжать молиться и верить. Боги на моей стороне! Они услышали мои молитвы и вернули Аргона. Значит, если я буду хорошо молиться, то они исполнят и это желание».

Такие мысли приносили успокоение, наполняли силой. Мириам чувствовала себя скалой, способной выдержать любые бури. Она улыбнулась, думыла тарелки. Вытерла их насухо и расставила на подоконнике. Затем обеими руками подхватила ведро, протатила мимо мамы, которая сидела в сенях и перебирала шерсть, и вылила грязную воду во двор.

Вытерев руки о фартук, Мириам втянула прохладный воз-

дух. Ах, как хорошо жить на земле! С выздоровлением Аргона мир стал ярче, небо – светлее и даже ветер казался добрее.

В сарае Мириам столкнулась с братом. Он стоял над переёрнутыми санями и шлифовальной шкуркой счищал с полозьев ржавчину. Эйнар бровью не повёл, когда вошла сестра. Ну и ладно. Вздёрнув нос, Мириам сняла со стены коромысло. На улице она прицепила ведро, а потом вынесла из дома второе.

К колодцу выстроилась очередь из восьми человек. Мириам поставила на землю вёдра и аккуратно сверху положила коромысло. Плечи ныли. Пришлось их помассировать, чтобы унять боль. Две девчухи-подружки, что стояли впереди, тихо перешёптывались. Мимика на лицах девушек менялась очень быстро: от удивления брови поползли на лоб, потом сходились в гневе на переносице, а затем печально опускались. Видимо, интересные темы обсуждали. От скуки Мириам прислушалась к их разговору.

– Представляешь, он, оказывается, Имму любит! – воскликнула девушка в коричневом платке, который сполз, обнажив волосы.

– Имму? Да у неё же глаз косит и ноги кривые! – от удивления подружка прикрыла рот ладошкой. – Что он в ней нашёл?

– Вот и я не понимаю! – всплеснула руками собеседница в платке. – Но он упёрся рогом и говорит: не нужна ты мне,



мне только она нужна. Люблю не могу! – скривилась девушка, а затем что-то зашептала подружке. Мириам пришлось прислушаться, чтобы уловить слова.

– Но ничего, всё равно он будет моим, – глаза у «коричневого платка» злобно сузились, а в улыбке появилось что-то хищное. – Я недавно была у Вивьен, и она дала мне любовное зелье. Говорит, нужно подсыпать его в еду....

Дальше Мириам не слушала. Имя ведьмы-элладки как будто оглушило её. Вивьен. Вивьен. Вивьен. Как же она сразу не догадалась! От досады Мириам даже хлопнула себя по бедру. Вот, кто может ей помочь! У ведьмы точно найдётся парочка заклинаний, которые вернут Аргону воспоминания.

## Глава 10: Аргон

– Вам нужно больше отдыхать... – советовали ему каждый раз, стоило только выйти из комнаты.

Действительно, вначале Аргон чувствовал себя хилым и слабым. Он много спал. Ел. Но силы быстро возвращались, изгоняя остатки болезни из тела. И вскоре сон уже перестал быть целительным убежищем. Он стал клеткой. От долгого лежания тянуло поясницу, и от безделья болела голова.

Аргон сел на лавке и протёр глаза. Хватит валяться! Нужно включаться в жизнь. Выяснить, где он находится и что с ним приключилось. У дверей он задержался. Не хотелось встречаться с Эйнармом. Аргон переступал с ноги на ногу, не решаясь выйти.

"Господи, да не буду же я вечно прятаться от него в ком-

нате!" – мысленно хмыкнул Аргон и потянул дверь.

Мириам подметала пол, а Хельга сидела за столом и перебирала ивовые прутья. Эйнара нигде не было. Ну, слава Богу!

Женщины посмотрели на него.

– Ой, Вы уже проснулись! – радостно воскликнула Мириам. – Как Ваше самочувствие?

– Во много раз лучше, – кивнул Аргон. – Кажется, я полностью выздоровел.

– Это хорошо, – улыбнулась Хельга и принялась связывать бечёвкой пук веток.

Мириам вымела из-под лавки мусор. Аргон облизал губы и осмотрел избу. Он совершенно не знал, что говорить дальше.

– Я... э-э-э... Хотел бы поблагодарить вас за то, что спасли меня от монстра в лесу и вылечили...

– Ой, да бросьте, – пролепетала Мириам и залилась румянцем. – Люди должны помогать друг другу.

Аргон улыбнулся в ответ. Она смущённо опустила глаза, резко отвернулась и принялась сосредоточенно подметать пол у дверей.

– Как Ваша память? – поинтересовалась Хельга. – Что-нибудь вспомнили?

– К сожалению, нет, – Аргон поджал губы и тяжело вздохнул. Он сел на лавку возле печи и сжал ладони коленями. Предстоял серьёзный разговор. Не понятно, как к этому от-

несутся женщины. Сердце тревожно стучало, лоб покрылся испариной. Но всё-таки внутри теплилась надежда, что его поймут.

Аргон облизнул пересохшие губы.

– Честно сказать, я совершенно не представляю, что мне делать дальше. Я не помню свой дом. Не помню, есть ли у меня родственники или друзья, с которыми можно было бы связаться. Я не знаю, где я оказался и куда мне идти. Я бы хотел... – горло сжалось. Аргон сглотнул слюну и выдохнул. – Я бы хотел попросить на время остаться у вас, пока... э-э-э... Что-нибудь не вспомню. Я готов во всем вам помогать!

– Конечно, оставайтесь, – ответила Хельга, собирая прутья в ещё один пук. – Мы же не звери, чтобы выгонять Вас в таком состоянии.

– А я помогу Вам вспомнить прошлое! – звонко воскликнула Мириам. – Найдём и Ваших родных, и Ваш дом! Обязательно!

– Спасибо, – пролепетал Аргон, чувствуя, будто по телу растекается мёд.

Женщины вернулись к своим занятиям. Хельга связала ещё один пук, а оставшиеся поломанные ветки собрала в корзину. Мириам заметала мусор на совок и выносила его на улицу. Аргон чувствовал себя неловко от того, что ничего не делает.

– Дайте мне какую-нибудь работу, – попросил он.

– А что Вы умеете делать? – поинтересовалась Мириам,

пряча совок с веником под лавкой.

Аргон почесал голову. Интересный вопрос. Хотелось ответить, что он всё умеет делать, но как-то он в этом сомневался.

– Я поставила сковородку в печь, достаньте, посмотрите, хорошо ли мясо прожарилось, – Мириам вытерла руки о передник и подошла к печи.

Хельга вынесла в сени корзину со сломанными ветками. Вернулась. Стала рядом с дочерью, скрестив руки на груди.

Под взгляд женщин Аргон чувствовал себя неуютно. Будто на экзамене. Он сглотнул комок в горле, посмотрел на печь и неуверенно пробормотал.

– Эм, ладно.

Аргон понятия не имел, как с ней обращаться, но старался не подавать виду. Взял полотенце, которое лежало рядом на скамейке. Ухватился за ручку крышки, которая закрывала жерло. Подёргал. Она легко поддалась.

– Куда ж Вы на пол её ставите?! – всплеснула руками Хельга. – В загнетке её оставляйте. В загнетке! Это вот здесь!

Хозяйка дома забрала у Аргона крышку и поставила сбоку от жерла, прислонив к стене.

– Вам когда-нибудь доводилось управляться с печкой? – строго поинтересовалась Хельга, уперев руки в бока.

Аргон поджал губы и помотал головой.

– Но я готов обучиться, – быстро добавил он, почувство-

вав себя глупым и бесполезным. – Я вот знаю, что это кочерга, – кивнул он в сторону длинной железной палки, согнутой буквой "Г". – Ей размешивают угли, а это...эмм... – Аргон запнулся и почесал шею.

– Ухват, – подсказала Хельга. – Он для того, чтобы доставать котелки.

– Точно! – воскликнул Аргон, хотя сегодня впервые увидел это странное приспособление, похожее на рога быка на длинной палке.

– На самом деле, это не так сложно, – встряла Мириам. – Один раз разобраться – и всё. Я Вам помогу.

Она достала из-под печки длинную деревянную палку с железным крюком на конце.

– Это чапельник. Вот он как раз нам и нужен.

Мириам ловко зацепила крюком край сковородки в печи и вытащила её.

Между сложенными пополам золотистыми лоскутками мяса, посыпанные луком, плавали яйца. Белок успел пропечься, а вот желток ещё местами был жидким. Аромат поднимался такой, что желудок занял от голода. Аргон облизнулся.

– Ещё не готово, – протянула Мириам, а затем произнесла серьёзным тоном: – Поставьте теперь сковороду обратно в печь.

Аргон закатал рукава и взялся за чапельник, чувствуя, как дрожат руки. Будет крайне неловко, если он всё развернёт.

Осторожно подняв сковороду, он медленно засунул её в горло печи. Жар опалил кожу.

В тот момент, когда Аргон распрямился, скрипнула входная дверь, и вошёл Эйнар. Он скривился и язвительно протянул:

– Какой позор, что мужчина занимается бабьими делами! Я бы лучше сбежал, чем так унижаться!

– Сынок, успокойся уже! – Хельга хлопнула ладонью себя по юбке – Веди себя прилично. Он всё-таки гость!

Эйнар странно дёрнулся. Аргону показалось, будто он хочет броситься на мать и побить её. К счастью, тот сдержался, сел на лавку возле двери и принялся стаскивать ботинки.

– Обед почти готов, – громко произнесла Мириам, перенося пуки веток с обеденного стола на лавку у стены. – Эйнар, достань из погреба кувшин молока.

Брат возмущённо щёлкнул языком, но вышел в сени.

Обедали молча. Мириам и Хельга уткнулись в свои тарелки и не поднимали глаз. Эйнар запихивал в рот большие куски и глотал, практически не жуя. Видимо, он хотел побыстрее смыться куда подальше.

После обеда Мириам собрала грязную посуду в таз.

– Сынок, принеси бочку из сарая. Лозу нужно замочить, – попросила Хельга.

Мириам взялась за ручку ведра с водой, которое стояло на лавке у печи. Аргон бросился к ней.

– С ума сошла, тяжести поднимать! Давай помогу.

Тут же смутился. По её выражению лица понял, что сделал нечто до ужаса странное. Даже Хельга удивлённо подняла брови.

– Да просто, ты же девушка. Зачем тебе поднимать тяжести? Надорвёшься ещё, – лепетал он, чувствуя себя невероятно глупо. Чем больше он говорил, тем сильнее нарастало ощущение нелепости. – Так куда выливать воду?

Мириам кивнула на таз с грязной посудой на полу.

– Дивный Вы, Аргон, из каких же земель Вы к нам пришли? – прошептала Хельга, смахивая крошки со стола в ладонь.

– Сам бы хотел знать, – ответил он, остро ощущая свою чужеродность.

Внезапно накатили такие сильные чувства – одиночество вперемешку с отчаянием – что стало трудно дышать. Захотелось выйти на улицу.

– Стой! Стой! Нельзя! – выкрикнула Хельга, как только он схватился за ручку двери.

– В смысле нельзя? – Аргон аж дёрнулся от удивления и повернулся.

Хельга открыла заслонку и выкинула крошки в огонь, а затем присела на край лавы.

– Понимаете ли, Аргон, – начала она осторожно. – У Вас очень... яркая внешность. Вы сильно отличается от местных. А у нас народ... боязливый. И болтливый. Сразу пойдут слухи, сплетни. Ещё доложат о Вас Око. Они ещё решат, как и

Эйнара, что Вы – колдун. Начнутся потом проблемы. У Вас. У нас. Так что не нужно лишний раз воду мутить. Лучше, чтобы про Вас никто не узнал, поэтому постарайтесь не выходить на улицу и не подходите близко к окнам.

– Э-э ..., – Аргон почесал голову. – А если в туалет нужно?

Мириам хихикнула. Хельга, опешив от вопроса, удивленно моргнула, но быстро взяла себя в руки.

– Я вам ведро в сенях поставлю.

Мда уж... Аргон закатил глаза и хмыкнул.

Женщины смутились: Мириам опустила взгляд и стала тереть грязную тарелку, а Хельга нахмурилась и сложила руки на груди.

– Я понимаю, Вы к такому не привыкли, но иначе нельзя. Да мы и сами ведром пользуемся. Особенно зимой, когда снег под крышу и морозы такие лютые, что замерзают слюни во рту.

Что ж, придётся смириться. Но стыд всё равно сжигал внутренности, стоило только представить себя в тёмных сенях, со спущенными штанами... А что, если захочется по большому? Тоже в ведро?

– Возьмите платок, – хозяйка посмотрела куда-то за спину Аргона. Он обернулся.

– Вот тот, что на гвоздике висит, – продолжила Хельга. – Поважьте на голову, чтобы волосы спрятать...

Дверь открылась, и сперва вошла бочка. Она медленно опустилась на пол, и из-за неё показался Эйнар. Он тяжело



дышал. Лицо покраснелось, а вены на шее вздулись.

– Сынок, присядь. Нам нужно поговорить, – Хельга опустилась на лаву.

– Что я не так сделал? – вытирая со лба пот, злобно прошипел Эйнар.

Когда он сел, Аргон поднялся и отошёл в другой угол. На всякий случай.

– Не в тебе дело, – успокаивающе махнула рукой Хельга, а затем обвела взглядом детей. – Я думаю, вы понимаете, как важно, чтобы про гостя никто не узнал. Особенно в Око, – строго произнесла Хельга и посмотрела на Эйнара.

Мириам с братом кивнули. Аргон почувствовал тревогу, будто он шёл по твёрдой почве, и вдруг ноги начали вязнуть и проваливаться в трясину.

– Если поинтересуются, кто у нас поселился, – продолжила наставления Хельга. – Отвечайте, что это мой племянник. Скажите, что он чудной, боится незнакомых людей. Поняли?

Снова все кивнули.

– И Вы, Аргон, должны соблюдать осторожность: не снимайте с головы платок, не выходите из дома, а если вдруг кто заглянет в гости, так отворачивайтесь, а лучше сразу прячьтесь в своей комнате!

– Ладно, – кивнул Аргон. – Я понял.

Он чувствовал себя тревожно. Что же за мир там, за входными дверями? Опасный. Отвергающий. Мир, где по лесам бродят монстры, где есть непонятное Око. Чтобы отвлечься

от страха, Аргон старался помогать женщинам во всём. Получалось из рук вон плохо. Если у Мириам и Хельги всё выходило ловко, то Аргон, берясь за дело, превращался в косяпаго медведя. Больше всего расстраивало, что он много чего не понимал, и Мириам приходилось объяснять, как управляться с тем или иным предметом. Из-за этого он сильно ощущал свою чужеродность. Хотелось забиться куда-нибудь подальше. Поглубже. Свернуться в комок, и чтобы никто не беспокоил. Но Аргон не мог себе этого позволить. Если поддаться этому чувству, то оно поглотит с головой. Да и Эйнар будет издеваться.

К вечеру Аргон буквально валился с ног. Голова гудела. Всё, чего хотелось, это побыстрее уснуть. Может, он проснётся, и весь кошмар закончится? Он вспомнит, кто он. Мир станет привычным и понятным.

Аргон быстро проглотил ужин и скрылся в своей комнате. Лёг на лаву, натянул одеяло под самый подбородок и... чувства, от которых он пытался убежать, вернулись. Но теперь они были сильнее, ярче. От них жгло в груди и в горле. В голове словно звенел колокол, а желудок сжался так сильно, что на глазах выступили слёзы. Аргон ощущал себя маленьким, беспомощным, напуганным. Так хотелось, чтобы пришёл кто-то сильный, мудрый и успокоил его. Он ждал, ждал, ждал. С каждой минутой отчаяние и одиночество нарастали. За окном смеркалось, комната погружалась во тьму. Аргону почудилось, будто эта внутренняя темнота выплеснулась на-

ружу и стирает чёткие линии, понятные вещи. Превращает всё в хаос. А он, как слепой котенок, должен в нём ныкаться, чтобы отыскать в этой тьме себя и привычный мир.

Дверь отворилась, и тень проскользнула в комнату. Аргон приподнялся. Тень заметила это и замерла.

– Ну, Вы меня и напугали! – выдохнула Мириам. – Я думала, Вы спите!

– Чувствую, что я наспался на несколько дней вперёд, – Аргон разозлился неожиданно для самого себя. – А ты чего заглянула? Что хотела?

– Я, ну, э-э-э... да так. Зашла проверить, как Вы. Но вижу, что всё в порядке. Так что... я, пожалуй, пойду.

– Остайся, – попросил он. – В смысле, посиди со мной, пожалуйста. Давай поговорим.

– Хорошо.

Мириам подошла к сундуку и уселась на его широкую крышку. Небесный свет серебрил ткань её юбки и ступни.

Аргону хотелось рассказать ей про свои страхи. Вдруг она поймёт и успокоит его. Он немного помялся и выдавил:

– Знаешь, мне очень страшно.

– Почему?

– Потому что из-за цвета волос на меня может охотиться какое-то Око, – Аргон прислонился к стене и уставился в потолок. – Потому что я должен прятаться, скрываться, как будто я какой-то опасный преступник. Да и твой брат считает меня чуть ли не чёртом, но я же не сделал ничего плохого!

– Ой, да не расстраивайтесь Вы так из-за Эйнара. У него в голове творится невесть что, – затем Мириам понизила голос и полушёпотом добавила: – Порой мне кажется, будто он не в своём уме. И насчёт Око не переживайте. Никто на Вас не охотится. Просто предосторожности.

Это совсем не то, что Аргон хотел услышать. Он ожидал поддержки, а тут... Зато слова Мириам подействовали отрезвляюще. Пропало желание распускать сопли и жаловаться.

– Что такое это Око?

– Это новая религия, – голос Мириам зазвучал бодрее и веселее, – которая выступает против магии, возлагая на неё все беды мира.

– Магия? Беды? – недоверчиво переспросил он.

– Ну да, ведь из-за элладов древние Боги прокляли наш мир. А новая религия пообещала, что вернётся весна, если мы откажемся от магии...

– Подожди. Какое ещё проклятие? Какие ещё эллады? – всё звучало очень фантастически. Магия. Боги. Проклятие. Может, Мириам над ним смеётся, рассказывая какой-то бред? Аргон внимательно посмотрел в угол, где она сидела. Жаль, что в темноте не видно ни её саму, ни выражения её лица. Хотя голос звучал серьёзно и даже удивлённо.

– Как Вы ничего не слышали о проклятье? Вы, наверное, прибыли к нам из далёких-далёких земель!

Раздался мечтательный вздох. В комнате повисла тишина.

Аргон пытался осмыслить услышанное, но эти фрагменты не состыковывались друг с другом, да и казались слишком вычурными.

– Расскажи мне всё.

– Ну, я не бай, конечно, – смущённо пролепетала Мириам. – Но попробую. Сначала расскажу про элладов. Это такие создания... Они как люди. Точнее, похожи на нас... Только у них уши длинные и загнутые и глаза без зрачков...

– Ты говоришь сейчас про монстра, который на меня напал?

– Нет. Это иллид. Мёрзлый. Сложно так объяснить. Давайте я продолжу, и Вам всё потом станет понятно.

Аргон кивнул, но потом сообразил, что Мириам не увидит этот жест, поэтому сказал: «Давай».

– Так вот, эллады ещё отличаются от людей тем, что обладают магией: они могут заговаривать предметы, лечить болезни, насылать видения, менять суть вещей... Ой, чего только не может эта магия! Легенды гласят, что с её помощью даже статуи оживали! И это всемогущество сделало элладов высокомерными. Они стали считать себя выше и лучше Богов! Сотню лет назад четыре элладских короля собрали войско и отправились к Сангару, чтобы свергнуть Богов и занять их место. Никто не знает, что произошло, но войско пропало, а в наш мир пришла зима, – Мириам подошла к окну.

В тусклом ночном свете фигура девушки в длинной ноч-

ной рубашке выглядела слишком хрупкой и нежной, будто хрустальный цветок, который непонятно как пророс в диком и грубом месте. Аргон залюбовался тонкими руками, водопадом волос. Какая же она красивая! А её голос, будто ручей, звенел и переливался. Захотелось, чтобы время застыло и это мгновение продолжалось бесконечно.

Вдруг он понял, что совершенно перестал улавливать суть её речи. Аргон зажмурился, тряхнул головой и сосредоточился не на образе Мириам, а на её словах.

– Но эллады не умирали, а превращались в монстров, которые сейчас рыщут по лесам и пьют человеческое тепло, в надежде вернуться к жизни, – продолжала рассказывать Мириам. – Выжившие эллады стали искать спасение на наших землях, но им тут были не рады. Помня ужасы многолетней вражды...

– Вражды?..

Мириам замолчала на мгновение.

– Да. Ходит множество легенд и басен про битвы между людьми и элладами. Есть много песен про то, как эллады выгоняли людей с их городов и сёл и заставляли уходить на север. Люди этого не простили, и когда элладам понадобилась помощь, их встретили с мечами в руках. Говорят, что тогда погибли сотни тысяч.

Голос дрожал, как будто Мириам сама пережила те времена. Она обняла себя за плечи, будто пыталась согреться. Ветер за окном стонал, словно оплакивал тысячи погибших

душ. Аргон почувствовал, как в груди набухла печаль и горечь. Ему так захотелось обнять Мириам, успокоить её, защитить от всего на свете. Аргон сдержал этот порыв.

– И эти погибшие тоже все превратились в мёрзлых?

– Нет. В мёрзлых эллады превращаются, только когда замерзают, – ответила Мириам тихим голосом. – Таково их проклятие. Но оно коснулось и нас, людей. Из-за проклятия мы лишились цвета. Наша кожа и волосы стали белыми. Легенды гласят, что раньше у людей были волосы русые, как у меня, и такие, как у вас, чёрные, и даже красные, как огонь в печи. Наверное, в те времена люди были очень красивыми!

Мириам тяжело вздохнула и замолчала. Тишина длилась и длилась, но Аргону очень хотелось узнать продолжение истории.

– А люди тоже превращаются в мёрзлых, когда замерзают? – Аргон попытался соединить разрозненные части, чтобы понять всю картину.

– Нет, – в голосе послышалось облегчение. – Люди, к счастью просто замерзают, но... – Мириам тяжело вздохнула. – Но мы, люди, тоже можем стать мёрзлыми, только если иллиды выпью нас.

– Это как? – Аргон нахмурился. Он уже несколько раз слышал это слово, но плохо понимал, что оно означает.

– Иллиды похищают у людей тепло. Пьют его, будто чай. Может, они надеются с помощью тепла разрушить проклятие и снова стать живыми? Я не знаю, но всё происходит на-

оборот. Иллиды так и остаются иллидами, а люди, у которых похитили тепло, сами превращаются в мёрзлых.

Аргон поёжился от её слов. Если бы не Мириам тогда, он бы сейчас бродил по лесам холодным полуживым монстром, искал бы людей, пил бы их тепло, в надежде пробудиться от проклятия. От этих мыслей и фантазий всё внутри сжималось в тугой комок ужаса. Аргон потрянул головой. Хватит запугивать себя!

– Так что там дальше было, с элладами этими?

– Со временем люди научились жить вместе с ними. С помощью магии эллады помогли нашим землям выжить. Но если вражда между нами поутихла, то зимнее проклятие только набирает силу. Раньше у нас было лето: тёплое, яркое, сочное, которое менялось на осень с золотыми листьями, после приходила зима с пушистым снегом, а затем наступала весна. По крайней мере, так рассказывают. Но сейчас всё слилось в одну сплошную серость. И зима со снегами приходит всё раньше и становится всё длиннее и холоднее. Раньше, да хотя бы в прошлом году, лето было теплее. Я пару дней даже носила сарафан! А сейчас... – раздался печальный вздох, и Мириам кивнула в сторону окна. – Разве это лето?!

Аргон молчал. Он не знал, как поддержать её.

– А потом пришёл Пророк, – Мириам повернулась к нему лицом, упёрлась ладонями сзади в подоконник. – Он сказал, что старые Боги отвернулись от нас, и пообещал, что новый Бог вернёт весну и тепло. Только нужно избавить мир от ма-



гии, поэтому Око и отлавливает всех, кто хоть как-то связан с колдовством.

Аргон понял, почему взбесился Эйнар. Почему не хотел приводить его домой. Видимо, принял шрамы на коже за какие-то заклинания и решил, что Аргон колдун! Эйнар боялся Око. Боялся за свою семью. Это понимание принесло облегчение. Эйнар перестал казаться сумасшедшим. Стало интересно, что же о нём думает Мириам.

– А ты считаешь меня колдуном? – поинтересовался Аргон и хитро посмотрел на неё.

– Нет, Вы не колдун! – в голосе Мириам было столько уверенности, будто она защищала его перед судом. – Я думаю, что Вы прибыли из далёких-далёких земель. Может, они находятся за Острыми горами или ещё дальше, но там точно нет ни иллидов, ни проклятья, ни вечной зимы. Знаете, о чём я ещё думаю? – Мириам опустила взгляд и стала наматывать прядь волос на палец. – Вы не просто крестьянин... Вы так плохо справлялись с чапельником, что я уверена – Вы держали его впервые! Я думаю, Вы благородных кровей. Может магнат... или принц... – последнее слово она прошептала, а затем смущённо вздохнула, подняла взгляд и широко распахнула глаза и добавила: – А мама считает, что вы Бог!

– Бог? – удивился Аргон и усмехнулся.

Видимо, это сильно смутило Мириам, потому что она затараторила, оправдываясь:

– Ну, да. Говорит, Вы воплощение Бальта и пришли в

наш мир, чтобы узнать, какие люди здесь проживают. Добрые или злые? А потом Вы вернётесь на Сангар, где будете решать, освободить наш мир от проклятия зимы или заморозить окончательно. Ой, наверное, не стоило этого рассказывать. Да и вообще, что-то я много глупостей наговорила. –

Мириам посмотрела через окно на небо, а затем, словно увидев там нужный знак, добавила. – У-у-у, заболталась я с Вами. Ещё немного – и так до рассвета просидим. Ладно, пойду я. Хороших Вам снов!

## Глава 11: Алин

Алин сидела у себя на кровати, обнимала подушку и плакала. Если она выйдет замуж за Радда, то станет самым несчастным человеком на земле! Разве отец этого не понимает?! Да и как он мог так поступить? Она думала, что отец любит её. Оказалось, что его любовь была притворством, а на самом деле он видел в ней лишь вещь, которую можно выгодно обменять на статус и титул? От этих мыслей Алин зарыдала ещё сильнее и, чтобы справиться со слезами, закусилась край подушки. Как же мерзко и несправедливо!

Постепенно слёз становилось всё меньше, рыдания переросли в тихие всхлипы, а отчаяние – в чувство бессилия. Алин ощущала себя маленькой девочкой в огромном, страшном мире.захотелось спрятаться где-то далеко-далеко, чтобы её не нашли. Она чувствовала себя вымотанной. Мышцы казались такими тяжёлыми, будто были сделаны из гранита. Алин свернулась калачиком. В голове плавал туман. Хоте-

лось спать, но сон то принимал её в свои объятия, то отталкивал.

Сквозь мутное состояние, в котором она качалась, будто лодочка на волнах, Алин услышала, что кто-то поднимается по лестнице. Злость от мысли, что это может быть отец, в мгновение ока разогнало туман сна и наполнило силами. Как с ним разговаривать после такого оскорбления?! Алин соскочила с кровати, провернула ключ в замке и замерла, словно мышка. Казалось, что всё внутри тоже замерло: дыхание остановилось, а сердце перестало биться. Кто-то толкнул дверь, а затем постучал.

– Снежинка, обед готов. Спускайся, – раздался громкий голос нянечки.

Алин облегчённо выдохнула и на цыпочках вернулась на кровать.

– Я не хочу, – крикнула она.

– Ну как же так, деточка? Неужели, останешься голодной?

Алин молчала.

– Снежинка, что случилось? Поговори со мной.

Обсуждать произошедшее совершенно не хотелось. Да и зачем? Нянечка встанет на защиту отца. Алин будто в реальности слышала её тихий голос, который говорил про традиции, послушание и такую женскую долю.

Нянечка походила туда-сюда, но, видимо, поняв, что ей не победить упрямство Алин, вздохнула и осуждающе защёлкала языком. Вскоре, её шаги стали удаляться, и каблуки за-

стучали по деревянным ступеням.

Алин легла на кровать. Слезы и мысли исчезли, будто их вымели из сознания, как мусор из избы. Но всё равно на душе было погано. «Поспи, – часто советовала мама, когда Алин расстраивалась. – Сон развеет все тяготы».

И вправду, на следующий день переживания казались уже не такими яркими и острыми.

Вот и сейчас, Алин последовала совету мамы: завесила шторы, залезла под одеяло и широко зевнула. Сон, хотя и пришёл быстро, напоминал пугливого зверька, который исчезал от любого шума.

Алин просыпалась то от хлопка входной двери, то от звука шагов по коридору, то от мужских голосов на первом этаже. Открывала глаза, прислушивалась, а затем, успокоившись, засыпала. В очередной раз её разбудил стук в окно. Она резко села и испугано прижала к себе одеяло. В комнате было темно. Свет от небесных линий еле-еле проникал сквозь плотные шторы. Пришла дурная мысль, что это стучится отец, но она тут же упорхнула, как птичка, к которой протянули руки. Может, почудилось?

Снова постучали. Два раза. Подождали немного – и вновь постучали два раза. Алин узнала этот код. Обрадовалась и бросилась к окну. На улице клубилась ночь. Небо напоминало болото: чёрная вода, клочки туч, похожие на кочки, а небесные линии напоминали белёсые тропки через топь. На дереве напротив окна сидел Эрн – любовь всей её жизни.

Хотя было довольно темно, Алин узнала его широкие плечи. Она жестами показала "подожди минутку". Эрн склонил голову, и представился его осуждающий взгляд. В ответ Алин невинно улыбнулась и пожала плечами, мол "извини, но так надо". Ей действительно нужно было привести себя в порядок. Стыд и позор, если она появится перед ним растрёпанной и заплаканной. На всякий случай, Алин завесила шторы, чтобы Эрн не подсматривал за тем, как она прихорашивается. Всё-таки эта женские тайны, в которые мужчин посвящать не нужно.

В полке стола Алин нашла свечку и спички. Она торопливо выбивала искры, но ни одна не желала разгораться. Да что ж это такое, когда нужно всё сделать побыстрее, то ничего не получается?! Наконец-то удалось поджечь свечу. Алин прикрыла пламя рукой, чтобы оно не погасло, и подошла к трюмо с огромным зеркалом. М-да, ну и красавица: волосы растрёпаны, глаза красные, а веки опухли. Хорошо, что она не впустила Эрна!

Алин сняла заколки, расплела жгуты и достала ленты. Волосы путались, сбивались в колтуны. Дурацкие кудряшки! Алин схватила ножницы и срезала раздражающий клочок. Затем она кое-как причесалась, собрала часть волос в высокий пучок и украсила его заколкой с блестящим желтым камнем. Осмотрела себя в зеркале и осталась довольна: краснота почти сошла с кожи, а белки глаз побелели, но веки были ещё немного опухшими. Она поправила мятую ткань платья, в

глубине души пожалев, что спала, не раздеваясь. Сузив глаза, Алин кинула взгляд сначала на окно, затем на шкаф в углу комнаты и решила, что есть ещё время. Она вылезла из платья, сняла с вешалки новое – бледно-розового цвета с рукавами в складку и с красными узорами на подоле. Переодевалась аккуратно, стараясь не задеть причёску. Всё равно несколько прядей вылезло, поэтому пришлось заколоть их. Ну всё, теперь она точно готова.

– Входи, – прошептала Алин, открывая окно.

Эрн прошёл по тонкой ветке, и каждый раз у Алин сжималось сердце от страха, что она сломается, но, к счастью, всё обходилось. Любимый, будто по ступеням, сначала прошёлся по подоконнику, затем по крышке сундука, а потом спрыгнул на пол.

– Чего же ты так долго? Я думал, что я или замерзну, или твой отец нас застукает. Даже не знаю, чтобы было хуже.

– Но всё обошлось. Видимо, сами Боги оберегают нашу любовь, – расплылась в улыбке Алин и обняла Эрна со всей силы, чтобы он почувствовал, как она рада его видеть. – Я так скучала по тебе.

– И я, – прошептал Эрн ей в самое ухо. – Не мог дождаться, пока мои родители уснут.

Алин отпустила его и закружилась по комнате.

– Как я выгляжу?

– Чудесно! Ты у меня краше всех!

Алин радостно рассмеялась. И её Эрн красивее всех

остальных парней. Она часто представляла любимого взрослым мужчиной, и томно вздыхала от его красоты. Высокий, широкоплечий, мускулистый. А ещё, разве у кого-нибудь есть такой идеальный овал лица и такая выточенная верхняя губа, словно над ней трудился великий скульптор? Она так же любила и его нос с лёгкой горбинкой, и синие, будто сапфир, глаза.

– Подойди ко мне? – Эрн нахмурился.

Он взял со стола подсвечник и поднёс его так близко к её лицу, что Алин ощутила жар от пламени свечи. Сощурилась и отодвинулась.

– Ты плакала? Что случилось? – спросил Эрн.

– Я не знаю, как тебе рассказать. – Алин тяжело вздохнула и опустилась на кровать.

– Говори прямо, – произнёс Эрн серьёзным тоном.

– Мой отец..., – Алин облизала пересохшие губы. – Он... он надумал отдать меня за Раддов. Сегодня за завтраком сообщил мне радостную, – она пожала в воздухе двумя пальцами – весть.

Эрн задумчиво скрёб ногтем кончик своего носа, а затем взмахнул рукой, будто ударил что-то.

– Курва!

Алин вздрогнула. Впервые в жизни при ней так ругались.

– Я думал поговорить с твоим отцом после ярмарки, попросить у него твоей руки и сердца! – Эрн сцепил пальцы рук в замок и положил себе на макушку. – Может, он переду-

мает, если мы с ним поговорим? Объясним, что любим друг друга, что со мной ты будешь счастлива?

Алин покачала головой.

– Он хочет стать магнатом. Ему не важно моё счастье. Ему важнее титул!

От этих слов больно сжалось сердце, а глаза наполнились слезами. Эрн сел рядом и прислонил её голову к своей груди.

– Не плачь, любимая! Мы как-нибудь выкрутимся.

– Как? – всхлипнула Алин. – Если отец что-то вобьёт себе в голову, то его никто не остановит. – Она обняла Эрна и заплакала. – Я не хочу замуж за Раддов! Я хочу замуж за тебя. Мне не нужны ни титул, ни деньги. Ничего! Мне нужен ты!

Эрн гладил её по плечам, целовал в макушку и приговаривал: "Ну-ну, всё будет хорошо. Я тебя никому не отдам. Мы что-нибудь придумаем. Я обещаю!" Алин понемногу успокаивалась. Она верила ему. Любимый спасёт её от ненавистного замужества. Он не допустит, чтобы они разлучились.

Они так долго обнимались, что Алин потеряла счёт времени. Ей казалось, будто прошла целая вечность. В объятиях было так тепло и безопасно, и она готова была провести в них ещё одну вечность, но Эрн отпустил её.

– У меня есть идея! – прошептал он и щёлкнул пальцами.

Алин вопросительно посмотрела. Любимый взял её за плечи и заглянул в глаза:

– Давай сбежим!



Она уставилась на него непонимающим взглядом.

– Я серьёзно. Давай сбежим! – глаза Эрна горели диким огнем. – Если твой отец, будто клещ, впился в идею породниться с магнатами, то побег – единственный выход сбежать от этого замужества! – рассмеялся любимый. – Видишь, «побег» «сбежать». Как складно я сказал.

Затем Эрн посмотрел на неё серьёзным взглядом.

– А ты что скажешь?

Алин задумалась, почесала скулу. Мысли о побеге вызывала одновременно и восторженный трепет, и страх. Вспомнилась Лилиан, и как она отчаянно боролась за свою любовь. Алин ощутила себя на месте героини. Теперь и она должна выбирать между любовью и желанием отца. Конечно же, любовь! Ведь нет в жизни ничего важнее её. Но... Как же оставить Корру? Нянечка с ума сойдет от горя!

– Я не знаю, – ответила Алин, рассматривая руки.

– А что тебя останавливает?

Алин сжала губы и ничего не ответила.

– Душа моя, я понимаю, это непросто, но нужно выбирать: или потерять меня или... – он многозначительно развел руки вместо окончания фразы.

– Я не хочу тебя терять, – прошептала Алин, а про себя добавила: «и дом тоже не хочу терять. Мне не нравится такой выбор».

– Тогда побег! – Произнёс Эрн как отрезал и ударил в воздухе кулаком, будто по столу.

Он принялся ходить от стены к кровати и обратно.

– Нужно тщательно подготовиться. Всё продумать. Нужно взять с собой еду, деньги.

Алин наблюдала за любимым. В голове царил хаос. Чем больше она думала про решение Эрна, тем сильнее чувствовала себя потерянной, как будто вместо картины будущего перед ней высыпали разобранный пазл. Алин смотрела на эти разноцветные части, и совершенно не понимала, какие детали соединить...

– А куда мы пойдём? – поинтересовалась она.

– Хороший вопрос! – воскликнул Эрн, а затем резко остановился и снова повторил. – Очень хороший вопрос. Точно нужно убраться подальше от деревни. А лучше вообще сбежать в другую страну. Может, поселимся в княжестве Сол или доберёмся до Лимии, осядем в деревне – Эрн поднял указательный палец и продолжил ходить: – Нет, лучше в городе. Там проще затеряться. Что думаешь?

– Я согласна, что лучше в городе поселиться. В деревне все друг друга знают, и наше появление может вызвать массу ненужных вопросов и слухов. Да и идти лучше в Линию. Я слышала, что в Сол с крестьянами очень строго обращаются. Чтобы съездить в другое поселение, нужно разрешение местного вояты!

Алин чувствовала, что отвечает на автомате и то, что от неё хотят услышать. Сама же она хотела остаться одной и всё обдумать, но не выгонишь же любимого. Не так поймёт ещё.

Эрн наставил на неё палец.

– Ты – умница! Тогда Сол не подходит для нашей обстановки. Поедем в Лимию.

– У меня там бабка живёт, – Алин вспомнила, что мама была родом из восточных земель.

– Ну, нет, – щёлкнул языком Эрн. – Не хватало ещё, чтобы она отправила тебя домой. Да и если бежать от прошлого, то окончательно. Возьмём другие имена и фамилию.

Эти слова будто что-то порезали внутри Алин: стало нестерпимо больно, а в глазах набухали слёзы.

– А когда, – Алин запнулась на следующем слове, но быстро взяла себя в руки. – Когда сбежим?

– Я думаю, что лучше всего, когда все уедут на ярмарку. На следующий день или даже через. Главное, чтобы твой отец уехал подальше, и ему потребовалось больше времени добраться домой, когда узнает про побег. Но есть одно «но», – протянул Эрн и уставился на потолочные балки, будто в них была причина, – бежать лучше ночью. Днём на дорогах будет много народа, а золотая монета кому угодно развяжет рот, и нас выдадут с потрохами.

– А как же волки, иллиды? Медведи? – испуганно воскликнула Алин и прижала руки к сердцу.

– Да, это вопрос, – закивал Эрн и снова принялся скрести ногтем кончик носа. – Я что-нибудь придумаю.

Любимый подошел к Алин и обнял. Его горячее дыхание обжигало кожу.

– Не переживай, душа моя. Тебе не надо ни о чем беспокоиться. Я обо всём позабочусь. Всё будет хорошо.

Алин обвила его шею руками и закрыла глаза.

– Я помолюсь Богам, чтобы они защитили нас.

## Глава 12: Путь-дорога

До ярмарки оставались сутки. Вечером Хейзеры вынесли в избу из сеней и погреба всё, что откладывали на продажу в течении полугода: пушнину, шкуры, колбасные кольца, сало, полендвицы, а из ледника – замороженные тушки зайцев, куропаток, и выложили на стол. Пока мама с Мириам заворачивали товар в ткани и перетягивали бечёвкой, Эйнар притащил из сарая сундук и крепил к нему ножи.

Перед тем, как навесить замки, Хельга достала из-под лавки горшок с печной золой. Там он стоял всю ночь, рядом с мисками с водой и кашей – подношениями домовому. Считалось, что после того, как он сытно покушает, то залезет в горшок спать. Тогда домового можно было взять с собой, чтобы он защищал и отпугивал воров.

Хельга высыпала щепотку золы в сундук, приговаривая:

«Домовой, домовой, поезжай со мной

Мои богатства охраняй,

Воров не подпускай.

Домовой, домовой, как вернёшься домой,

Молочком напою,

Хлебом накормлю и за печкой постелю».

Эйнар неодобрительно скривился:

– Мама, ну какой домово́й? Это всё ересь. Только Всеви́дящий сможет защитить нас в дороге!

– Ой, сынок, больно ты умным стал, – отмахнулась от него Хельга, заткнула горшок крышкой-пробкой и спрятала среди ткани. – Вспомни, как в детстве ты просил домового отыскать потерянные игрушки. Помнишь, как ставил за печку миски с водой и даже воровал яблоки, чтобы его задобрить? И домово́й находил игрушки! Помнишь, он ещё клал их на лавку у печи? А теперь для тебя он – ересь. Смотри, чтобы домово́й не обиделся и не учинил ничего такого в дороге!

Эйна́р хмыкнул и вышел из дома. Бабы, их ничем не переубедишь.

На следующее утро Эйна́р отправился к Бломам за лоша́дью. Иво́р задрал цены в два раза. Знал, гад, что люди заплатят, если захотят попасть на ярмарку. Пришлось, скрипя зубами, выложить сумму, которую запросил управляющий. Не тащить же сундук на собственном горбу! Получив деньги, конюх исчез, а затем вывел коричневую лошадь невысокого роста.

– Это Ягода, – конюх погладил животное по густой светло-коричневой гриве. – Спокойная. Послушная. А у вас много груза с собой? Может, вам тяжеловеса дать?

– Один сундук.

– А, ну хорошо. Ягода с ним справится.

Дома мать с сестрой принялись запрягать лоша́дку, а Эйна́р отправился в избу за сундуками. В печи потрескивал

огонь, с улицы доносились голоса родных и соседей. Интересно, а где найдёныш? Спит, наверное, словно он княжеских кровей. Эйнар презрительно хмыкнул, взял сундук за ручку и покатыл за собой. Тяжёлый, зараза!

– Тебе помочь? – крикнул ему через забор сосед – полный мужчина с залысиной и вечно-красными щеками.

– Да, пожалуй.

Вдвоём они стащили сундук с крыльца и подняли на телегу.

– Спасибо! – Эйнар пожал ему руку.

– Да не за что, – усмехнулся сосед. – Глядишь, и мне понадобится помощь, надеюсь, что тогда не откажешь.

– Конечно. Обращайся.

Сосед ушёл к себе во двор, а Эйнар перепроверил, как запряжена лошадь. Сестра болтала с кем-то через забор, заливаясь иногда смехом, а мама ушла в дом.

Проверив, что все затянуто, как надо, Эйнар прислонился к стене сарая. Погода на удивление выдалась ясной и тёплой, а небо было такое яркое и блестящее, будто его недавно хорошенько вымыли и натёрли воском. Сангар светил мягким, нежным, жёлто-оранжевым светом. Впервые в жизни Эйнар ощутил спокойствие и безмятежность. Не нужно было никому ничего доказывать, драться, спешить. Можно просто остановиться и не бояться. Хотелось простоять так вечность, наслаждаясь новым, но таким приятным чувством.

Из сладкой неги Эйнара вывел голос мамы.

– Здесь несколько кусков хлеба, вяленое мясо, ломтик сала и пару яиц, – она протянула кулёк. – Вдруг в дороге проголодаешься. Вот, будет что покушать.

– Спасибо, – кивнул Эйнар, пряча его в карман тулупа.

– Ну, в путь-дорогу, – торжественно произнесла мама и пошла открывать ворота.

Петли скрипнули. Нужно бы их смазать по возвращению. Мама вывела из двора лошадь. Неспешным шагом они миновали несколько домов и остановились.

Дорога, возле которой стояла изба Хейзеров, покидая деревню, тянулась прямёхонько на юго-запад к Йорн-Хелю, поэтому вскоре улица заполнилась жителями Лаерда. Воздух дрожал от гула голосов, ржания лошадей и лая собак. Люди перепроверяли, как затянуты гужи, перекладывали мешки на телеге, чтобы не свалились во время езды. Прощались с родными.

Мимо проехала карета с Ивором. За ней парень вёл лошадей невероятной красоты: высокие, длинногривые, лощёные. Сразу видно, что они предназначались не для простого люда. За ним ехали несколько телег, гружённые сундуками. Карета и свита войта стали в главу обоза. Войт влез наружу, потянулся, затем стал что-то говорить парню, который держал лошадей.

Мама поправила воротник Эйнару, и тот сразу ошетинился.

– Ну, мама! Прекратите! Люди же смотрят! – процедил он

сквозь зубы и отступил на шаг, осматриваясь. Не видел ли кто?

К счастью, все были заняты своими делами.

– Прости, сынок, прости. Смотри, что к тебе прицепилось, – мама сняла с рукава его тулупа белую нитку. – Это к свадьбе, сынок. Может, встретишь в Йорн-Хеле свою суженую.

– Ма-ам, ну что Вы такое говорите...

– А что? – возмутилась мама. – Ты уже взрослый парень. Завидный жених! Пора бы тебе задуматься о собственной семье, начать невесту присматривать! Я хочу внуков понять, засиделись Вы с сестрой что-то. Другие, вон, уже собственное гнёздышко вьют, а...

Вдруг гул голосов затих и все, словно по команде, повернули головы в одну сторону. К ним шли девушки – дочери и сёстры – в белых платьях с красной вышивкой на подоле и рукавах, с распущенными волосами, перетянутыми очельями. Каждая держала веник. Эйнар нашёл глазами Мириам. Она словила его взгляд и показала язык.

– Удачи тебе, сынок, – мама обняла его. – Пускай тебе в дороге помогают старые Боги и Всевидящий этот твой.

Люди расступались, пропуская девушек. Они прошли через толпу и остановились. Вперед вышла самая юная жительница Лаерда – ей было всего пять лет. Невинное создание с волнистыми волосами, ясными голубыми глазами и пухлыми щёчками, на которых расцвёл румянец. Девочка накло-



нилась и принялась подметать дорогу. Вскоре к ней присоединились остальные. Девушки махали вениками, медленно продвигаясь к концу деревни. Так, по приметам, они разгоняли злых духов, очищая дорогу путникам.

За ними шли те, кто отправлялся на ярмарку. Эйнар залез на сундук и тронул поводья.

– Но.

Провожающие остались на обочине, махая на прощание платками. Никто не разговаривал – боялись привлечь к себе злых духов. Дойдя до конца деревни, девушки остановились и отошли в сторону, пропуская обоз. Он проехал вперёд, мимо них и остановился. Появился Оратор в белой рясе с широкой зелёной лентой посередине. Священный символ красовался на груди на уровне сердца. Ещё один – на железном обруче посреди лба.

Оратор поднял рипиду – длинный деревянный шест, который венчал железный символ Око со зрачком из красного сапфира – и проговорил зычным голосом:

– Бог наш Всевидящий и Всемогущий да пребудет с нами в дороге и убережёт нас от несчастий и защитит нас и имущество наше. Хвала!

– Хвала! – крикнули верующие.

Оратор освятил обоз символом Око: нарисовал ладонью в воздухе круг и выставил в его центре кулак.

– С Богом! – завершил он ритуал.

– С Богом! – вторил ему десятки голосов.

Люди тронули вожжи, заскрипели колеса – обоз пришёл в движение.

Когда деревня осталась позади, возобновились разговоры: обсуждали цены, погоду, приметы. Кто-то достал свирель. Запрыгала, заплясала весёлая, словно птичка, мелодия.

Эйнару было не до музыки. Он думал о разговоре в Доме.

Зачем он попросил Оратора отправить рекомендацию в Великий Дом. Теперь нужно обязательно податься в рекруты. Ведь его будут ждать. И если он не явится, то это будет очень подозрительно.

Но как можно стать рекрутом Всевидящего, если он носит в себе холод иллидов? А вдруг там заметят шрам на шее? Что тогда будет?

Лоб Эйнара покрылся испариной.

Может, произошедшее – всего лишь испытание? Проверка его на стойкость и решительность? Ведь так просто мечтать о поступлении в стражи, о борьбе с иллидами, с проклятием и зимой, чтобы ни один человек не превращался в мёрзлых. Но сколько стоит мечта, если он готов отказаться от неё при малейшей трудности.

Эйнар сжал поводья в кулаке, чувствуя, как решимость наполняет его тело. Он не откажется от борьбы из-за укуса. Он отомстит мёрзлым за всё. За себя. За отца!

Глава 13: Вивьен

Мириам представить не могла, как она проведёт Аргона по всей деревне; как объяснит маме, что гостя нужно обяза-

тельно сводить к Вивьен. От одной только этой мысли начала кружиться голова.

Но Боги покровительствовали ей. Брат уехал на ярмарку. Мама ушла присматривать за соседским мальчиком-инвалидом, который рано остался без отца. Идеальное время, чтобы незаметно выскользнуть из дома.

Осталось только дожидаться идеальной погоды. Не поведёт же она гостя через всю деревню в ясный, полный света день, чтобы дать людям повод для сплетен и слухов. Каждое утро Мириам выглядывала в окно и расстраивалась, когда видела синее небо. Расскажи кому, что ей не нравится хорошая погода, так засмеют. Эти мысли вызывали едкую ухмылку. Каждый вечер Мириам молилась о непогоде. И Боги снова её слышали.

Утро слилось с днём в сплошной серости. Холодный ветер, словно перепив Хитенского виски, носился по улицам, рвал деревья и гудел в трубах. К обеду закапал мелкий дождик. Дороги разбухли, захочешь проехать – сорвёшь ось. Люди без острой нужды не высывали нос на улицу. Многие даже закрыли ставни.

К вечеру ни дождь, ни ветер не унялись, только стало темнее. Мириам дала Аргону тулуп брата и его сапоги. Если бы Эйнар узнал – убил бы! Сама же переделась в тёплые штаны, вязаную кофту.

– Куда мы собираемся? – поинтересовался Аргон, рассматривая тулуп, будто диковинную зверушку.

– К одной женщине, которая поможет вернуть Ваши воспоминания. Вы же хотите вспомнить, кто Вы и откуда? – Мириам с вызовом посмотрела на гостя, перетягивая концы платка вокруг шеи и завязывая сзади.

Аргон влез в сапоги. Немного великоваты, но не страшно. Мириам помогла ему застегнуть тулуп, а затем сняла с вешалки шапку.

– Надевайте-надевайте. Там холодно, уши ещё отморозите. Так, подождите немного.

Она метнулась в комнату, схватила лук, колчан стрел и корзинку. В ней, накрытые полотенцем, лежали несколько картофелин и кольцо колбасы – плата Вивьен за помощь.

Ветер разъярился не на шутку: он наскакивал со всех сторон, сбивал с ног, швырялся в лицо дождём, словно стрелами. Мириам и Аргон, пытаясь от него защититься, согнулись, будто древние старики.

– Ух, непогода как разыгралась! – воскликнула Мириам, прикрывая глаза ладонью.

М-да, получилось чересчур задорно. В ответ Аргон как-то странно хрюкнул.

Раньше Вивьен ютилась в небольшом доме на окраине, но потом в Лаерд приехал Оратор и потребовал выгнать ведьму. Состоялся показательный суд и изгнание, после чего дом элладки сожгли. Правда, далеко Вивьен не ушла: она была слишком стара, да и люди её любили и ценили. Ведьма лечила больных, заговаривала на удачу, помогала девушкам в

любовных делах, поэтому ей не дали погибнуть. За спиной Оратора люди построили для элладки землянку, приносили дрова и еду.

На площади Мириам с Аргоном повернули налево. Прошли мимо таверны. За закрытыми ставнями раздавались людские голоса и гогот. Мириам потянула Аргона за рукав и ускорила шаг. Не хотелось, чтобы кто вышел и случайно их застукал.

За таверной свернули на тихую улочку в несколько домов. Здесь жили бедняки: их дома больше походили на сараи, а окошки величиной с ладонь были затянуты бычьими пузырями.

Ветер стал холоднее, морось усилилась. Капли подмерзали и резали, будто стекло. Мириам чувствовала, как немеет лицо. Аргон был насквозь мокрым и обнимал себя руками, видимо, пытался согреться.

– Потерпи, осталось немного. В лесу будет теплее, – ласково приободрила его Мириам, понимая, что в этих словах нуждается и она сама.

– Я надеюсь, – пробурчал Аргон.

Вдруг он поднял голову, сощурился, что-то высматривая.

– Что там? – Мириам остановилась рядом и тоже вгляделась в черноту туч.

– Смотри, какая птица!

– Не вижу.

– Вон там, – Аргон указал пальцем на тень, но Мириам

как ни старалась, не видела никаких птиц.

– Да вон же она, – раздосадовано воскликнул Аргон. – Вон, где небольшой разрыв между тучами. Видишь?

Мириам прищурилась, напрягла зрение. Сначала показалось, что это просто тёмное пятно, но потом она разглядела широко распахнутые крылья, короткий хвост и длинное, толстое туловище. Птица выныривала из-за облаков, делая круг, а потом снова растворялась в их серости. Иногда она зависала и резко, как-то неестественно, поднималась вверх.

– Какой у неё размах крыльев! – присвистнул Аргон. – Наверное, одно крыло ростом с меня будет! Ты знаешь, что эта за птица?

– Может орлан, но вряд ли. Не похож, – Мириам дернула плечами. – Не скажу точно, но какой-то крупный хищник.

На самом деле, птица пугала: было в ней что-то неестественное. Пропорции тела. Зависания... Да и не летают птицы в такую погоду!

– Ладно, пойдёмте уже, – Мириам дёрнула Аргона за рукав.

Они быстро добрались до леса. Деревья защищали от ветра: он метался между верхушками, подобно зверь в западне. Сосны скрипели, раскачиваясь. В бороздах от колёс скопилась вода, иногда она поднималась так высоко, что дорога превращалась в речку, и приходилось идти по обочине. Мириам пожалела, что не взяла с собой факел. Глаза уже болели от напряжения, пытаясь разобраться в нагромождении

теней.

– Вот здесь аккуратно, – шептала Мириам, переступая через пенёк. – А сейчас нужно перепрыгнуть вот сюда. Так, подожди, – она нашла длинную палку и потыкала в островок между колеями, чтобы поверить, земля там или вода. – Всё нормально. Стоять можно, – объявила Мириам и шагнула с обочины на середину дороги. – Аргон, аккуратно, не сломайте ноги только!

Мириам часто останавливалась, прислушивалась к звукам и молилась про себя, чтобы не встретиться с мёрзлыми. Про птицу она уже забыла. Сейчас важнее вовремя заметить иллидов!

Не дойдя до перекрёстка, они свернули с дороги в чащу леса. К дому Вивьен вела еле заметная тропинка, но в сумерках и с такой непогодой её было невозможно отыскать, поэтому приходилось ориентироваться на свои ощущения. Направо. Теперь налево. Вроде, правильно. За горбатой сосной снова налево. А вот и дом элладки. Издалека он напоминал холм. Крыша пряталась под слоем мха, только труба торчала. Дым, еле различимый в серости, трепетал на ветру. Тропинка упиралась в деревянные ступеньки, которые спускались к двери.

Мириам постучала. Тишина. Неужели никого? Как так? Мириам забарабанила, что есть мочи.

– Тише, – тронул её за руку Аргон. – Она и так на соплях держится.

– Что?

– Дверь, говорю, и так хлипкая.

Мириам постучала, но уже сдержаннее.

– Та итту я, итту, – слышался скрипучий голос.

Дверь открыла маленькая сторбленная старушка в длинной серой юбке и коричневой кофте. В одной руке бабушка держала лучину – пальцы у элладов длиннее, чем человеческие, – а второй сжимала края платка, наброшенного на плечи. Розовые волосы, выцветшие, как краска на свету, были собраны в пучок, а чтобы он не развалился, Вивьен всунула вязальную спицу. При виде элладки, Аргон попятился. Мириам схватила его за локоть и широко улыбнулась.

– Ой, мы Вас, наверное, разбудили. Я прошу прощения! Но нам очень-очень нужна Ваша помощь!

Несмотря на долгие годы жизни среди людей, элладка так и не обучилась тонкостям речи: до сих пор не могла выговаривать твёрдые и резкие звуки, постоянно смягчала их, отчего казалось, что она картавит.

– Прохощице, цетки. Вы, наверное, замёрзли, пока табирались. Вон, у паренька зуб на зуб не попатает.

Мириам втащила Аргона за собой в землянку. Там царила полутьма, свет исходил от нескольких лучин, воткнутых в стену. Несмотря на холод снаружи, внутри было нагрето, словно в бане. Огонь потрескивал в печурке, непривычно маленькой и квадратной, как сундук.

– Я вам сейчас чаю заварю, чтобы вы согрелись. Или, мо-



жет, супа хоцице? – старушка взяла с полки глубокую миску и внимательно посмотрела на Мириам.

– Ой, нет, спасибо. Мы не голодны!

Она поставила корзинку на лавку у двери и стянула с головы платок. Аргон топтался в углу и бросал на элладку подозрительные взгляды, будто она сейчас сойдёт с ума и попытается их убить.

– Да не бойтесь её, она не кусается, – прошептала Мириам в ухо Аргона, помогая ему снять тулуп. – Она же не монстр. Она живая. Элладка. Помните, я рассказывала про них.

Аргон слабо кивнул и зашептал в ответ:

– Всё равно как-то не по себе.

– Тохда чай выпейце, – Вивьен поставила на стол две деревянные кружки, что-то бросила в них и залила кипятком. Дом наполнился тонким древесным ароматом.

– Это слизень? – скривился Аргон, разглядывая в кружке нечто длинное и чёрное.

– Нет, – хихикнула Мириам. – Это чага, берёзовый гриб.

Вивьен взяла за печкой табуретку и села напротив них.

– Точенька, ты говорила, что тебе нужна моя помощь.

– Не совсем мне – ему, – Мириам мотнула головой в сторону Аргона. – Я нашла его в лесу несколько дней назад. Голого и напуганного. Я спасла его от мёрзлых, накормила и обогрела. Ладно, это не важно. Важно другое: Аргон совсем про себя ничего не помнит. Ничегошеньки! Даже свое имя с трудом вспомнил!

– Это правта?

Мириам кивнула, но поняла, что элладка обращается не к ней, поэтому выдохнула и посмотрела на Аргона. Он смущённо кусал губу. В его глазах было столько мольбы о поддержке, что она не удержалась, сжала губы и кивнула, мол "все хорошо, я с тобой".

Аргон почесал шею и выдавил:

– Э-э-э-э, ну.... Да! Я не помню даже, как оказался в том лесу. Вообще, ничего не помню!

– А к вам приходили какие-нибудь видzenia? Например, во сне?

Элладка, наклонила голову набок, внимательно рассматривая Аргона. Он тяжело вздохнул.

– Да... Приходили... Но по утру я о них забывал.

– Он ещё когда болел, то звал какую-то Юлю и говорил про... это... как его там... фаир, – влезла Мириам. Она боялась, что упустит важные детали и тогда Вивьен не сможет помочь.

– Мг, – задумчиво произнесла элладка. – Вы очень... необычный молотой человек, так не похожи на местных жителей. Видзимо, изталека к нам приехали.

– И я так думаю! – подскочила Мириам.

Вивьен даже взгляд не бросила в её сторону. Мириам села на лавку и приказала себе успокоиться.

– Архон, тайте вашу руку. Только закатайте рукав повыше, – приказала старушка, подходя ближе к гостю.

– Ес, сэр! – хихикнул он.

Его никто не понял, поэтому он махнул рукой, мол, забудьте.

Глаза элладки расширились, когда она заметила тонкие белые шрамы на предплечье. Старушка схватила Аргона за запястье и резко дёрнула к себе.

– Откута у тебя это?

– Я... Я не знаю, – пролепетал Аргон и уставился на Мириам в поисках поддержки.

– Они уже были, когда я нашла Аргона. А что они значат? – Мириам придвинулась поближе и тоже уставилась на узор из шрамов на коже гостя.

– Это не шрамы... Это эллацкие заклинания.

– Заклинания? – хором воскликнули Мириам и Аргон.

– Откуда они у меня? – испуганно спросил гость.

– И я бы хотела это знать, – строго, будто наставник, произнесла Вивьен.

Мириам почувствовала, как её охватывает страх. Неужели брат был прав насчёт Аргона? Неужели гость на самом деле колдун? Боги, что же теперь делать-то? Перед глазами всё поплыло. Мириам сжала челюсти и медленно, сквозь зубы, выдохнула, чтобы успокоиться.

– А что... означают эти... заклинания? – спросила она, запинаясь.

Закусив нижнюю губу, элладка водила пальцем по тонким белёсым линиям на руке Аргона. Старушка то удивлён-

но распахивала глаза, то хмурилась, то непонимающе прищуривалась. Мириам от волнения покусывала прядь волос.

– Эта очень сложные заклинания. Тревние.

Старушка что-то недоговаривала. Это настораживало.

– Я плохо понимаю магическую вязь, но всё же кое-что знаю, – Вивьен выпрямилась, а затем, собрав пальцы в замок за спиной, прогнулась. – Я нашла языковую связку и начало связки, плокирующей память. Если я найду остальные часци, то, возможно, смогу её разрушить.

– И тогда Аргон вспомнит своё прошлое?

Внутри всё билось от волнения и страха. Хотелось побыстрее узнать, кто же такой Аргон. Убедиться, что он не колдун.

– Толжен. Но я не обещаю. Всё-таки я не заклинацель, та и магия сейчас... – Вивьен запнулась, её губы шевелились, как будто она подбирала слово или пыталась его произнести, но в итоге элладка махнула рукой.

– Разцевайцесь!

– В смысле раздеваться? – от удивления шея Аргона выгнулась, как у гуся.

– Снимайте одзешту. Я толжна видзеть текст целиком! Я триста лет живу на свете и уже столько разных мужских та-стоинств видзела, что меня ничем не смутишь.

Аргон посмотрел на Мириам.

– Отвернись, пожалуйста.

– Ой, да ладно. Чего я там не видела? – рассмеялась она,

но покраснела и отвернулась.

Мириам слышала, как шелестит одежда, краснела ещё сильнее, вспоминая голого Аргона.

– Повернишься, – приказала элладка. – Ага. Хорошо. Цеперь тругим боком. Ноги чистые. Славно. Можете нацевать штаны. А теперь ложись на лавку, а ты, – Вивьен посмотрела на Мириам. – Пересячь на лапцы за печкой.

Мириам пересела на длинную лаву, прикрепленную к стене, и оттуда наблюдала, как Вивьен склонилась над Аргоном. Одну руку она положила ему на грудь, а пальцем второй руки, повторяя изгибы заклинаний, водила в районе живота. Неожиданно старушка запела. Мириам впервые услышала элладский язык. Какой же он красивый! Мягкий, тягучий, мелодичный. В нём не было шипящих и рычащих звуков. Слово перетекало в слово, подобно мелодии. Мириам показалось, что воздух загустел и стал тянуться, как сосновая смола. Старушка как будто тоже преобразилась: помолодела, распрямилась, тело снова наполнилось силами, а волосы – красками. По шрамам – там, где их касались пальцы ведьмы, – проскакивали искры, похожие на молнии. Вдруг Аргон побледнел, а кончики пальцев посинели, и через мгновение он начал биться в конвульсиях. Выгнулся, как мост через реку, упираясь пятками и затылком в лавку, а затем с грохотом упал. Да он же так убьётся! Мириам подскочила к ведьме, оттолкнула её. Элладка не удержалась на ногах.

– Что с ним? Аргон? Аргон! Вы слышите меня?! – Ми-

риам рухнула рядом с ним на колени, попыталась нащупать пульс, затем поднесла ладонь к его носу. Дыхание было слабым и прерывистым.

– Что вы наделали?! – накинулась она на старушку. – Он же умирает! Помогите ему! Спасите!

Элладка, держась за край лавки, медленно поднялась и поморщилась от боли, когда хрустнули колени. Постояла немного, словно прислушиваясь к своему телу, а потом строго посмотрела на Мириам

– Не мешайся!

– Не мешайся? Не мешайся?! Да вы его убиваете! – Мириам взвилась ещё больше, но вдруг её охватил ледяной гнев. – Если Аргон умрёт, я Вас застрелю. Клянусь всеми Богами, это будет последний день Вашей жизни! – отчеканили она и посмотрела на лук, который оставила у двери.

Старушка побледнела, положила дрожащую ладонь на лоб Аргона и, водя пальцами по шрамам, вновь начала читать заклинание. Её голос то усиливался, то спускался до шёпота.

Аргон успокаивался. Мириам видела, как розовеет его кожа, как проступает румянец на щеках, как на лбу собираются капельки пота.

Вивьен выкрикнула какие-то непонятные слова и замолчала. Убрала руки. Аргон открыл глаза. Сел. Мириам бросилась к нему. Обняла.

– Вы живы! Живы! Как себя чувствуете?

Аргон недоумевающе нахмурился, а затем почесал шею.

– Как будто с бодуна.

Мириам удивленно подняла брови.

– Словно пил, не просыхая, несколько суток, – повторил Аргон и заулыбался. – А что произошло? Я умирал?

– Нет, всё нормально, – замахала руками Мириам и глупо захихикала, а затем резко остановилась и строго посмотрела на гостя: – Вспомнили что-нибудь?

Он закрыл глаза и запрокинул голову.

– Когда я был в... трансе, то вроде бы воспоминания вернулись, я что-то видел, но сейчас... Ничего

Всё внутри оборвалось. Мириам словно застыла посреди бури, так и не поняв, кто такой Аргон. Колдун ли он? Можно ли ему доверять или брат был прав, когда не хотел вести его домой?

– Вы же обещали, что вернёте ему воспоминания, но они не вернулись! Вы меня обманули! – голос Мириам дрожал от возмущения.

Старушка взяла с полки горшочек и доковыляла до лужанки.

– Я не обманула. Я сдзела всё, что могла, – ответила Вивьен, трогая свою лодыжку. – Честно сказать, я ещё с таким случаем не сталкивалась... Невозможно вернуть воспоминания, которых нет.

– Как нет воспоминаний? – Мириам будто обухом по голове огрели. Такое ощущение, будто её пытаются обмануть. Вот только как и в чём именно? – Аргон говорит, что вспом-

нил...

Элладка зачерпнула зелёную кашицу с резким запахом чеснока и принялась растирать её по лодыжке.

– В этом деле нет никаких воспоминаний.

– Эм? – это всё, что смогла произнести Мириам. Она окончательно запуталась.

– Аргон живёт на тва цела, – принялась объяснять ей Вивьен, будто неразумному ученику.. – В этом нет воспоминаний. А вот тругое – хранит их. Я попыталась перенести тушу Аргона во второе цело, но... сама видишь, что произошло.

Слова элладки не укладывались в голове. В смысле второе тело? Как так?

– Я ничего не понимаю, – честно призналась Мириам.

– Я тоже, – тяжело вздохнула Вивьен. – Вязь на цела Аргона очень слошная и тревняя. Я тавно такую не встречала. А то, что с ним происходит, я не могу объясниць. Возможно, во всём этом замешан Универсицет. Но врят ли он смог выстояць. Проклятие бурей прокацилось по южным землям. Магия пришла в неистовство, уничтожая и коверкая всё на своем пуци. Горота, что были расположены ближе к Сангару... – элладка внезапно замолчала и прикрыла ладонью губы.

Мириам видела, как напряглись её мышцы на шее, а в глазах заблестели слёзы. Наверное, Вивьен было очень больно вспоминать события тех дней. Старушка тяжело дышала, пытаясь справиться с эмоциями, а потом продолжила:



– Там... там творился дикий... ужас. Поэтому, не тумаю, что кто-то выжил. Универсицет находзился почти на самой границе к Призрачным землям. Проклятие, скорее всего, стёрло его с лица земли в мгновение ока.

Вивьен поставила горшочек на пол, вытерла руки об юбку.

– Я больше ничем не могу тебе помочь, точенька. Я рассказала всё, что знаю.

Мириам поднялась, чувствуя, как гудит голова. Здорово, загадок не уменьшилось. Наоборот, теперь их стало ещё больше!

## Глава 14: Йорн-Хель

В дни ярмарок дороги, обычно пустые, заполнялись путниками. Обозы из разных сёл и деревень часто встречались, сливались, чтобы дружной толпой продолжить путь. Эйнару это не нравилось. От гула голосов болела голова. Новые люди не вызывали ничего, кроме подозрения. Приходилось внимательнее следить за вещами и карманами. К вечеру он уставал так сильно, что с трудом поднимал ноги, а голова шумела так, словно он целый день крепко пил. Всё, о чем Эйнар мечтал, так это о тишине. Несбыточные мечты! Таверни были забиты до отказа, и в одну комнату, рассчитанную на двух путников, набивалось человек десять.

Эйнар проклинал очередной постоялый двор, в котором им пришлось остановиться наночь. В нем хоть и нашлась пара свободных комнат, но людей было очень много: в одно помещение набилось человек пятнадцать. Женщинам уступили место на кроватях, а остальные улеглись, где придется. Кто возле кровати, кто у двери. На столе. Под столом. Эйнар спал на крышке сундука. Пришлось, правда, скрутиться будто псине, но так все же удобнее и теплее, чем спать на полу, да и безопаснее. Никто точно не залезет в сундук и ничего не украдет.

Как же хотелось, чтобы ярмарочные дни закончились побыстрее. Как же хотелось вернуться в свое логово. Как же

хотелось очутиться там, где нет людей! Как же он устал от толпы, от шума и гама.

В предыдущей таверне в Бруке все было битком забито. Местный войт разрешил всем, кто не нашел крышу над головой, заночевать в поле возле деревни. Многие в ту ночь напились, пели и танцевались, обнимаясь с местными девушками. Тут и там вспыхивали ссоры, драки. Воришки, а Эйнар не сомневался, что их тут тьма тьмушая, только и мечтали, чтобы утащить добро у пьяного путника. Все ночь он не сомкнул глаз, следя за темными фигурами, движущимися в свете многочисленных костров.

Эйнар долго не мог уснуть: то прислушивался к дыханию соседа, то к скрипу половиц за дверями, то к завыванию ветра за окном. А когда засыпал, всё равно продолжал вздрагивать от любого шороха. Проснулся он сразу, как только услышал лёгкие шаги возле себя. Вскочил. Человек, что шёл мимо, вздрогнул, а затем виновато зашептал:

– Извини, не хотел тебя будить.

– Да, ничего, – кивнул Эйнар и перевернулся на другой бок.

Едва ему удалось погрузиться в сон, как остальные начали просыпаться. Звуки шагов, шорох одежды, тихие разговоры вонзались в сознание Эйнара, будто жала пчёл. Пришлось вставать. От недостатка сна и напряжения голову будто стянул стальной обруч. Эйнар проверил замки, умылся остатками воды в кувшине и спустился в таверну. Несмотря на

раннее утро, почти все столы были заняты. Воздух звенел от голосов, смеха, покашливаний. Из кухни доносилось шипение жира на сковороде, журчание воды и крики поварахи. Ароматы браги, жареного мяса и кислых супов, казалось, пропитали столы и стены. Эйнар заказал тушёную брюкву со свиной. Вместо алкоголя попросил воды.

– Кто же отказывается от хорошей браги? – попыталась надавить на него хозяйка таверны – дородная женщина с кривыми зубами и маленькими, вдавленными в череп, глазами.

– Я, – ответил Эйнар.

– Эх, жаль, брага нынче – выше всяких похвал.

После завтрака Эйнар запряг коня, занёс сундук на телегу и отъехал от таверны недалеко. От вчерашней ясной погоды не осталось и следа, небо снова затянули серые тучи, а ветер, казалось, прилетел с самого севера. Но это сейчас меньше всего волновало Эйнара. Он поплотнее запахнул тулуп, накинул капюшон и закрыл глаза. Долгожданная тишина вливалась в уши, как хитенский виски в рот пьянчуги, принося с собой расслабление и успокоение. Как же долго он о ней мечтал.

Открываясь и закрываясь, стучали двери таверны, гул голосов выплеснулся на улицу. Вскоре к ним добавились ржание и фыркание лошадей, скрипы колес, цоканье копыт по камням. Обоз выдвинулся в путь. Эйнар подождал, пока с ним поравняются остальные, и тронул поводья.

Погода ухудшалась: ветер стал злее и холоднее, тучи над головой закручивались в водоворот. Многие зажгли небольшие дорожные фонари, которые крепились к дугам. Эйнар замёрз так сильно, что перестал чувствовать пальцы на ногах. Он слез с телеги и пошёл рядом с конём, в надежде хоть немного согреться. Люди вокруг выглядели хмурыми и злыми. Они тихо переговаривались и громко ругались, если застревали колёса или лошади не хотели слушаться, и хлестали животных.

Когда въехали в лес, стало чуть получше: деревья защищали от ледяного ветра. К полудню их тропа слилась с гостинцем – широкой каменной дорогой – который соединял столицу с Хельмом – крупным северным городом княжества, и тянулся дальше, на север, к болотам Хитенского королевства. Идти стало проще, колёса весело стучали по брусчатке, и телеги покатали быстрее.

Погода улучшилась. Водоворот из туч понёсся куда-то на восток, небо просветлело. Люди погасили свечи в дорожных фонарях. Через несколько часов пути сделали привал. Развели большой костёр и принялись поедать запасы, которые им собирали в дорогу родные. Эйнар съел яйца с хлебом, а затем пододвинулся к огню. Снял ботинки и вытянул ноги, в надежде отогреть пальцы.

После привала люди повеселели и подобрели. Снова зазвучала свирель.

Земля, что раньше стелилась ровно, будто блин на сковоро-

родке, пошла волнами. Дорога то забиралась на них, то петляла между крутыми каменными склонами. Лес мельчал и редел. Многовековые сосны и ели сменили хилые берёзки и кустарник. На горизонте вырисовывались горы. Растворяясь в синеве, они казались призрачными. Снег сверкал на пиках и лежал в расщелинах, напоминая застывшие реки. Эйнар ненавидел горы. Он чувствовал себя маленьким и слабым рядом с ними.

Вскоре лес закончился, и впереди растянулись поля, покрытые желтой сухой травой, которая напоминала спутанные, давно не чесанные волосы. Слева возвышались четыре кургана. Таких высоких, что шапка падала с головы, когда человек смотрел на вершину. В них покоились великие воины древности. Легенды гласят, что они были не люди, а волоты. Ростом в три маховых, да и силу имели такую, что могли голыми руками дуб из земли достать и швырнуть его чуть ли не до самого Сангара. Каждый курган венчали гигантский меч. На их крестовинах выгравировали имя война, который покоился в земле, а дол мечей украсили поминальными песнями.

Глядя на древние могилы, Эйнар ощущал их величие и мощь. Как бы он хотел увидеть живого волота. Как бы он хотел сам быть волотом. Сильным. Храбрым. Стойким.

У подножья гор расположился Йорн-Хель. Дома, подобно опятам, выросли на холмах и скалах, а на узком выступе возвышался замок. Поговаривали, что в его строительстве

принимали участие чуди. Ведь только они могли превратить горный камень в оборонительные башни и крепостную стену.

Сегодня город постарался выглядеть приветливо: стены украсили белыми полотнищами с изображением коронованной медвежьей головы, и над всеми башнями развивались бело-черные стяги.

Со всех сторон к городу стекались люди из разных деревень и городов. Обоз замедлил движение, наткнувшись на другой обоз, и вскоре остановился. Эйнар залез на сундук. Осмотрелся. Очередь растянулась на несколько вёрст. До чего разношерстный люд спешил на ярмарку! Были здесь и крестьяне: кто-то запрягал в повозку лошадей, а те, что победнее, запрягались сами. И купцы в длинных шубах и высоких цветастых шапках, украшенных камнями, перьями и даже лисьими хвостами.

Эйнар разглядел обозы виверов – болотных людей. Сколько же слухов про них ходило: что промышляли заказными убийствами и торговали ядами да отварами, которые способны превратить разумного человека в несмышлёное дитя. Один из виверов, видимо, почувствовав взгляд, повернулся и уставился на него своими жёлтыми глазами с вертикальным зрачком. Эйнар испугался и отвёл взгляд. Сделал вид, будто наблюдает за орлами, что кружили над скалами.

Погода снова ухудшилась. За один миг небо покрылось тёмно-фиолетовыми тучами, словно огромными синяками.

Ветер, резкий и холодный, принёс с гор ворох снежинок. По-быстрее бы добраться до постоянного двора, залить в желудок горячий суп, а потом вытянуть ноги на кровати!

Наконец-то обоз подошёл к воротам. Эйнар видел, как Ивор достал из-за пазухи какой-то лист и передал старику, что стоял рядом со стражниками. Он был в коричневом плаще, подпоясанным широким зелёным кушаком, а к груди крепилась брошь в виде пера. Привратник развернул бумагу, прочитал и махнул рукой. После этого обоз прошёл через ворота.

Город встретил Эйнара обилием запахов. Вонь помоев, гнили и пота смешивалась с ароматами кислого хлеба, печёного картофеля, жареного мяса и свежесваренного сбитня. Улицы паутинками разбегались во все стороны. Дома плавно перетекали друг в друга, иногда забираясь на выступ, будто на волны, а потом резко обрывались, и люди шли мимо серого камня, плотно увитого мёртвым плющом. Улица была такой узкой, что Эйнар постоянно задевал плечом прохожих.

Вдруг раздался звук трубы, и пришлось срочно уводить лошадь с телегой на боковую улицу. Там уже стояло несколько крестьян, которые так же, как и он, поспешили убраться с дороги.

– Поаккуратнее! – процедил сквозь зубы дед в меховой шапке, которой, с виду, шёл не один десяток. – Ты разве не видишь, что чуть не наехал мне на ноги.

– Что я могу сделать, – огрызнулся Эйнар. – Здесь тесно!



Мимо пронёсся экипаж знатного человека. Лошади были покрыты жёлто-коричневыми помпонами. На жёлтом знамени, которые несли хорунжие, красовался вебрь с кинжалами вместо клыков. Когда карета скрылась за углом, люди снова заполонили улицу. Какая-то женщина плюнула вслед экипажу.

– Чтобы ты подавился за обедом, свинья в золоте!

Девчушка рядом с ней хихикнула.

– Осторожно, выливаю! – раздался сверху женский голос, и Эйнар дёрнул коня со всей силы.

За спиной раздался шум воды и мягкие шлепки. Резкий запах помоев ударил в нос так сильно, что слёзы выступили на глазах. Пришлось задержать дыхание и дёргать поводья, надеясь отъехать подальше.

– Ты что делаешь, карга старая?! – кто-то возмущенно закричал.

Эйнар повернулся и увидел деда, с которым столкнулся в переулке. На его шляпе и рубахе расплзались грязно-коричневые пятна.

– Ты разве не знаешь, что запрещено по праздникам и в ярмарку выливать дерьмо на голову прохожим? Я пожалуюсь князю! – продолжал злиться дед.

Женщина в окне закричала в ответ:

– Сами виноваты! Я предупредила, что буду выливать! Могли бы и убраться!

Улица понемногу расширялась, между домами появились

растяжки цветных флажков, а на стенах – вымпела. Звуки рынка приближались стремительно, словно лавина.

Вскоре обоз выехал на главную площадь. Её заполнили палатки различных форм, размеров и расцветок. Под низкими, серыми навесами крестьяне продавали скот. Здесь пахло навозом и прелой соломой. Животные блеяли, мычали, кудахтали, поэтому продавцам приходилось кричать во всю мощь своих голосов:

– Коза. Коза! Покупайте козу!

– Курицы! Даёт столько яиц, что вы не будете успевать их съедать!

В круглых зелёных и жёлтых палатках продавали овощи, фрукты и зерно. В полосатых – домашнюю утварь, ткань и женские украшения. А под небольшими ярко-оранжевыми и красными навесами лежали сдобные булки и сахарные конфеты для детей. Между большими палатками втиснулись батлейки, где тряпичные куклы рассказывали ребятишкам поучительные истории. Разные затейники предлагали попасть дротиком в деревянных уточек и получить приз или попасть мячом в крестик и хохотать от того, что шут, сидящий на деревянном настиле, провалился в бочку с водой. Возле башни с часами, у которых была всего одна стрелка, возвели сцену. На ней акробаты сгибались под такими невиданными углами, что казалось, будто у артистов нет костей. Люди ахали, закрывали глаза. Одной женщине стало плохо. Её положили на лавку у сцены и обмахивали платком.

Над пёстрой площадью, подобно гигантскому стражу, возвышался треугольный Дом из серого камня. Он словно наблюдал за весельем множеством глаз, которые были нарисованы на его стенах, и не одобрял всю эту радость и цветастость. Ярмарка, словно чувствуя это, постаралась отодвинуться от него подальше: рядом не было ни палаток, ни батлеек.

В гостинице рядом с площадью не оказалось свободных мест. Пришлось заселяться в постоялый двор у восточных стен. В этой части города было не так многолюдно, чему Эйнар несомненно порадовался, но по соседству располагался бордель, поэтому в трактире разгуливали девицы в платьях, в разрезе юбок которых сверкали ляжки.

Комната находилась на втором этаже и была очень маленькой: если вытянуть руки в стороны, то кончики пальцев почти дотрагивались до стен. У стены напротив двери стояла узкая кровать. На ней лежало стопкой несколько шерстяных одеял. У изголовья примостилась каменная жаровня. Небольшой столик расположился возле небольшого окна.

Эйнар занёс сундук, закрыл дверь на ключ и внимательно осмотрел стены. Такие постоялые дворы – просто кладёзь для сбора информации. Он нашёл несколько отверстий, очень хорошо спрятанных и замаскированных, заткнул их тряпками, в которые заворачивал мясо, и довольный упал на кровать. Если кто и думал за ним подсмотреть, то теперь всё, лавочка закрыта!

Желудок стягивало от голода, но Эйнар решил не ужинать в гостинице. Только не среди этих полуголых девиц! Они норовили дотронуться, прижаться или сесть на колени, в надежде получить клиента или обворовать, а если ими не интересовались, то становились бешеными, будто индюки.

Он вышел на улицу. Люди спешили на площадь, чтобы развлечься, поглазеть на танцующих медведей или выиграть безделушку. Эйнар же решил навестить старого знакомого. Мысль о том, что снова нужно пробираться сквозь толпу, вызвала отвращение, и Эйнар свернул на тихую улочку, что вилась у городской стены. Домики здесь были низкими, с небольшими окошками. За закрытыми дверями ссорились, плакали, пели пропитым фальшивым голосом. Посреди дороги валялись пьяные вусмерть мужчины, напоминая гигантских жирных червей. Некоторые умудрялись доползти до крыльца – и даже заползти на него.

Эйнар понимал, что опасность окружает его со всех сторон, но здесь, на тёмных, пустынных улицах, он чувствовал себя более расслабленным, чем в весёлой толпе на площади. Он знал, чего ожидать от любого встречного, а на празднике потеряешь бдительность – и вмиг останешься с разрезанными карманами.

Улица разветвлялась: одна уходила наверх, а другая убегала вниз, сужалась и ещё теснее прижималась к городской стене. Эйнар выбрал первую. Горожане там не валялись пьяные на дороге, а стояли на своих двоих, хохотали, пели во

всё горло. Дома были повыше, с резными наличниками и выпуклыми балкончиками. Они нависали так низко, что Эйнар едва не ударился головой об один из них, когда засмотрелся на объявления на афишной тумбе.

Вскоре между домами появились растяжки из разноцветных флажков, на длинных шестах красовались знамёна, в основном белые, с изображением медведя, но встречались и символы виверов – зелёные полотна с изображением ящериц – и жёлто-красные лучи княжества Сол, и синие танцующие окуни Лимии. Эйнар остановился возле серого полотнища с изображением какого-то гигантского безглазого существа, с длинными когтями и зубами. Поговаривали, что это чудские кроты, с помощью которых горный народец роет в скалах туннели. Но никто на самом деле не видел этих загадочных животных, поэтому они обросли многочисленными слухами, домыслами и страхами. Многие люди утверждали, что их уже давно не существует, а другие склонялись к тому, будто их вообще выдумали для запугивания врагов.

Вот и нужная лавка, или «лавка чудес», как её называл Эйнар. Рядом с дверью висела вывеска с изображением трискелиона – трёх изогнутых лучей – символа искателя приключений или смертника. Так называли тех, кто охотился за редкими сокровищами. Многие люди бесследно пропадали. Кто-то даже умудрился пробраться в земли элладов и даже вернуться с карманами, полными магического стекла. Если бы несчастный сохранил рассудок, то стал бы одним из бо-

гатых людей княжества.

Эйнар толкнул дверь, и внутри зазвенел колокольчик. В лавке горел камин и пахло чем-то сладким.

Небольшое помещение было заставлено шкафами. Столько удивительных вещей лежало за стеклянными дверцами! Черепа с выгравированными узорами, украшения из голубого жемчуга, кольца, выкованные в недрах чудского королевства. Они отличались чёрным цветом и крупными блестящими камнями. Рядом со шкафом стояла напольная ваза, только в ней торчали не цветы, а диковинные перья, что переливались при свете дня. Отражение в вазе привлекло внимание. Эйнар обернулся и замер, открыв рот от удивления. На стене висели зелёные и серебристые чешуйчатые шкуры с плавниками и лапами одновременно. С каких же существ их сняли? В дальнем конце комнаты, на прилавке, стоял канделябр, и в каждой рожке горела свеча. Лавочника нигде не было видно.

– Вечер добрый! – крикнул Эйнар, оглядываясь.

Из-под прилавка вылез мужчина, невысокий, полноватый. Он напоминал хомяка: большие плоские передние зубы и отвислые щёки. Одет он был в тёмно-синий кафтан с широкой оранжевой полосой на подоле, из-под которого виднелись ярко-зелёные сапоги. Пальцы лавочника украшали кольца, совершенно не подходящие друг дружке: одни были изящными и выкованными в виде змеи или птичьей лапки, другие же украшали нелепые массивные камни размером с фалангу.

Увидев Эйнара, лавочник широко улыбнулся, обнял его.

– О, какие люди! Давно тебя не видел!

Эйнар чувствовал себя неловко и, когда его отпустили, глубоко вдохнул.

– Вечер добрый, Олех!

– Как твои дела? Как мама? Как сестра?

Эйнар отвёл глаза и выдавил, мол, всё по-старому, живём, не болеем. Продолжать разговор не хотелось, поэтому он подошёл к шкарам.

– Чьи они?

– О-о-о, это ящурорыбы, что обитают на дне озера Оре. Несколько таких тварей выкинуло на берег. Один знакомый искатель сразу понял, что я заинтересуюсь этим товаром – и доставил мне аж два экземпляра!

– Я слышал про ящурорыб, но думал, это легенды, но вот оно как оказалось! Кстати, как там мой заказ?

Олех расплылся в улыбке. Кивнул. Подошёл к двери и провернул ключ в замке.

– У меня для тебя есть кое-что получше.

Эйнар напрягся.

– Так, не надо мне ничего получше! Давай, как договаривались в прошлый раз. Без всяких сюрпризов!

– Да не волнуйся ты, – Олех приобнял Эйнара за плечи и легонько сжал.

С трудом удалось сдержать порыв, чтобы не врезать наглому лавочку между глаз. Попробует обмануть – тогда мало

не покажется!

Олех залез под прилавок. Щёлкнул замок и зашуршала ткань. Поднимаясь, лавочник ударился о край столешницы, выругался, но затем посмотрел на Эйнара и поманил его к себе.

– Смотри.

На прилавке лежало что-то длинное, завёрнутое в сермягу. Эйнар нахмурился и приподнял край ткани. Дыхание перехватило, а сердце забилось быстрее. Неужели? Неужели это?...

Резким движением Эйнар откинул ткань. Перед ним лежал меч невиданной красоты и невообразимо редкий, ведь он полностью был сделан из магического элладского стекла – самого прочного материала в мире. Свет играл на тёмных гранях, будто в толще воды. Где-то он тонул в тёмно-синих, почти чёрных, водах, где-то сверкал на голубоватой поверхности, как у лёгкой прибрежной волны.

Дрожащими пальцами Эйнар провёл по клинку. Стекло было гладким и прохладным.

– Как... как вы его достали?

Олех усмехнулся.

– Неважно. Знаешь, есть люди и очень влиятельные люди, которые готовы купить его за баснословные деньги, но... – лавочник накрыл меч тканью. – Он может стать твоим.

– Как? – прошептал Эйнар.

Олех внимательно посмотрел на него, снял кольцо с паль-



да и принялся катать его по столешнице. На щеках расцвёл румянец, глаза нервно забегали, а на губах расплылась улыбка.

– Ну-у-у, у меня есть одно предложение... точнее, просьба... Точнее, не от меня, а от моего сына. Ему очень уж приглянулась твоя сестра...

– А когда они виделись? – Эйнар нахмурился, вспоминая. – Так это же было два года назад!

– Ну да, ну да, но с тех пор мой Томас бредит Мириам: до сих пор вспоминает её волосы, глаза, улыбку. Влюбился сынок и он....

– Он хочет на ней жениться?

– Ну да! – воскликнул Олех. – Ему уже семнадцать, пора и невесту выбирать!

Над мужчинами повисла тишина. Эйнара разрывали эмоции. С одной стороны, страстно хотелось получить этот меч. Тело дрожало от мысли прикоснуться ещё раз к стеклянному клинку, почувствовать его вес в руке, услышать песню, когда он рассекает воздух. С другой – это означало продать родную сестру против её воли. Как же поступить?

Эйнар уже хотел отказаться, но вспомнил последнюю выходку Мириам, как она наставила на него лук. Ярость внутри словно щёлкнула кнутом.

– Согласен!

– Славно! – торговец хлопнул в ладони. – Славно! Я представляю, как обрадуется мой мальчик. Мы завтра же начнем

готовиться и отправим сватов на десятый день после окончания ярмарки. Кстати, вот, передай сестре.

Олех снова нырнул под прилавок и появился с ларчиком, украшенным разноцветными узорами, с большим резным замком. Внутри лежали жемчужное ожерелье, серьги и браслеты из серебра.

– Надеюсь, Мириам понравится наш скромный подарок.

Эйнар кивнул, хотя точно знал, что нет. Сестра терпеть не могла украшения! Он уже привозил ей красивые браслеты и цветные ленты, и даже янтарные серьги, но ничего не нашло отклика в её душе. Наденет несколько дней, а потом закинет в сундук и забудет.

– А что с мечом? Могу я его....

– Нет-нет! – воскликнул лавочник и поспешно спрятал меч. – Ты его получишь после свадьбы Томаса и Мириам. Он гарантия, что наша сделка не сорвётся. А сейчас я могу отдать тебе только твой заказ.

Олех вышел из-за прилавка, подошёл к шкафу. Дверца скрипнула, открываясь. Лавочник достал меч в ножнах, обтянутых кожей. Крестовину и черенок украшали металлические завитушки, а навершие напоминало птичью лапу, которая сжимала тёмно-зелёный камень. Олех вынул клинок. Он был чёрным, будто грозовая туча, ведь его ковали чуди в недрах Огненной горы.

Эйнар осмотрел меч и удовлетворённо кивнул. Красивый, но... разве может чудская сталь сравниться с элладским стек-

лом? Эйнар положил мешок с монетами на прилавок и пошёл к двери.

– Подожди-подожди! – закричал Олех. – Ты подарок для сестры забыл!

Да, точно!

На улице бушевала непогода: дождь напоминал град летящих стрел, а ветер, будто забавляясь, постоянно менял их направление. Свернёшь вроде на улицу, порадуешься, что дождь стучит в спину, а через секунду-другую острые капли уже несутся прямо в лицо. Эйнар выругался, поднял воротник и накинул капюшон. Леший дождь! Но зато он разогнал гуляк. Можно дойти до гостиницы напрямую, а не прятаться в тени опасных улиц.

Он заказал у хозяина таверны новые угли. Пока их ждал, съел тарелку горячего супа с галушками. В комнате Эйнар переоделся в штаны и рубаху, а мокрую одежду повесил на крючки в стене. На стол положил купленный меч и переданный в дар ларчик. Смотреть на него не хотелось. Он был, словно луч, подсвечивающий грязные помыслы.

«Я продал сестру за меч», – эта фраза каждый раз всплывала в голове, когда Эйнар бросал взгляд на ларчик.

Я продал Мириам.

В дверь постучали, мальчик протянул ведро с горячими углями. Эйнар засыпал их в жаровню, а затем обхватил её и попытался поднять, чтобы перенести поближе к мокрой одежде. Жаровня не поддавалась. Эйнар обошёл её с другой

стороны и упёрся руками. Камень с шумом сдвинулся на несколько пальцев. Отлично!

Пока он возился с жаровней, сырые мысли о поступке переваривались в съедобную кашу.

Почему продал? Если посмотреть на это с другой стороны, то он нашёл сестре жениха. Так поступают многие отцы: выдают дочерей замуж за достойного, по их мнению, человека. Ничего в этом такого нет.

Да, в их семье нет отца, поэтому вся ответственность за судьбу сестры теперь на его плечах. И он, как любящий брат, позаботился о том, чтобы Мириам не засиделась в девках. А она может! Она уже дала отказ нескольким сватам. Ладно, ей тогда было всего четырнадцать, но уже два года прошло. Сейчас самое время, чтобы думать о замужестве, ведь ещё парочка лет – и всё. Девушку, которая встретила третий десяток с необрезанной косой, называли старой девой, а им уготована либо свадьба с первым встречным, либо рынок жён. Там дряхлые старики, которым захотелось перед смертью насладиться женским телом, или вдовцы, на которых не смотрят местные красавицы, выбирали себе девиц.

Так что он оказал сестре услугу: нашёл ей достойного кавалера! Эйнар плохо помнил, как выглядит сын Олеха. Вроде, Томас был немного полноватым, да и зубами пошёл в отца, но всё равно он лучше, чем какой-нибудь оборванец или богатый извращенец!

Эйнар дотолкал жаровню к вешалке, поправил одежду,

чтобы капли не падали на раскалённые угли. Затем опустился на пол и прислонился к тёплому камню спиной, чувствуя, как согревается тело и расслабляются мышцы. Эйнар посмотрел на ларчик и почувствовал гордость за то, что позаботился о счастье сестры.

## Глава 15: Алин

История про сбежавших влюбленных заиграла для Алин новыми красками и эмоциями. Перечитывая книгу, она представляла себя на месте Лилиан, а Эрн – вместо Ромуля. Это они тайно встречались под стенами замка, переходили вброд ледяную горную реку и спасались от преследований конницы отца.

Алин закрыла книгу, откинулась на подушку и сладко вздохнула. Теперь побег не казался таким страшным, наоборот, он завораживал и хотелось, чтобы побыстрее наступил тот день. Может, и про её любовь когда-нибудь напишут историю, которой будут зачитываться другие. Алин представила себя на несколько лет старше: она сидела в окружении детей и рассказывала про то, как они бежали с отцом, прятались в лесу от дедушки, который был против брака. И дети слушали её, раскрыв рты.

Алин сладко улыбнулась своим фантазиям, а затем вновь раскрыла книгу и внимательно перечитала ту часть, где Лилиан готовилась к побегу.

«Это чудесная идея – взять с собой украшения, чтобы потом выгодно продать их!» – подумала Алин. – Мне тоже надо так сделать!»

Алин перевернула шкатулку и высыпала украшения на стол. Жемчужные бусы, несколько браслетов, три пары се-

рѐжек и рубиновое кольцо. Конечно, не бриллианты, но за всё это можно выручить неплохие деньги. Правда, с кольцом жалко будет расставаться, всё-таки это единственная вещь, которая ей осталась от матери. Алин аккуратно подняла кольцо и покрутила в пальцах. Бордовые грани камня в ярком дневном свете загадочно переливались. Нет, она не продаст его. Оставит себе. На память. Оно будет напоминать о доме, о счастливом детстве, о маме. Если бы она была жива, то позволила бы дочери выбирать мужа по любви! Не то, что отец! Алин завязала украшения в носовой платок и спрятала в сундуке.

Ещё Лилиан взяла с собой красивые платья и кружевные воротники, чтобы даже там, в далёких землях, оставаться для своего любимого самой красивой. Алин тоже сложила несколько платьев и ленты для волос.

В книге возлюбленные грелись у костра, ели медовые пирожные, которые Лилиан украла с кухни, и вспоминали дом. Эта сцена показалась для Алин очень романтичной, поэтому она задумалась над тем, чтобы стащить с обеда что-нибудь сладкое.

Перед сном она представляла, как они сидят с Эрном у костра. Над головой сгустились тучи, а небесные линии светили тускло. Порывы ледяного ветра пронзают насквозь. Она сильнее прижимается к любимому и достаёт из узелка пирожные. Эрн умиляется и целует её в лоб. Они вспоминают прошлую жизнь, дом, родителей. Это вызывает грусть и, что-

бы с ней справиться, они обнимаются и шепчут друг дружке слова поддержки. А затем они едят... нет! Кидают пирожные в огонь, как бы сжигая прошлое, своё детство. И тучи расходятся, а небесные линии разгораются в знак того, что сами Боги покровительствуют их любви.

Алин уснула, улыбаясь сладким грехам.

Днём же она старалась ничем не выдать своё волнение, но прозорливая нянечка все-таки что-то заподозрила.

– Ты почему такая загадочная в последнее время ходишь? – поинтересовалась Корра, когда Алин выходила с кухни с капустным пирожком в руке.

– Да ничего. Просто отец обещал мне привезти из Йорн-Хеля новые книги.

Не понятно, убедила она нянечку или нет, но та кивнула в ответ:

– Опять будешь ночи напролёт читать! Так зрение себе испортишь.

Вечером, после того, как обоз отправился на ярмарку, Алин взяла с кухни морковки, чтобы покормить лошадей.

– Снежинка, может, в другой раз в конюшни сходишь, – у самых дверей её окликнула Корра. – Там тучи такие собираются. Вот-вот гроза начнётся.

– Так пока же не началась, – ответила Алин, повязывая на голове цветастый платок.

Ей нужно пойти к лошадям именно сейчас, потому что они договорились встретиться с Эрном.



Тучи действительно затягивали половину неба и напоминали вспаханную землю. Ветер ухватился за подол юбки и принялся его шкомутать. Алин быстрым шагом обогнула дом и направилась к конюшням. Условно они делились на восточные и западные. В первых отец держал редкие породы лошадей. Сейчас туда не было смысла идти, потому что все они отправились в Йорн-Хель. В западных жили простые лошади. Их очень любили крестьяне за выносливость и покладистый нрав.

Внутри пахло прелой соломой, свежим сеном и деревом. Алин остановилась и вдохнула такой любимый аромат. Может, она в последний раз им наслаждается. Лошадей было всего трое – остальных крестьяне арендовали к ярмарке. Едва Алин зашла, как животные повернулись в её сторону, а одна, ближе ко входу, заржала.

– Тише, Заря, тишине, – Алин погладила её по морде и достала морковь.

Конюха нигде не было видно. Наверное, спит в восточной конюшне. Главное, чтобы он не застучал её с Эрном!

Алин отдала лошадям морковки, пару штук всё же припрятав на всякий случай, и выскользнула на улицу. Там ещё сильнее потемнело, и в тучах пробежали трещины-молнии. Чем хуже погода, тем безопаснее для её тайной встречи. Оглядываясь, Алин побежала к раскидистой ёлке, которая росла сразу за западной конюшней. От леса её отделял высокий забор. Спрятавшись за дерево, Алин зашептала:

– Я тут. А ты?

С той стороны молчали так долго, что начало казаться, будто Эрн не пришел на встречу. Забыл или, может, передумал бежать? От таких мыслей в груди словно вырос камень, а глаза наполнились слезами.

Вскоре раздались тихие шаги и тяжёлое дыхание.

– Алин, ты здесь?

– Да, да, я здесь, – радостно выдохнула она.

Испугалась, что получилось громко, и оглянулась. Никого.

– Мне еле-еле удалось выскользнуть. У нас совсем мало времени. Давай перейдём сразу к делу, – быстро полусшепотом проговорил Эрн.

– Да. Всё в силе? – поинтересовалась Алин, чтобы развеять свои страхи.

– Конечно, любимая! – пылко прошептал Эрн.

Как же сильно захотелось обнять любимого, почувствовать тепло его тела, его дыхание на своей коже. Алин сильнее прижалась к забору.

– Мы встречаемся через два дня. Я постучу в окно. Как обычно. До этого давай с тобой не пересекайся, чтобы никто ничего не заподозрил. Хорошо?

– Да, – пискнула Алин.

Не видеть любимого – такая мука, но она потерпит ради того, чтобы потом быть навсегда вместе.

Над головой ослепительно сверкнула молния.

– Ни о чём не беспокойся... только возьми в дорогу еды, да больше: непонятно, когда мы доберёмся до трактира.

– Я ещё украшения взяла, чтобы их можно было продать, – похвасталась Алин.

– Молодец.

От похвалы она расцвела в улыбке. Жаль, Эрн её не видит. Гроыхнуло так сильно, что Алин дёрнулась от испуга.

– И последнее, – прошептал любимый. – Оденься попростому, как крестьянка, чтобы не привлекать нарядами и украшениями к себе лишнего внимания.

– Хорошо.

Первые крупные капли упали ей на лицо.

– И запомни: я люблю тебя очень-очень сильно. Ты свет и огонь моей души, – полушёпотом произнес Эрн.

– А ты – отрада моих глаз, и моё сердце, и душа, – пылко заверила его Алин.

Дождь забарабанил по крышам конюшен, по веткам деревьев, по плечам, очень быстро усиливаясь. Нужно возвращаться, пока она не промокла до ниточки. Морковки, которые она не отдала лошадям, возьмёт с собой в дорогу.

\*\*\*

Утром её разбудила нянечка, принесла новое чистое платье и собрала грязную одежду, разбросанную по комнате. Алин ещё немного понежилась в постели, затем умылась и села расчесывать волосы. Вернулась Корра с новым платьем, помогла одеться и заплести косы, обильно украсив их лен-

там.

На завтрак подали любимые яйца и запечённые овощи. Алин положила перец и несколько кружочков баклажан к себе на тарелку. Налила мятный чай в маленькую фарфоровую кружку, украшенную птицами.

«Какая чудесная погода, – думала Алин, наблюдая через окно за тем, как лёгкие пушистые облака плывут по лазурному небу. – Сколько света! Надеюсь, на улице ещё и тепло. Нужно сегодня обязательно прогуляться. Может, сходить на холмы?»

Эта мысль нелепо торчала, словно непослушный волос, не желала укладываться. Какие холмы?! Вроде бы не этим она собиралась сегодня заниматься. А чем же?

Алин нахмурилась, посмотрела на пустой стул, на котором обычно сидел отец, и вдруг её охватила дрожь. Когда же он уехал на ярмарку? Три дня назад! Так это получается... Капельки пота собрались на лбу, а сердце как будто остановилось. Получается, сегодня ночью они сбегут с Эрном?!

Аппетит резко пропал. Голова закружилась. Алин отодвинула тарелку и подозвала полового. Он помог ей подняться и, поддерживая, довёл до комнаты. Алин упала на кровать. Сердце тревожно стучало. Мечтать было сладко, а вот мысль о том, что фантазии скоро превратятся в реальность, – пугала.

В комнату вошла нянечка.

– Снежинка, как ты себя чувствуешь? Ты выглядишь

очень бледной. Может, заболела? – она потрогала лоб Алин. – Вроде не горячий. Что случилось?

– Ничего. Всё хорошо.

– Ты точно не заболела?

Алин кивнула.

– Просто неважно себя чувствую. Нужно отлежаться.

– Хорошо, снежинка. Полежи. Поспи.

Алин повернулась на бок и закрыла глаза. Мысли о победе напоминали суп, в котором смешали страхи, тревоги с надеждой, предвкушением и голосом разума, перечисляющим всё, что нужно проверить и подготовить за сегодня.

– Корра, принеси, пожалуйста, завтрак мне.

– Конечно, снежинка. А что тебе принести?

– Яйца, колбаску, сыр и пару черничных пирожных.

Не положишь же в узелок варенье или кашу.

– Хорошо, снежинка, скоро всё принесу. А ты отдыхай.

– Спасибо.

Когда за нянечкой закрылась дверь, Алин перевернулась на спину и уставилась на потолочные балки. Интересно, успеют ли они с Эрном добраться за ночь до постоянного двора или придётся заночевать в лесу? А какой будет погода? Только бы не начался дождь. Не хотелось бы промокнуть с ног до головы. Завтра нянечка обнаружит постель пустой. Что же станет с бедной Коррой? Думать об этом не хотелось. Алин охватило чувство вины за всю ту боль, которую придётся испытать нянечке, и когда та принесла поднос с едой,

крепко её обняла.

– Что такое? – удивилась Корра неожиданному приливу нежности.

– Просто, – смущённо повела плечами Алин. – Ты так много для меня делаешь!

Лицо нянечки залил румянец, она отвела взгляд.

– Отдыхай, снежинка – Корра поцеловала её в лоб.

Когда она вышла из комнаты, Алин завязала еду в платочки и засунула в сундук. Села на крышку и задумалась. Впереди целый день, и нужно вести себя, как обычно. Выждав некоторое время, она вышла из комнаты. На расспросы нянечки отвечала, что чувствует себя получше. За обедом Алин съела всё, хотя аппетита не было. Затем отправилась на прогулку.

– Накинь платок, сегодня ветрено, – крикнула нянечка, когда заметила её у вешалки.

На улице было прохладно. Ветер то налетал, то резко исчезал, и не шевелилась ни веточка, ни травинка. По небу плыли легкие белёсые облачка, да так быстро, словно боялись куда-то опоздать. Алин шла по улицам, всё рассматривая и стараясь запомнить каждую деталь. То, что раньше казалось незначительным и обыденным, теперь стало необычайно важным и интересным. Вот в доме, в котором старейшины собирались на совет, полукруглые окна с фартуком из разноцветного камня. А вон на тех наличниках вырезали петушка! Алин удивлялась, как многое она не замечала. Не

знала, что у деревни есть флюгер в виде собачки. Какой чудак его сделал? А вот человек небогатый, но рукастый, превратил поручни крыльца в две гигантские змеи. До чего же красиво! На глаза навернулись слёзы, а сердце сжалось от тоски. Она больше не увидит ни это крыльцо, ни странный флюгер. Скоро она навсегда покинет Лаерд. Алин вытерла слёзы тыльной стороной ладони и пошла дальше. Она долго бродила по улицам, прощаясь с каждым домом, с каждым деревом, с каждым местом, что хранило в себе столько воспоминаний. Вот здесь она впервые поцеловалась с Эрном. А вот там была глубокая лужа, в которой она в детстве выращивала головастиков.

С началом темноты Алин вернулась домой. За ужином она проглотила горячий суп и поднялась к себе в комнату.

– Я сегодня пораньше лягу спать, что-то сильно утомилась, – сказала она нянечке.

Та кивнула и пожелала хороших снов. Алин действительно чувствовала себя невероятно уставшей. «Будто целый день училась вышивать!» – подумала она, падая на подушку. Глаза закрывались, а всё тело тяжелело. Алин не разрешала себе спать, боясь не услышать стука в окно, но потом перевернулась на другой бок и подумала, что перед побегом обязательно нужно выспаться и набраться сил.

Сон был тревожный. Она часто просыпалась в страхе, чудилось, будто она не услышала, как стучал Эрн. То вскакивала от ощущения, словно уже наступило утро. Когда Алин в

очередной раз открыла глаза, на улице господствовала ночь. Свет от небесных линий неровными полосами лежал на мебели, тянулся через стены и потолок. Алин подошла к окну и внимательно посмотрела на дерево, что росло рядом. Фигуры Эрна не было видно. Отлично, значит, она ничего не проспала, и у неё есть время, чтобы всё доделать.

Алин достала из сундука узелок, проверила содержимое, а затем крепко завязала его.

На цыпочках спустилась на первый этаж дома. В Святилище она преклонилась перед идолом Нут и попросила у неё защиты. На обратном пути в свою комнату, Алин прокралась к шкафу у входной двери, забрала тёплый платок и шубку. В комнате она переделалась в длинную шерстяную юбку, а поверх рубашки натянула кабат, расшитый цветными нитями. Она выбрала тёмные цвета для одежды, чтобы сойти за крестьянку или небогатую горожанку. Распустила волосы и заплела обыкновенную косу.

– Совсем на себя не похожа, – пробормотала она, крутясь перед зеркалом.

Так непривычно было видеть себя в простой одежде, без украшений и лент.

В окно легонько постучали, и Алин сразу бросила к нему.  
– Заходи, – прошептала она.

Эрн проскользнул в комнату. Он выглядел не так, как обычно, и Алин готова была поклясться, что не узнала бы его, если б встретила на улице. На любимом были тёплые по-



лосатые штаны, сапоги с высоким голенищем, а на плечах – тулуп грязно-рыжего цвета, подвязанный жёлто-красным поясом. Волосы Эрн собрал в пучок на затылке. За спиной у любимого висела объёмная сумка. Он снял её и поставил на сундук.

– Ты готова?

Алин кивнула и показала пальцем на кровать.

– Вот, узелок. В нём еда, одежда, украшения.

Рука ходила ходуном, будто принадлежала древней старушке, а не молодой девушке. Заметив это, Эрн обнял Алин.

– Не переживай. Всё будет хорошо! Я рядом! Мы справимся!

В объятиях растворялись её страхи. Любимый прав. Всё будет хорошо!

Эрн положил её узелок к себе в сумку, а затем распахнул окно.

– Пойдём?

Алин застегнула шубку и завязала платок.

– Пойдём!

От мысли, что спускаться придётся по дереву, закружилась голова. Любимый бросил на неё тревожный взгляд и хлопнул по плечу.

– Ничего сложного. Просто смотри и повторяй потом за мной.

Эрн ловко сполз по дереву и прыгнул на землю. Алин тяжело сглотнула, когда носок её обуви прикоснулся к ветви.

– Всё хорошо, – шептал любимый, – сделай пару шагов. Главное, не смотри вниз. Представь, что ты идёшь по мосту через реку. Вот так, молодец. Теперь садись сверху, как на коня.

– А теперь что? – прошептала Алин, оседлав ветку.

– Прыгай.

– Прыгать?!

Алин посмотрела вниз, и земля как будто отодвинулась ещё дальше. Все поплыло перед глазами, и она вцепилась в ветку мёртвой хваткой.

– Не бойся, я тебя поймаю.

– Да помогут мне Боги, – прошептала под нос Алин и легла на ветку, обхватила её руками и ногами. Зажмурилась. Сердце стучало как бешеное, но благодаря голосу любимого, она умудрялась не сойти с ума окончательно.

– Хорошо. Крепко держишься?

– Да, – пикнула Алин.

– Теперь переворачивайся.

Легко сказать, но трудно сделать. Алин зашевелилась и принялась сползать. Тело отказывалось подчиняться. Хотелось превратиться в статую, лишь бы не упасть.

– Ух, – воскликнула она, когда поняла, что скользит.

Алин ожидала почувствовать удар и боль, но этого не было. Она открыла один глаз и с удивлением обнаружила, что висит спиной вниз, крепко уцепившись за ветку. Юбка задралась, обнажились колени, но было не до этого.

– Молодец, – прошептал Эрн. – Осталось самое простое.

Алин сглотнула. Она медленно разжала ноги и повисла на руках. Любимый обхватил её за пояс.

– Всё, отпускаяй руки. Я тебя держу. Не упадешь!

Эрн аккуратно поставил её на землю.

– Видишь, ты справилась! – произнёс он, улыбаясь, а затем взял её лицо в свои руки и крепко чмокнул.

Алин хихикнула. Она чувствовала себя пьяной. Сердце стучало от пережитых впечатлений, тело горело, будто она долго-долго сидела у камина. Алин стащила с головы платок и обмахивалась им.

– Ты как? Готова идти дальше?

Алин непонятно дёрнула головой, а затем выставила указательный палец.

– Одну минуту.

– Давай только недолго, чтобы нас не поймали. Кстати, я совсем забыл! – Эрн хлопнул себя по лбу, Алин напряглась. – А мы можем взять у твоего отца коня?

– Нет. Наш конюх – очень строгий дядька. Если он застукает, то всё, пиши пропало. Да и остались в конюшне только два тяжеловеса и одна старая кобыла. На них мы далеко не уедем.

Эрн тяжело вздохнул.

– Ладно, тогда пойдём пешком. Дойдём до деревушки Ужрарк, там у местного коневода купим лошадку.

Алин кивнула, хотя ей всё это не нравилось. Она надея-

лась, что Эрн всё продумал и обо всём позаботился, а оказывается – нет. План менялся на ходу. Алин проглотила недо-вольство и страхи. Нужно доверять любимому.

Они добежали до конюшен и двинулись вдоль забора. Алин часто оглядывалась на родной дом. Она боялась, что кто-нибудь их застукает. Вдруг они так сильно шумели, что разбудили Корру. К счастью, окна комнаты нянечки оставались тёмными. Это радовало, но следом грусть сжимала душу. Корра спит и даже не догадывается о том, что больше никогда не увидит любимую воспитанницу.

Внезапно Эрн остановился и со всей силы потянул её вниз. Нырнул в кусты. Острые ветки царапнули по щеке. Она хотела поинтересоваться, что же случилось, но он приложил палец к губам.

Скрипнула дверь в одной из конюшен, и раздались тяжёлые шаги. Видимо, конюх не спал. До Алин донеслась незамысловатая мелодия, которую он насвистывал себе под нос, а затем звук льющей воды. Когда Алин поняла, что это за вода, скривилась. Она знала, что все справляют малую нужду, но не хотела становиться этому свидетельницей. Закончив, конюх не собирался уходить: он облокотился на забор и так стоял, смотря то на небо, то куда-то вдаль. Эрн тяжело вздохнул. «Проваливай давай» – очень тихо прошептал он. Алин была с ним согласна. Ей было неудобно сидеть в кустах: ветки норовили выколоть глаза, а тело чесалось. Нестерпимо захотелось чихнуть.

Конюх постоял ещё какое-то время, затем почесал голову, будто задумался над сложным вопросом – и пошёл в конюшню. Они ещё немного подождали. Вдруг ему опять приспичит или в туалет, или на небо посмотреть. Никто не выходил. Эрн и Алин, пригибаясь, побежали вдоль забора к лесу, будто шпионы. Это было восхитительно! Алин переполнялся такой восторг, который она ни разу в жизни не испытывала. Даже подумалось, что именно сейчас она по-настоящему живёт, а все предыдущие дни показались серыми и блёклыми.

Когда они с Эрном добежали до леса и спрятались за деревьями, любимый выпрямился. Замедлил шаг.

– Сейчас пойдём к холмам, а там выйдем на дорогу.

Пока они добирались до конца деревни, возбуждение понемногу отпускало Алин. Она снова начала чувствовать холодный ночной воздух и завязала платок. Вернулись страхи. Она посматривала в чащу леса. Воображение рисовало то голодного волка, то голодных иллидов. Алин даже не знала, кто из них хуже. Немного успокаивало присутствие любимого рядом и домики родной деревни, которые мелькали между деревьями. Казалось, что в любой момент можно отказаться от побега и вернуться домой.

Они вышли на дорогу, которая вела на юг, к двум городам у самого подножья гор: Элку и Раддену. Подумав об этом городе, Алин скривилась. Противные Радды.

Эрн остановился и повернулся к Алин.

– Первый этап пройден! Поздравляю! Надеюсь, и дальше

всё пойдёт так же гладко.

Алин улыбнулась и крепко обняла его.

– Боги на нашей стороне, – воскликнула она полушёпотом, затем отстранилась и посмотрела на дорогу, убегающую вдаль. Камни блестели в свете небесных линий. – Сейчас идем по ней до поворота на Ужрарк?

Эрн кивнул, а потом замялся.

– Что такое? – нахмурилась Алин.

– Я просто подумал, что если пойдём по дороге, то сделаем большой крюк и потеряем время, а если пойти напрямик, то доберёмся до деревни быстрее.

Алин содрогнулась от одной только мысли, что придётся идти сквозь лес.

– Может, всё-таки сделаем крюк? По дороге идти как-то безопаснее.

– Однохренственно, – хмыкнул Эрн, а затем подошёл к ней так близко, что Алин чувствовала его дыхание. – Любимая, не бойся. Всё будет хорошо. У меня есть топор. Я смогу нас защитить. Просто через лес действительно будет быстрее. А в Ужрарке купим коня, и уже утро встретим в княжестве Сол.

Алин это не нравилось. Ей хотелось плюнуть на всё, развернуться и пойти домой, но разве она может так поступить? Разве она может его кинуть? Ради неё он ввязался в эту авантюру. Да и возвращение домой не сулило ничего хорошего: придётся выходить замуж за нелюбимого Радда. Глаза напол-

нились слезами. Алин чувствовала себя растерянной и виноватой, хотя не понимала, почему. «Любовь и счастье требует жертв. Если ты не готова рискнуть всем ради любви, то значит, ты не любишь», – вспомнила она фразу из книги про Ромуля и Лилиан и задумалась. Готова ли она рискнуть или нет? Любит ли она Эрн по-настоящему или нет? Конечно, любит!

Побег больше не казался весёлым приключением. Алин вздрагивала от любых звуков. Эрн даже рассмеялся: «Это сосны так от ветра скрипят». Она лишь обидчиво цокнула языком, но затем что-то с шумом пролетело над головой. Алин вскрикнула и схватила любимого за локоть. Ей было страшно, холодно, а ещё она очень устала. Хотелось лечь прямо здесь и уснуть.

– Нам ещё долго? – поинтересовалась Алин.

– Прилично.

– Сколько примерно?

– Я не знаю, – пожал плечами Эрн. – Мы прошли всего ничего.

Алин тяжело вздохнула.

– Я устала. Давай отдохнём.

Эрн посмотрел на неё, как на дурочку.

– Какое отдохнём? Нам нужно добраться до Ужрарка как можно быстрее!

– Я больше не могу идти. У меня болят ноги. Давай чуть-чуть отдохнём, – Алин ощущала себя маленьким капризным

ребёнком. Ей хотелось, чтобы кто-то взял её на ручки и рассказал сказку. – Десять минут сильной роли не сыграют. Ну, пожалуйста!

Эрн тяжело вздохнул и остановился.

– Ладно. Пять минут посидим и пойдём дальше.

– Может, разведём костер, а то я подмёрзла?

– Нет! – Эрн напоминал грозовую тучу: плечи расправил, грудь выпятил и строго смотрел на Алин.

Она насупилась и села на поваленное дерево.

– У тебя водичка есть?

Эрн сбросил на землю сумку, отдал Алин её узелок.

– Держи, – любимый протянул ей флягу.

Алин протёрла край горлышка, сделала несколько глотков и снова вытерла горлышко.

– Отдохнула? – поинтересовался Эрн, пряча флягу.

– Ещё не прошло пять минут, – запротестовала Алин.

Она надеялась, что вкусная еда вернёт ей силы, поэтому развязала узелок и достала черничное пирожное.

– Будешь? – протянула одно Эрну.

Он покачал головой.

«М-да, вот она, романтика. Посидели у костра, повспоминали дом», – пронеслось в голове у Алин. Она покрутила в руках пирожное, чувствуя, как в груди набухает колючий ком обиды.

Эрн, который стоял неподалёку расслабленный, вдруг напрягся и стал к чему-то прислушиваться. Его тревога пере-



далась и Алин. Она тоже замерла и вслушивалась. Вроде всё тихо.... Хотя... Она отчетливо услышала шуршание одежды и лёгкие шаги. Иллиды! Пирожное выпало из рук. Любимый подскочил к ней, схватил за запястье и зашептал: «Уходим. Быстро!»

– Но как же вещи? – шёпотом возразила Алин.

– Забудь про них. Сейчас главное, чтобы нас не заметили.

Они медленно отступали от места, где решили устроить привал, и старались не шуметь. Удача была явно не на их стороне. Между деревьев Алин заметила тёмную фигуру мерзлого. Одну. Вторую. Третью.

– Бежим! – воскликнул Эрн, схватил её за руку и потянул за собой.

Алин не успевала. Ноги путались в юбке, цеплялись за корни, дыхания не хватало. Через пять минут такого бега в голове зашумело, перед глазами поплыли разноцветные пятна, а в боку закололо. Она вырвала свою ладонь из захвата любимого и рухнула на землю.

– Ты как? – раздался испуганный голос Эрна.

Дыхание ещё не восстановилось, поэтому Алин подняла руку и помахала пальцем, мол, подожди немного. Она сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. В голове перестало шуметь, а картинка перед глазами прояснилась.

– Мы оторвались? – поинтересовалась Алин, поднимаясь.

Эрн осмотрелся.

– Вроде, да.

– А где мы сейчас находимся? – нахмурилась Алин.

– Наша деревня вооон там, – Эрн махнул рукой куда-то вниз и в сторону. – Тут должен быть недалеко поворот на Ужрарк. Дойдём до него.

– Нет, – воскликнула Алин и сама удивилась, насколько резко это получилось. – Нужно вернуться и забрать мои вещи.

Эрн посмотрел на неё, будто она ляпнула что-то совсем глупое.

– Там одежда, еда, украшения, – протянула Алин.

– Забей на них, – махнул рукой любимый. – Мы не вернемся. Хочешь, чтобы нас иллиды сцапали?

– Но там мамино кольцо.... – захныкала Алин. – Оно мне дорого как память! Мы должны его забрать!

Эрн тяжело выдохнул и запрокинул голову, мол, за что мне всё это.

– Ладно. Давай вернёмся. Только сделаем крюк и зайдём с другой стороны. Надеюсь, мёрзлые разбрелись, и мы с ними больше не встретимся!

Но им сегодня не везло. Они снова наткнулись на монстров. Иллиды стояли между деревьев, словно статуи. Свет от небесных линий ещё сильнее подчёркивал неестественную синеву кожи и остроту лиц. Слава Богам, мёрзлых было немного, всего трое: старик, молодая девушка и мужчина лет двадцати пяти. Почуввав человеческое тепло, они резко открыли глаза. Выглядело это жутко. Алин вздрогнула и

схватила любимого за локоть.

Эрн напрягся, сжал в руках топор и стал пятиться. Иллиды приближались.

– Прорвёмся! – прошептал любимый и с криком бросился на мёрзлых.

Девушка отскочила в сторону, и лезвие топора вошло в плечо деда. Затрещала кожа, хрустнула кость. Дед вытянул руки и попытался схватить нападающего. Эрн отпустил топор и увернулся. К нему бросился мужчина.

– Осторожно! – крикнула Алин.

Девушка-иллидка повернулась на её голос, Алин тут же юркнула за дерево.

Эрн достал охотничий нож и всадил его прямо в сердце монстру. Провернул. Иллид хрипнул и осел.

– Один готов! – радостно крикнул любимый и подскочил к деду, полоснул его по шее.

Алин услышала шаги. Обернулась. Иллиды, от которых удалось оторваться, нашли их. Они нюхали воздух, словно стая голодных волков.

– Эрн, сзади! – крикнула Алин.

Любимый обернулся, увидел монстров и выругался. Это чуть не стоило ему жизни. Девушка-иллидка бросилась на него. Эрн успел увернуться и всадил нож ей сзади в череп. Мёрзлая закричала, схватилась за затылок. Тело задёргалось в странных резких движениях.

– Бежим, Эрн! Бежим обратно в деревню!

– Сейчас, – крикнул Эрн. – Добью старика!

Он подскочил к деду и резкими движениями нанёс ему несколько ударов в сердце. Иллид упал. Эрн схватился за ручку топора, дёрнул. Лезвие прочно вошло в кость и не поддавалось. Пришлось наступить на грудь старику и потянуть ещё раз. Это было промедление, и его хватило, чтобы другие мёрзлые подошли достаточно близко. Не оставалось ничего другого, кроме как принимать бой. Пальцы любимого крепче сжали рукоятку.

Несколько монстров пошли в сторону Алин. Она перебежала от дерева к дереву, подальше от сражения. Она уже плохо видела любимого. Сердце тревожно заныло. Как он там? Справится ли? Хотелось верить в лучшее, но в глубине души она понимала, что нет. Он не выстоит один против такого количества мёрзлых. Ему нужна подмога!

– Я приведу помощь! – крикнула Алин и бросилась бежать в ту сторону, где должна быть деревня.

Держись, родненький, пожалуйста, держись! Боги, великие и всемогущие, пожалуйста, защитите Эрна.

Алин бежала, не жалея сил, не обращая внимания ни на пульсирующую боль в боку, ни на пятна перед глазами. Она не заметила, как несколько мёрзлых бросились следом.

Алин выбежала на тракт. Серый камень под ногами придал сил. Боль улеглась, картинка перед глазами стала чётче, а внутри как будто открылось второе дыхание. Алин ускорила. Вот и холмы, внизу которых лежал Лаерд. Она уже ви-

дела струйки дыма, выющиеся над трубами, видела покатые крыши.

Ещё чуть-чуть. Ещё чуть-чуть! Нет, лучше сейчас. Она перебудит всю деревню, но приведёт помощь, чего бы ей этого не стоило! Алин открыла рот, но другой крик опередил её собственный. Она узнала голос. Эрн! Она поняла, что произошло. Её крик будто превратился в камень и застрял в горле. Алин сделала шаг. Мир потух.

## Глава 16: Огонь

Магия Вивьен что-то разрушила в Аргоне. Если раньше завеса в сознании была плотной, то сейчас там зияла дыра, из которой, подобно крысам, вылезали пугающие воспоминания. Словно нечисть, они боялись света дня, а вот ночью, особенно во сне, от них некуда было деться.

Аргон видел до боли знакомые лица, но не мог их узнать. Они переговаривались, наполняя голову шумом. От этого он просыпался и долго вслушивался в окружающий мир, будто хотел уловить те голоса из сна. Иногда они чудились в треске огня в печи или стуке капель по крыше. Но чем дальше уходил сон, тем тише становились голоса, пока не пропадали вовсе.

Берег сна, от которого он бежал, пугал, и возвращаться туда не хотелось. Аргон вставал и до утра ходил по комнате, гоня пустые мысли. Весь следующий день он чувствовал себя вымотанным и разобраным. Никак не мог сосредоточиться, и всё валилось из рук. Хельга тогда возмущённо цо-

кала языком и просила не мешаться.

Но были и другие сны, полные музыки и огня, который скатывался по плечам, дрожал на кончиках пальцев, послушно выписывал то круги, то восьмерки, словно собачка. Его танец завораживал, наделял силами и тоской.

Всем этим хотелось поделиться с Мириам, но отношения между ними совсем разладились: она отстранилась, не интересовалась его самочувствием, перестала вести задушевные беседы. Лишь при маме натягивала фальшивую улыбку и делала вид, что всё в порядке.

Аргон догадывался, что в доме Вивьен произошло нечто нехорошее, страшное, но совершенно не представлял, «что». А ему так не хватало заботы Мириам. Её внимания.

Заинтересованности. Без них Аргон ощущал себя совершенно потерянным в чужом и непонятном мире. Он надеялся, что Мириам справится со своими чувствами, что всё вернётся на круги своя, но наступал новый день, а холод в их отношениях становился только крепче. В итоге Аргон не выдержал. Он должен с ней помириться!

Целый день Мириам бегала от него. Стоило лишь заикнуться о Вивьен, как тут же находилась тысяча дел: то воду надо принести, то дрова в сарае сложить, то за хворостом сходить. А затем она закрылась у себя в комнате. Тянулся час, другой, но Мириам не выходила. Значит, настало время решительных действий! Аргон постучал.

– Входите!

Мириам сидела возле окна на стуле перед расписной прялкой, с намотанным на неё куском овечьей шерсти. В одной руке Мириам держала моток, а между пальцами другой – вилась тонкая нить. Аргон присел на краешек кровати.

– Давай поговорим.

– Потом. Я занята.

– Нет, давай сейчас! Я хочу понять, что происходит между нами.

– Что Вы имеете в виду? – Мириам даже головы в его сторону не повернула, а продолжила следить за тем, как вьётся нить.

Аргон ощущал себя мухой, недостойной внимания.

– Ты знаешь! – он старался держать себя в руках и не заводиться. – Мы прекрасно ладили, общались, а сейчас ты ведёшь себя так, будто я чужой человек.

– Да всё хорошо, – пожала плечами Мириам. – Просто дел много. Раньше мама занималась большей частью работы, а сейчас всё лежит на мне. Отдохнуть даже некогда!

– Брось ты это! Я же не слепой и не тупой. Я вижу, что ты стала ко мне холодно относиться после Вивьен. Что там произошло?

– Ничего, – Мириам наклонила голову, тонкая нить скользила между пальцев. – Всё хорошо. Действительно просто дел много. Надо вот шерсть разобрать, теплые носки сшить, ведь скоро зима!

Аргон почувствовал себя маленьким, глупым ребенком,

которому мама объясняла элементарные вещи. Он посмотрел на Мириам долгим взглядом и решил сделать ход конем.

– Кстати, знаешь, Вивьен мне вроде помогла. Я вспомнил, кто такая Юля и что такое фаир.

Он надеялся, что Мириам клюнет, хотя боялся и мысленно прокручивал ответы на её возможные вопросы, но она лишь широко натянуто улыбнулась:

– Славно. Я рада за вас!

И все? Никаких расспросов? Аргон закрыл лицо руками и медленно выдохнул.

– Ладно. Не буду тебе надоедать и отвлекать от важных дел! – Он поднялся. – Если захочешь поговорить, буду рад.

Он взялся за ручку двери, но остановился, опустил голову и прошептал:

– Мне очень тебя не хватает, – и быстро вышел, чувствуя, как колотится сердце и потеют ладони.

Он ждал изменений после разговора: если Мириам не от-  
тает, то хотя бы её любопытство пересилит равнодушие, но всё оставалось по-старому.

Сновидения понемногу успокаивались: вместо тревожных голосов, всё чаще снился танец огня. Он будил в душе тянущее чувство ностальгии и желание свободы. Впервые за всё то время Аргон ощутил себя скованным, будто его запихнули в тесную банку. Этой банкой была комнатуха и дом, из которого ему запрещали выходить. А так хотелось распрямиться, раскинуть руки – и танцевать-танцевать-тан-



цевать, чтобы вокруг не было стен. Хотелось до дрожи. До боли в груди. Так сильно, что невозможно сдерживаться.

Аргон поддался внутреннему порыву: крутанулся на одной ноге, вытянул руку и повернул её в запястье, представляя, как огонь скатывается по предплечью прямо в ладонь. Тело словно ожило и наполнилось силами, а душа – волшебным чувством, будто все её разобранные частички соединились. В танце Аргон наконец-то ощутил себя собой.

К сожалению, комната была очень маленькой: всякий раз он то задевал ногой лавку, то ударялся рукой о стену. Нужно больше пространства! Аргон выглянул в окно и залюбовался пустырём. Трава серебрилась в свете небесных линий, а высокий кустарник вдали напоминал гигантского спящего дикобраза. Там можно было танцевать и не бояться во что-то врезаться или удариться. Правда, было «но»: запрет Хельги прочно застрял внутри. От одной мысли, что его могут увидеть люди и донести в Око, спина покрывалась липким потом. Аргон замер, разрываемый противоречиями, и вдруг разозлился. Как же надоело прятаться! Как же надоели запреты, страхи и ограничения! А если люди увидят? Да пофиг! Тем более сейчас ночь, большинство уже спит, а другие, даже если и увидят, спишут всё на видения, чертей или во что они там верят!

Аргон открыл окно. Морозный ночной воздух ворвался в комнату. Может, надеть тулуп и сапоги? Но не хотелось выходить в избу, вдруг Мириам его застукает. Оправдывайся

потом! Да и в тулупе неудобно танцевать. Им овладело какое-то детское чувство, когда сам себе кажешься сильным и неуязвимым.

Аргон вылез на улицу и отбежал от дома на несколько метров, а затем поднял голову к небу, раскинул руки и закрылся. Вот она, свобода!

Жар прокатился от кончиков пальцев ног до самой макушки. Это не пугало, наоборот, вдохновляло: расслабились напряженные мышцы, а тело налилось неведомыми силами, став гибким и тёплым. Холод, который покусывал кожу, исчез.

Танец рождался изнутри. Звуки флейты и фортепиано наполнили сознание. Музыка казалась ему такой знакомой. Такой родной. Может, он слышал её в той жизни? Аргон закрыл глаза и вдруг будто на экране увидел самого себя, с подведенными черным карандашом глазами, одетого в тёмные кожаные штаны с шипами и такой же жилет. В руках этот Аргон держал палку, подождённую с двух концов.

– Стафф, она называется стафф! – прошептал он, как будто вспомнил слово, которое давно крутилось на языке.

В видении Аргон ловко управлял стаффом, вращал его перед собой, выписывая огнём различные фигуры и пируэты. Этот Аргон был собран и спокоен. Он танцевал, закрыв глаза, пропуская через себя музыку. Парень в фантазии не чувствовал себя мухой в банке, не боялся быть схваченным Око. Он был свободен. Аргон позавидовал второму себе. За-

хотелось стать таким же, сбросить запреты, страхи, неуверенность.

Вдруг музыка смолкла, а вместо неё появилось странное чувство, которое куда-то звало, подобно навигатору. Аргон остановился и открыл глаза. Стрелка вела через всю деревню. Хотелось бежать, что-то внутри принуждало его торопиться, но Аргон медлил, не решался. Ладно, в ночной темноте на пустыре его можно не заметить или спутать с чем-то, но пройти через всю деревню... Снова вылезли страхи про Око. А ещё представился недовольный взгляд Мириам. Эта выходка окончательно разрушит их отношения!

Но игнорировать внутреннее побуждение было невозможно, поэтому Аргон решил идти не напрямик, а сделать крюк. Он добежал до конца деревни, благо оказалось недалеко. Отошёл подальше от домов и пересёк дорогу. Затем двинулся по кромке леса, прячась за деревьями и кустарниками.

Сосны протяжно скрипели, будто жалуясь друг другу на жизнь. Небесные линии напоминали гигантскую паутину. Аргону не понравилось такое сравнение, поэтому он откинул тревожные мысли и сосредоточился на зове. Он вёл вдоль крестьянских домиков, вдоль забора, за которым тянулись конюшни, к холмам. Аргон узнал их: он проезжал здесь, когда впервые попал в деревню. Правда, тогда он смотрел на мир сквозь еловые лапки.

Чувство, которое толкало изнутри, приказывало бежать быстрее и быстрее, исчезло, будто кто-то нажал на кнопку и

выключил надоедливую передачу. Стало так тихо, что Аргон растерялся. Зачем он сюда пришёл? Что нужно делать? Он остановился и осмотрелся. Жёлтая и острая, как иглы, трава в голубоватом свете небесных линий казалась призрачной. Холмы, будто волны, бежали друг за другом, чернея и размываясь. Дорога из серого камня упорно взбиралась с волны на волну и вонзалась в лес, разрезая его на две половины.

Аргон уловил какое-то движение. Прищурился, чтобы разглядеть получше. Это была девушка. Она медленно шла по дороге в сторону деревьев. За ней двигались тени. Они то замирали, то бежали недолго, чтобы снова замереть и к чему-то прислушаться или принюхаться. Иллиды! Холодный пот прокатился вдоль позвоночника Аргона.

Девушка же не обращала на них внимания. Она шла спокойно и безмятежно, словно вышла прогуляться по саду в яркий солнечный день. На миг показалось, будто это не живой человек, а обман зрения. Приведение. Уж больно нереальным всё казалось.

Но иллиды были реальны. Всё новые и новые мерзлые выходили из леса. Ветер сменил направление, ударил в спину и понёсся по холмам. Один из монстров опять резко замер, а затем повернул голову в сторону Аргона. Вот чёрт! Не хватало, чтобы эти твари учуяли его. Аргон упал на землю. Сердце бешено стучало, а в голове шумели мысли. Нафига он сюда попёрся? Что делать? Не сводя глаз с мёрзлых и стараясь не высовываться из-за холма, он медленно отползал. Нужно

убираться, пока жив, но он не мог оставить девушку наедине с этим монстрами.

Аргон протёр глаза, в надежде, что она призрак и вот-вот исчезнет, но незнакомка не думала растворяться, а продолжала свою медитативную прогулку. Да твою ж мать, неужели она не видит иллидов? Неужели ей всё равно, что её сейчас сожрут?! Может, она сумасшедшая какая? Или лунатик?

Неважно, кем была девушка, но её нужно спасти. Но как?! Не бросаться же на монстров с голыми руками? Аргон осмотрелся. Ни камня, ни палки. Блять!

На внутреннем порыве, который граничил между отчаянием и самоубийством, Аргон поднялся во весь рост, стал размахивать руками и кричать, в надежде привлечь внимание незнакомки.

– Эй, ты! Проснись!

Но привлёк он лишь внимание иллидов. Несколько монстров бросилось в его сторону. Дерьмо! Сердце бешено колотилось. Глаза перебегали с одной твари на другую, стараясь не упустить их из вида. Мозг лихорадочно искал пути к отступлению. Вряд ли Мириам появится во второй раз и спасёт его. Господи, боги, или кто тут главный, помогите!

Вдруг паника резко исчезла, будто кто-то сдёрнул её, как покрывало. Внутри разлилось холодное спокойствие и уверенность. Вернулось ощущение жара, только в этот раз ярче, сильнее, горячее, словно по нервам и венам бежал огонь. Слово он сам стал огнём. Аргон чувствовал, как энергия

стихии текла под кожей. Шрамы горели и пульсировали. Ладони покраснели, подобно железу в печи. Но страшно не было, наоборот, Аргонем овладело спокойствие и уверенность. Он поднял руку и направил её на иллида. Из ладоней вырвался столб огня и ударил монстру в голову, превратив её в факел. Иллид закружился вокруг себя, словно собачка, а затем упал на землю. Его тело, пожираемое огнём, извивалось в предсмертных судорогах.

Аргон перевел руку на другого иллида. Тот вспыхнул, подобно сухой сосновой иголке. Монстр сделал по инерции несколько шагов, а потом его колени хрустнули и сломались, как прогоревшие балки. Тело покатилося вниз по холму.

Не обращая внимания на окружающее её безумие, девушка продолжала идти.

Из кончиков пальцев заструился огонь, закручиваясь и собираясь в шар. Аргон бросил его в сторону группки монстров. Промаяхнул. Шар врезался в дерево, опалив кору.

На, лови ещё один, тварь! Этот шар угодил иллиду в живот. Загорелась ткань рубахи. Монстр стал рвать на себе одежду, словно хотел сбить пламя, но оно перекинулось на пальцы, пожирало кожу, будто бумагу. Иллид махал руками, метался, не зная, где искать спасения. Затем врезался в другого мёрзлого, обнял его. Так они оба и сгорели. Ещё один монстр, видимо учуяв запах горелых собратьев, попятился, отступая к лесу. Аргон швырнул в него огненный шар. Тот не долетел. Ударил в землю возле ног иллида. Загорелась су-

хая трава. Блять! Но это напугало монстра. Он развернулся и бросился бежать.

Аргон внимательно осмотрел кромку леса, ожидая, что оттуда появятся новые твари, но всё было тихо. Огонь, что занялся на траве, к счастью, потух. На жёлтой голове холма теперь чернела большая лысина. Аргон бросился к девушке.

– Вы как? Не испугались? Не ранены?

Незнакомка остановилась, но не обернулась, не посмотрела на него. В этом было что-то пугающее. Аргон схватил её за плечо и заглянул в глаза.

– С вами все хо...

Пустой, отсутствующий взгляд. Да что с ней такое? Как ей помочь? Аргон щёлкал пальцами перед её глазами, хлопал по щекам, но и это не помогло. Его охватило отчаяние: он не знал, что можно ещё сделать.

Подобно часовому механизму, у которого убрали преграду, девушка дёрнулась и медленно пошла. От неожиданности Аргон вздрогнул. Твою ж мать! Он догнал незнакомку. Надеялся, что она пришла в себя, но нет. Её лицо всё ещё напоминало маску. Она точно лунатик. Стоит ли её будить? Вдруг, когда она проснётся, закричит ещё... объясняй потом, что произошло, кто он такой. Потом объясняй Мириам, как и почему он здесь оказался. Пусть идёт. Возможно, она ничего не вспомнит или будет считать, что ей всё это приснилось.

Аргон остался, поглядывая на лес. Вдруг появятся ещё

мерзлые. Когда девушка скрылась за крестьянскими домиками, он почувствовал облегчение: теперь она в безопасности!

Домой Аргон добрался по тому же пути, что пришёл сюда. Правда, сейчас он не чувствовал себя таким уверенным. Наоборот, его гнал страх. Аргон то бежал со всех ног, то замирал, услышав, как хрустнула ветка. Чудилось, будто иллиды притаились за деревьями. Вот наконец-то и знакомый дом. Он больше не казался клеткой, из которой нужно выбраться, наоборот, теперь он казался родным местом, в которое хотелось побыстрее вернуться.

Аргон решил сократить путь, а не делать крюк по лесу, обходя всю деревню. Прячась в кустарнике, он добрался до крестьянских домов. Затем остановился и внимательно осмотрел их. В одном были закрыты ставни, в окне другого он заметил отблеск лучины. Аргон добежал до дома, в котором горел свет, и на корточках прополз под окном. Выглянул из-за угла. На улице никого. Отлично. Осталось совсем чуть-чуть! Сердце колотилось как бешеное, когда он пробирался под окном Мириам.

Вот и все. Аргон забрался в свою комнату и упал на лавку. От пережитого волнения грудь ходила ходуном. Не попался. Слава богу, пронесло! Глубокий вдох и долгий выдох. Сердцебиение замедлилось, и кровь перестала стучать в висках.

Аргон подошёл к окну и посмотрел на пустырь, пытаясь восстановить события этой ночи. Иллиды, девушка – всё ка-



залось таким нереальным, словно это приснилось. Особенно не верилось в то, что он управлял огнем.

Аргон поднял руку и внимательно посмотрел на неё. Рука как рука. На ладони никаких ожогов. Тонкие белые шрамы на коже сплетались в удивительные узоры. Аргон дотронулся до них и не почувствовал ничего необычного. Интересно, а чего он ожидал? Вспышек? Фейерверков перед глазами?

– Я управлял огнем, – произнес он.

От этой фразы веяло бредом. Разве он мог управлять стихией? Наверное, ему это привиделось. Внутри всё запротестовало, но Аргон засунул этот голос поглубже и стал ему растолковывать, будто сумасшедшему.

Люди не могут управлять ни огнем, ни ветром, ни водой. Это бред. Безумие! А он же нормальный. Просто он не знал, как справиться с иллидами, и мозг создал эту нелепую фантазию, словно он такой могущественный, что может пускать файерболы!

Но как он тогда справился с монстрами? Аргон закрыл глаза и задумался. Вместо истинных воспоминаний, снова приходили фантазии про огонь. Может, сами разбежались? Может, их испугал кто или... Аргон почувствовал, что его охватывает волнение. Или он с ним справился. Сам! Не огнём, конечно, а голыми руками, либо... Точно! Он забросал их камнями. Одному мёрзлому даже в голову попал. Да, это больше похоже на правду! А мечты и фантазии вывернули так, словно он Гефест какой-то.

Аргон лёг на лаву и закрыл глаза. Внутренний ткач, боясь провалится в безумие, продолжал латать дыры, соединяя разорванные части, плетя заплатки и зашивая нелепицы.

Просто он так долго жил в тесноте, в страхе, с чувствами, что он маленький и беспомощный, которые стали невыносимы. В порыве справиться с ними, бессознательное наделило его суперспособностью, будто он умеет управлять огнем. "Компенсация" – всплыло в сознании слово и внутренний ткач ухватился за него. Да, он компенсировал своё бессилие! Якобы он не слабый и беспомощный, а ого-го какой!

Мысли размывались, превращаясь в шум. Ткач зашил последнюю трещину и довольный уставился на свою работу. Теперь всё ровненько, гладенько, а главное – логично!

С этой мыслью Аргон и уснул. Впервые за последнее время ему ничего не снилось.

## Глава 17: Колдуны

Каждое утро Оратора начиналось одинаково. Он вставал задолго до того, как разгорится Сангар. Выпивал кружку чая, а затем проводил несколько часов в молитве и благословении Всевидящего. Когда молитва подходила к концу, время близилось к полудню. В двери стучалась послушница Берта и помогала приготовить завтрак, а затем они вместе шли в Дом.

Сегодня Оратор тоже заварил чай и стал наблюдать через окно за тем, как клубятся тучи над лесом. Чёрные тучи на

фоне тёмного неба выглядели устрашающе. «Наверное, будет буря», – подумал Оратор, делая последний глоток. Затем он опустился на колени и выпятил грудь, открывая сердце Всевидящему. Запрокинул голову, чтобы божественный взгляд проникал в глаза, и вытянул руки к небу. Началась многочасовая молитва. Мышцы спины ныли, поясницу тянуло, но Оратор не обращал на это внимания. Через страдания он постигал Бога и преисполнялся его взглядом. Жаль, что Всевидящий общается только с Пророком. Как бы хотелось услышать его голос! Оратор ощутил трепет от мысли, что и ему будут приходиться откровения, но тут же испугался и затряс головой. Это грязные богохульные мысли! Вон! Вон! Вон!

«Смиранный духом, и сердцем, и разумом. Я всего лишь рупор Бога, его рот и язык, через который он доносит свою волю, – шептал Оратор, осеняя себя священным знаком. – Я свят, потому что меня коснулся Пророк. Он наделил меня правом говорить от имени Бога. Без его святости я такой же грешный человек, как и все живущие. Знаю, Всевидящий, что тебе доступны все мои мысли и желания, и я каюсь за то, что решил поставить себя рядом с Пророком и попросил услышать глас твой внутри себя. Земная плоть и разум полны греха и соблазна. Я прошу искоренить во мне гордыню и даровать мне смирение духа и сердца. И под силой духа смиритса и разум».

В дверь постучали, когда Оратор отбивал поклоны. Кого

же там принесло в такую рань? Вряд ли Берта пришла раньше. Может, это злые силы испытывают его дух, пытаются сорвать молебен. Оратор решил не обращать внимания и продолжил молиться.

В дверь уже забарабанили, потом раздался стук в окно.

– Вы спите? Просыпайтесь! Беда пришла! – голосила женщина.

– Прошу, Всевидящий, не обрушь на меня свой гнев за прерванное покаяние. Я бы сам никогда бы так не поступил, но сейчас вынужден, – виновато прошептал Оратор, разглядывая балки под потолком, словно ожидал там увидеть лик Бога, затем снова осенил себя символом Ока и поднялся.

На пороге стояла женщина. Её дыхание сбилось, будто она долго бежала. Хотя, может, так и есть. Волосы, выглядывающие из-под платка, были мокрые от пота, а во взгляде читался испуг.

– Там... там такое произошло! – воскликнула женщина, оглядываясь. – Ужас ужасный! Вы должны нам помочь! Пойдёмте со мной!

Беспокойство передалось и Оратору: он почувствовал тугой комок где-то в груди, дрожь в мышцах ног, но решил, что сейчас не время обращать на себя внимание. Сейчас важны чувства этой несчастной. Что же так её напугало? Что за ужас ужасный?

Оратор накинул тулуп, влез в ботинки и поспешил за женщиной.

На улицах царило оживление. Одни бежали на холмы за Лаердом, другие собирались в кучки и перешептывались.

«Вы слышали?» «Ужас какой!» «Как же нам теперь жить?» – долетало до ушей Оратора и ещё сильнее усиливало его тревогу. Он приказал себе успокоиться. На фоне общей паники он должен выглядеть сильным и уверенным в себе. Люди должны найти в нём опору. Оратор замедлил шаг и стал читать про себя молитву, призывая Всевидящего наполнить его сердце храбростью.

На холмах собрались чуть ли не все жители деревни. В воздухе витал страх и напряжение. Люди стояли в каком-то оцепенении и как будто ждали, что придёт кто-то сильный и мудрый и всё разрешит.

– Спокойно! Без паники! – крикнул Оратор и с удовольствием заметил, как многие повернулись в его сторону, и страх в глазах сменился облегчением. – Что у вас тут случилось? Дайте пройти!

Картина повергла его в ужас. Мышцы напряглись так сильно, что он с трудом дышал. Оратор повторял про себя, что должен оставаться сильным и смелым. По крайней мере, нужно делать вид. Он не должен позволить страху овладеть им!

У подножья холма возле дороги лежал сожжённый труп. Его можно было принять за человеческий, если бы не длинные загнутые уши. Оратор вспомнил, что несколько лет назад устраивали показательную казнь мёрзлого в столице. Со-

брали холм из дров и хвороста, на который усадили монстра, и подожгли его. К ужасу всех, огонь не причинил иллиду никакого вреда. «Кем нужно быть и какой силой обладать, чтобы спалить того, кто не горит?» – подумал Оратор и почувствовал, как в горле собирается тугой комок страха. «Нельзя его показывать. Я должен быть светом во тьме страха. Я та скала, на которую могут опереться другие. Я тот пастух, что ведёт за собой испуганное стадо», – повторял про себя Оратор.

Он отвернулся от жителей Лаерда и поднялся на холм, где стояли в обнимку ещё двое мёрзлых. Внутри что-то дрогнуло. Оратор даже почувствовал жалость к иллидам, но тут же одёрнул себя. «Они не люди, а монстры! Они не достойны сочувствия!». Чтобы отгородиться от чувств и собраться с мыслями, Оратор внимательно осматривал всё вокруг, будто знал, что искать. Он присел на корточки рядом с длинной полосой выжженной травы. Провёл пальцами по земле. Подняв голову, заметил огненный след на коре одного дерева. Оратор подошёл к нему и прикоснулся, подавляя страх, а затем удивился. Это точно не след от молнии или от разведенного костра.

Разрозненные пазлы мозаики наконец-то начали собираться в картинку. Оратор ещё раз внимательно осмотрел трупы, траву и землю вокруг, ища следы и какие-нибудь необычные вещи. На чёрной земле он был почти незаметен и, если бы край не запутался о жёлтую травинку, точно

ускользнул бы из вида. Оратор аккуратно поднял длинный чёрный волос. Приблизил к глазам. Нахмурился. Достал из кармана белый носовой платок и завернул в него находку.

– Пока мы спали, пришла беда! – сказал Оратор зычным голосом и внимательно осмотрел жителей Лаерда. – Колдуны прошли по нашим землям!

Кто-то ахнул после этих слов, кто-то схватился за сердце, некоторые молились и осеняли себя знаком Око. Оратор испытал удовольствие. Благодаря этой ситуации многие прижмут к вере. Их нужно только немного подтолкнуть. Напугать.

– Я чую магию. Злую магию! Она распространяется в воздухе и земле. Она испытывает нашу душу и наши сердца. Сегодня, как никогда, мы должны быть сильными и смелыми! Мы должны противостоять злу не только во внешнем мире, но и внутри себя! Мы должны обратиться к Богу и просить его о защите! Иначе магия разрушит наши души так же, как она разрушила и продолжает разрушать наш мир!

Оратор нарисовал в воздухе круг, а затем выставил вперёд кулак, приговаривая:

– Чистый сердцем и духом прозреет. Хвала Всевидящему!

– Хвала! – ответили ему хором многие, осеняя себя священным знаком.

– Приходите сегодня в Дом после обеда. Будем молиться, чтобы Всевидящий изгнал магическую заразу из воздуха, что мы дышим, и из земли, по которой ходим!

\*\*\*

В Доме было как никогдалюдно. Оратор наблюдал через маленькое окошечко за прихожанами, что толпились внизу, и улыбался: сегодня много новых лиц. Берта, его помощница, зажгла свечи и благовония. Воздух пропитался ароматами розмарина и лимона. Считалось, что эти запахи успокаивают страхи и наполняют энергией, а в сочетании с хорошей проповедью должны привести толпу в возбуждение.

Оратор перекинул через шею красную ленту с изображением глаз. Надел обод. Осенил себя священным знаком и вышел на пьедестал. Люди замолчали и подняли головы.

– Эту проповедь я с великим огорчением на сердце должен начать с плохой новости. С той новости, что нечистые магические силы разыгрались возле нашей славной деревни. Разыгрались, чтобы захватить наши с вами души и сердца, чтобы завладеть нашим разумом и посеять в нём черноту и безумие! И мы должны сегодня противостоять злу, которое хочет отравить нас и нашу землю! Магия, злая магия сковала наш мир. Уничтожила тепло и весну, но явился новый Бог, Всевидящий Бог и пообещал нам вернуть украденное, если мы дадим бой магии и станем чистыми, если мы откроем свои сердца и впустим в себя силу святую. Но враг силён и хитёр! Каждый день он испытывает нас и нашу веру. А сегодня он прошёл по нашим землям, отравил их своей магией....

Проповедь длилась часа полтора, и Оратор был ей очень



доволен. Он сегодня словил искру, как он называл, от которой речь лилась буквально сама. После люди выгнулись в молитве. Воздух Дома наполнился гулом голосов, просящих у Всевидящего защиты.

– Чистый сердцем и духом прозреет. Хвала Всевидящему! – закончил Оратор.

Он чувствовал себя вымотанным, будто весь день рубил дрова. Хотелось прилечь, отдохнуть, но он запретил себе расслабляться.

– Хвала! Хвала! Хвала! – отозвалась толпа, поднимаясь с колен.

– Люди, – обратился Оратор, вытянув руки. – Не только молитвами мы можем защитить себя, но и делами.

Множество изумлённых глаз посмотрело на него.

– Мы должны узнать про то зло, которое произошло возле нашей деревни.

Оратор схватился за перила и перевесился через них. Он понимал, что не должен так поступать, но чувствовал, что так будет правильнее.

– Мы должны сформировать отряд из крепких мужчин, которые не ушли на ярмарку, и женщин и прочесать окрестности вокруг. Может, найдётся что-то, принадлежащее колдунам? Я уверен, они должны оставить какие-то амулеты или идолы, чтобы сломить наш дух! Согласны?

Люди поддерживающе зашумели.

– Кто готов стать добровольцем?

Взметнулось рук пятнадцать.

– Отлично! Тогда собираемся на холмах через час. Возьмите с собой какое-нибудь оружие для защиты, а я на всякий случай помолюсь, чтобы оно нам не понадобилось.

После службы, когда Оратор успел переодеться в обычную одежду, в келлию постучались. На пороге стоял мальчишка лет семи.

– Вас вызывают на Совет. Срочно! Не терпит никаких отлагательств! – выкрикнул мальчик, прикрыв глаза.

Видимо, этой фразе научили его Старейшины.

– Буду, – бросил Оратор и отпустил ребенка.

К Совету нужно тщательно подготовиться. Он не должен явиться к ним обычным человеком, которым можно командовать. Он должен показать, что тоже наделён властью. Оратор надел служебное платье, в котором проводил проповедь. Поразмыслил немного и повесил ленту со священными символами в шкаф. Нацепил на пальцы персти с Око и железный обод на голову.

\*\*\*

Старейшины собрались в зале Советов за длинным столом. Огонь, который горел за их спинами вдоль стены, окрашивал помещение в оранжевый свет.

Из пяти человек только трое выглядели вменяемыми, остальным давно было пора залезть на тёплую печь, греть кости и рассказывать внукам или правнукам о прошедшей

молодости. Один трясся, словно болел лихорадкой, а другой вообще спал. Тонкая струйка слюны свисала с уголка рта. Пустовало лишь одно кресло с высокой спинкой, обитое мягкой изумрудно тканью. Можно было догадаться, что это место войта. Для Оратора же подготовили самый обычный стул: сиденье из дубового спила, а вместо спинки – одна перекладина в самом верху.

«И эти люди принимают решения?» – с отвращением подумал Оратор.

– Вы опоздали! – грозно сказал один из стариков, поднимаясь.

Его длинную рубаху украшала вышивка, а поверх на плечи был накинут кожух такого ослепительного белого цвета, что закралось ощущение, будто его надевали очень редко и только на важные встречи. Из-под серой шапки торчали непослушные седые завитки. Борода у старика кучерявилась и напоминала свёрнутые полоски ткани.

– Прошу прощения, был занят важными делами, – бросил Оратор и оглядел старейшин... – Итак, зачем мы здесь собрались?

– Попрошу вас! – воскликнул старик. – Вы не имеете права начинать собрание!

Оратор сел на стул и развёл руками:

– Что ж, начинайте.

Старейшина бросил на него злобный взгляд. Прокашлялся и не по-старчески громким и твёрдым голосом произнёс:

– Уважаемые старейшины, начнём наше заседание. Сегодня мы здесь собрались для того, чтобы выразить своё возмущение действиями Оратора. Он, не будучи главой деревни и не состоя в Совете, позволил взять на себя управление делами. Это серьёзное преступление, которое не должно остаться незамеченным.

Старик внимательно посмотрел на Оратора. Тот молчал.

– Отвечайте! – Повысил голос старик.

– А где вопрос?

– Мы выражаем вам своё негодование и ждём от вас объяснений!

– А что мне объяснять? Люди напуганы тем, что произошло сегодня ночью...

– Вы обязаны встать! – перебил его старейшина.

Оратор начинал его тихо ненавидеть, но поднялся.

– Люди были напуганы тем, что произошло ночью на холмах. Они прибежали ко мне за помощью. Они ждали утешения, и я сделал всё, чтобы им помочь.

– Вы...вы поступили пра... вильно, что облегчили стра... дания людей, – прерывающимся, скрипучим голосом произнёс другой старейшина, сухой, как курага, но зато с пышными усами. Он так крепко вцепился в ручки стула, будто боялся, что тот оживёт, выкинет его из седла, словно непослушный конь. – Но... п...почему Вы решили, что имеете права у... управлять людьми и решать, что... делать. Это обязанность войта!

– Так Ивора нет, – Оратор указал на пустое кресло. – Нужно было подождать, пока он вернётся с ярмарки?

– Если войт отсутствует, то его обязанности берёт на себя Совет, – ответил ещё один из старейшин. Он выглядел моложе кучерявобородого. Высокий. Широкоплечий, с крепкими мышцами, будто у молодого мальчишки. При этом лысая голова, густые, нависающие брови и морщины на лбы придавали ему вид мудрого человека, который найдёт совет на любой случай жизни. – Вы должны были доложить нам о том, что произошло. Мы бы собрали Совет, на котором бы решили, как стоит поступать...

– А Вы проявили самостоятельность! – воскликнул старик с кучерявой бородой, вскакивая со стула. – Это неуважение к Старейшинам!

Как же он бесил! Да и весь этот театр абсурда тоже надоел. Хотелось встать и уйти: у него есть более важные занятия. Но Оратор сдержал порыв и ответил спокойным голосом. Сколько же выдержки потребовало это действие.

– Ситуация сложилась необычная и требовала быстрых решений. Если бы у меня было время на подумать или если бы люди не были переполнены страхом.... Нет. Я бы даже сказал, ужасом, от того, что колдуны устроили побоище возле нашей деревни! – Оратор специально проговорил последнее предложение громким голосом и замолчал ненадолго, чтобы дать старейшинам прочувствовать эту фразу, а потом продолжил, но уже тише: – Я бы, несомненно, обратился бы

сперва к вам. А так я действовал, как того требовала ситуация. Но прошу обратить Ваше внимание, что люди были напуганы. Они сходили с ума от мысли, что магия осквернила нашу землю, что могла проникнуть в дома, сердца и души, – каждое слово Оратор говорил всё громче и вкладывал в него больше чувств, как на проповеди. Он придерживался одного правила: «Если сам не проникнешься своими словами, то и другие тоже». – И я дал им утешение. Дал им чувство опоры и землю под ногами. Да, я, возможно, перегнул палку, но, – Оратор мысленно чертыхнулся. Не нужно было признавать свою вину. Даже на самую малость. Но что сделано, то сделано. Оратор поднял палец. – В моих мыслях не было никакого злого умысла. Я хотел помочь людям и, благодаря моим действиям и решениям, жители Лаерда из напуганных пташек превратились в волков, которые хотят очистить землю от магической скверны! Раз уж Совет недоволен моими действиями, то давайте тогда сейчас решать, как же следовало бы поступить в данной ситуации. Вместо того, что тратить время на выяснения «собирался ли я отбирать власть у вас или не собирался». Не собирался! – Оратор поднялся, распрямился и ударил себя раскрытой ладонью в грудь. – Я божий человек. Я проводник божественного взгляда. Мне чужда потребность во власти! Всё, чего я желаю, это и дальше служить людям и Всевидящему. Большого мне и не нужно!

Оратор выкрикнул последнюю фразу и упал на стул, будто в этой речи израсходовал всю свою жизненную силу. Ста-

рейшины переглянулись. Они явно были под впечатлением от его речи, кроме кучерявобородого: он смотрел с подозрительным прищуром.

– Так Вы признаёте, что, как Вы выразились, «перегнули палку», – язвительно произнёс он.

Оратор поджал губы. Так и знал, что старик уцепится за эту фразу, чтобы принизить его и показать, кто здесь власть. Старейшина продолжал, явно наслаждаясь выигрышным положением:

– Подтверждаете ли, что в следующий раз Вы обратитесь в Совет, а не станете принимать самостоятельных решений?

Хотя Оратору и не нравилось, но он сам дал вожи в руки старика, поэтому нужно было следовать правилам, и он кивнул. Кучерявобородого это явно порадовало: он словно засветился, а в его облике появилось больше гордости – плечи распрямились, нос задрался, а глаза сузились.

– Уважаемые старейшины, прошу зафиксировать то, что наш обвиняемый признал вину и раскаялся.

«Не каялся я. Не нужно врать!» – мысленно поспорил Оратор.

– Ввиду этого, предлагаю вынести ему предупреждение о недопустимости подобного поведения, – продолжил кучерявобородый. – При повторном нарушении на Совете будет поднят вопрос о замене Оратора! Все согласны со мной?

«Не вам решать, оставаться мне в деревне или нет, – усмехнулся про себя Оратор. – Меня назначает Яснослыша-

щий и только он будет определять, оставлять меня на службе здесь или перевести. Если будет самодеятельность со стороны этого старейшины, то я напишу в Великий Дом, пускай там разбираются!»

– Эрл? ЭРЛ?! Разбудите его кто-нибудь.

Старик с пышными усами похлопал по плечу спящего соседа. Тот встрепенулся и непонимающим взглядом обвел присутствующих.

– А что? Где я?

– Вы на Совете, Эрл. Решаем вопрос с Оратором.

– А что с ним не так?

Кучерявобородый тяжело вздохнул.

– Мы обсуждали то, что Оратор взял на себя полномочия, которыми может распоряжаться войт и старейшины. Мы выразили своё недовольство и решили, что если он в следующий раз так поступит, то будем ставить вопрос о его переводе в другую деревню. Вы согласны с данным решением или нет?

– Решением? Что?

Старик махнул рукой.

– Четыре «за» – и этого достаточно. Но попрошу вас не расходиться, – быстро произнёс он, когда другие участники Совета зашевелились и стали подниматься. – На повестке дня у нас стоит ещё один вопрос: какие действия предпринимать в связи с утренними событиями. Я напомню, – старик обвёл всех взглядом и поднял указательный палец.



Оратор вздохнул и откинулся на спинку стула. Сейчас нужно проявить терпение и смирение, чтобы досидеть до конца собрания. Где же взять столько сил? Оратор зашептал молитву, изредка прислушиваясь к тому, что говорили старейшины. А они, по его мнению, переливали воду из пустого в порожнее: пересказывали то, что произошло на холмах. Охали. Ахали. Затем начались обсуждения. Кто-то поддержал действия Оратора, на удивление это был не только «пышноусый», но и лысый старик, и даже кучерявобородый. Против высказался «лихорадочный». Он предлагал не будить лихо и побыстрее забыть ситуацию. Потом голосовали: старейшины достали из карманов мешочки с камнями, и каждый положил перед собой камешек определенного цвета. Три белых, один чёрный.

– Кто-нибудь, проголосуйте за Эрла, – попросил кучерявобородый.

– Но мы не... не знаем... как... он..., – начал было «курага»,

– Просто положите перед ним серый камень. Нужно соблюсти формальность, – перебил старик.

«Курага» полез в карман Эрла, достал мешочек, высыпал камни на стол, отобрал чёрный с белым и положил обратно в мешочек, а серый пододвинул поближе к «спящему».

– Отлично! – воскликнул кучерявобородый. – Решение принято! Мы соберём людей, чтобы прочесать ближайшие леса и проверить, остались ли следы после колдунов. Собра-

ние объявляется закрытым!

«Зачем был нужен этот цирк? – думал Оратор, поднимаясь со стула. – И так люди уже настроились на поиск. Возможно, они уже стоят на холмах и ждут меня. Какая бессмысленная потеря времени!»

## Глава 18: Ивор

Карета въехала на подвесной мост, который соединял два скальных выступа: Верхний город и гостиный двор. Ивор выглянул в окошко и увидел отвесную скалу. Деревья на её уступах выросли маленькими и хилыми. Корни торчали из серого камня. В другом окне синело небо, но далеко на горизонте клубились чёрные облака, напоминая разъярённую орду. Внизу расстилалась лощина: камни на жёлтой траве напоминали комья грязи. Пятно снега на склоне блестело в лучах гаснущего Сангара. От высоты у Ивора перехватило дыхание, а сердце тревожно сжалось. Он завесил окошко шторкой и закрыл глаза.

Карета дёрнулась, когда съехала с брусчатки, и покатила ровнее по гладкой земляной дороге. Сделав полукруг, лошади остановились. Лакей открыл двери. Ивор вылез. Тело затекло от долгого сидения. Хотелось размяться, но он сдержался. Это будет выглядеть по-крестьянски.

Перед ним возвышался гостиный дом. Длинная лестница вела к распахнутым дверям, через которые проходили люди. Одни дамы, держа кавалеров под локоть, собирались, видимо, на прогулку. Другие же возвращались с рынка. За ними,

словно птенцы за мамой уткой, шла прислуга, неся корзины с покупками.

Комната, которую снял Ивор, напоминала его опочивальню: кровать с балдахинном, стул, обитый мягкой тканью, и широкий стол, на котором стояли кувшин и таз для умывания. По углам разместились круглые железные жаровни на кручёных резных ножках. Стену украшал гобелен: прекрасная нагая нимфа, укутанная лишь своими длинными волосами, играла на лире. Ивор залюбовался вышивкой. Какая тонкая работа! Мастер сумел изобразить и изящные пальцы, которыми девушка перебирала струны, и голубые глаза из-под длинных чёрных ресниц. Наверное, он потратил не один год, чтобы соткать такую красоту.

Из окна виднелся парк. Говорят, раньше здесь высаживали розовые кусты, но после прихода зимы их выкорчевали. Вместо них в самом центре поставили гигантское изваяние каменной розы в честь былой красоты. Вокруг неё тянулась тропинка для прогулок, лавочки с резными спинками стояли по бокам. Возле каждой возвышался масляный фонарь, а за ними росли кусты вечнозелёной калины, правда, совсем маленькие, видимо, их недавно высадили. А дальше выступ заканчивался, и его край огородили балюстрадой, чтобы люди ненароком не попадали.

Орда из туч уже затянула половину неба. Она шумела, гремела и высекала искры. Ивор решил, что сегодня время не для прогулок, поэтому разобрал вещи, написал письмо

Раддам. Внизу у входных дверей он положил его в ящик для писем и отправился на ужин.

От еды разморило и потянуло в сон. Ивор поднялся в опочивальню, переоделся в ночную сорочку и лег на кровать. Ветер завывал за окном. Яркая вспышка побежала по небу подобно трещине на стекле. Затем загремело и загрохотало. В соседнем номере истошно заплакал младенец. Вскоре капли дождя забарабанили по крыше. Ивор хотел ещё раз обдумать разговор с Раддами, но мысли расползались и растворялись. Он сам и не заметил, как уснул.

На следующее утро, позавтракав мясным пирогом и выпив чаю, по вкусу напоминающего молоко, Ивор отправился на водные процедуры.

Едва он вышел на улицу, как его пронзил резкий и такой холодный ветер, что показалось, будто заледенели кости. Над головой клубились тучи от вчерашней непогоды. Они напоминали клочья пыли, которые прислуга выметала из-под кровати.

Бани находились в отдельном крыле, длинном, будто конюшня, но украшенном, как для самого князя: стены обложили жёлтым камнем и разноцветными стёклышками, которые ярко блестели на свету.

Банщица встретила Ивора на входе и повела по коридору с множеством дверей друг напротив друга. Настенная мозаика переливалась оттенками голубого, словно воды озера, а вот пол желтел тем же камнем, что и стены снаружи. В позо-

лоченных бранах – настенных подсвечниках – горели свечи.

Банщица достала ключ из кармана фартука и открыла одну из дверей.

– Прошу Вас, – произнесла девушка и посторонилась.

Ванная комната оказалась небольшим помещением с маленьким квадратным окошком под потолком. Посередине на витых ножках стояла ванна. Лёгкий пар с ароматом пихты поднимался над водой. У изголовья поставили небольшой высокий стол, на котором лежали мочалка и кусок зеленоватого мыла. Возле двери Ивор заметил пустую этажерку.

– Не переживайте, Вашу одежду скоро погладят и принесут, – сказала банщица, словив его взгляд. – Может, желаете ли каких-нибудь особых услуг? У нас разнообразный выбор дев на любой вкус. Есть даже виверы.

– Нет. Благодарю. Можете идти.

Девушка отдала ключ и закрыла двери. Ивор разделся, сложил одежду в аккуратную стопку, оставил её на этажерке и только после этого залез в ванную. Постоял немного, подождал, пока тело привыкнет к горячей воде.

Ивор закрыл глаза, наслаждаясь тем, как расслабляются мышцы и сознание. Мысли про Раддов, про работу крутились в голове, но они напоминали обожжённые клочки бумаги, которые в порыве тёплого воздуха поднялись над огнём. Бесполезно было их ловить и пытаться составить текст из этих обрывков. Ивор позволил себе окончательно расслабиться и даже немного задремать. Его разбудил скрип двери.

Вошел слуга со стопкой одежды.

– Извините, – пролепетал он и опустил взгляд. – Я вот, принёс.

Мужчина положил на этажерку одежду и быстро ретировался.

После ванной Ивор надел белые штаны и жупан красного цвета с петлями из шнура и латунными пуговицами. Поверх накинул коричневый контуш, подпоясался красным кушаком. Прислуга выгладила вещи, которые сильно помялись в дороге, а сапоги из мягкой кожи начистили до блеска.

Ивор осмотрел себя в зеркало. Выглядит он неплохо. И даже от усталости не осталось и следа. Он зачесал волосы на затылок и собрал их в хвост. Ну, а теперь время встретиться с покупателями.

Для работы Ивор арендовал кабинет на первом этаже постоянного двора. Хотя комната была не больше ванной, в неё вместился массивный стол, бобик, два кресла и жаровня. Прислуга принесла кувшины, один с водой, а второй с виски, но Ивор приказал убрать алкоголь. Работать нужно с холодной головой!

Когда Ивор затачивал перья, вошел Адам Руден, владелец рудников на востоке и города Руденск. Он напоминал змею, такую холодную, гипнотизирующую, готовую укусить. Рука в кожаной перчатке сжимала рукоятку трости в виде серебряного черепа с глазами-изумрудами. Адам окинул презрительным взглядом комнату, скривился, а затем посмотрел

так, что захотелось съёжиться и лепетать извинения. Ивор подавил этот порыв, наоборот, выпрямился и расправил плечи.

– Присаживайтесь.

Заключение сделки длилось долго. Адам оказался неприятным покупателем. Он изучал каждую букву в документах, осматривал лошадей с головы до копыт, а потом ещё обвинил Ивора в том, что он продаёт не чистокровных лошадей и потребовал снизить цену чуть ли не в половину! Понадобилась колоссальная выдержка, чтобы не выгнать наглеца! Всё-таки Ивор смог отстоять свой товар и продать его по первоначальной цене.

Вторым покупателем был войт Станислав Кадд, объёмный мужчина с густыми бровями и болезненно-красными щеками. Тянуло от него потом и сладкими духами, какими обычно пользуются женщины. Войт покупал подарок для молодой невестки – кобылу редкой породы и диковинной красоты.

Пока они сидели в кабинете и обсуждали договора, Станислав умудрился рассказать чуть ли не историю своей жизни. Ивор узнал, что у того умерла жена при родах, а новорожденный сын скончался через несколько суток. Станислав долго был в трауре, но мама уговорила его жениться второй раз и выбрала для него невестку – молодую аристократку из обедневшего рода Арентинов. Девушка только вошла в расцвет своей красоты и молодости, в то время как Станислав пребывал в закате этих качеств. Он понимал это и очень вол-

новался из-за предстоящей свадьбы, так ему хотелось понаравиться невесте.

Станислав бегло прошёлся по договору.

– Покажите мне мою красавицу! – воскликнул он, сворачивая бумаги в трубочку и засовывая под мышку.

Они спустились в конюшню, и Станислав пришёл в дикий восторг при виде длинногривой кобылицы нежного персикового цвета с разноцветными пятнами на боках, будто на них брызнули краской, и тут же подписал все необходимые документы.

После того, как ушёл покупатель, Ивор вернулся в кабинет. Уселся в кресле, вытянув ноги и сложив руки на животе. Закрыв глаза. Усталость разливалась по телу, хотелось вздремнуть, но на это не было времени. Дела не ждут! Впереди ещё несколько встреч. Ивор вздохнул, протёр глаза и принялся собирать бумаги.

После ужина он отправился за подарками для Раддов. Погода стала приветливее: хотя на небе и клубились рваные тёмные тучи, похожие на лохмотья, ветер унялся, поэтому было не так холодно. Ночную тьму разгонял свет масляных фонарей. В Верхнем городе было тихо и спокойно. Люди прогуливались по узким улицам, переговариваясь полупотом, будто боялись уподобиться шумным бедным горожанам. Заслышав музыку и крики снизу, некоторые дамы закатывали глаза и затыкали уши, шепча: «Как некультурно!»

В Верхнем городе не было больших рынков, они просто



не поместились бы на узком скальном выступе, поэтому все торговые лавки расположили в одном здании из серого кирпича и с красной черепицей.

«Верхний рынок» – гласила надпись над входом. В отличие от Нижнего тут выставляли более изысканный товар. Внутри было тихо, пахло травами и специями. Покупатели и торговцы вели себя культурно: не кричали, не спорили, не дрались.

Ивор прошёлся по первому этажу мимо лавок с фруктами, ягодами и овощами. Чего только не продавали! И малину, и чернику, и сладкую Лимийскую вишню. В длинных лукошках лежали огурцы и помидоры. В горшочках с водой плавал подводный виноград – полупрозрачные зеленоватые горошины на толстой ветке. Ивор пробовал его ещё в те времена, когда служил писарем при князе. По вкусу диковинный виноград напоминал икру.

На втором этаже продавались украшения, ткани, различные масла и духи. Ивор рассматривал товар и пытался понять, чему больше обрадуются Радды. Может, этим куклам с настоящими волосами, которые можно расчёсывать и заплетать? Девочки точно придут от них в восторг! Для Магды, матери семейства, Ивор купил заколку для волос, украшенную розовым турмалином. Женщины падки на украшения. Осталось самое сложное: выбрать подарок для Оскара Радда. Что можно преподнести человеку, у которого всё есть?

Ивор обошёл лавки на этаже, пересмотрел и перетрогал

много товара, но ему ничего не нравилось, а то, что нравилось, стоило очень дорого. Всё-таки он не князь, чтобы позволить себе золотые застёжки. Вдруг на глаза попалась фибула в виде птицы с человеческим лицом. Её длинный хвост и волосы украшали разноцветные камешки. Идеальный подарок, особенно если учесть, что герб Раддов – Алконост.

На украшения Ивор потратил почти все деньги, которые заработал от сегодняшних сделок, но не жалел о растратах. Это вложение в будущее.

Ивор уже собирался уходить, но заметил лавку с лентами для волос. Непонятно почему сердце наполнилось неясной тоской и печалью. Как там его девочка?

– Подскажите, пожалуйста, а из чего сделана вон та перламутровая лента? – поинтересовался Ивор у лавочника.

Торговец, молодой парень с кучерявыми, типично лимийскими, волосами, широко улыбнулся.

– О, это самая настоящая рыба чешуя!

Он протянул Ивору ленту. На ощупь она была шершавой и немного жестковатой.

– Чешуя обработана так, что она не порвётся, как её ни скручивай! – торжественно произнес торговец. – Вот попробуйте. Гните, как вам вздумается. Да, вот так! Прочная, как сталь, но очень гибкая! – посмотрев по сторонам, торговец наклонился к Ивору и зашептал. – В Оре это последний писк моды. У каждой знатной дамы есть такая лента. Только там их не заплетают в косы, а... Сейчас покажу! – торговец со-

брал волосы в низкую гульку, а потом перетянул макушку лентой и завязал её концы под пучком. – Красота же, скажите?!

Ивор задумался. На парне такая прическа выглядела комично и неестественно, но на женской голове должно быть очень красиво.

– Берите! Поверьте, скоро мода дойдёт до сюда, и ваша дама будет красоваться одной из первых! – распинался продавец.

Ивор почесал шею. Стоила она дороговато, но он представил улыбку на лице дочери. Ради неё можно отдать все богатства мира.

– Я возьму ленту.

Вечерело. Непогоду, словно мусор, сметало на север. Небо на юге горело тёплым красно-оранжевым цветом. Холодало. Щёки и пальцы занемели от мороза, поэтому Ивор заспешил в гостиный двор, чтобы согреться. В комнате он оставил подарки и спустился на ужин.

Прислуга зажгла свечи на жирандоли, и трапезная наполнилась тёплым светом. За окнами набухала тьма и завывал ветер. Казалось, что мир раскололся на две части: мёртвую и живую, и только стены разделяли их. Ивор занял столик подальше от входной двери. Подальше от осеннего холода. Тут же подошёл половой в белых, без единого пятнышка штанах и такой же ослепительно чистой длинной рубашке с высоким воротником. На ужин предлагали запечённого карпа в зеле-

ни, мясной пирог или грибной суп. Ивор выбрал рыбу. Пока ждал, купил новостной лист. Почти всю страницу занимала статья об ужасном происшествии.

«Одиннадцатого дня Сбора Урожая на деревню Мийор, что на западе от Элка, произошло нападение. Никто не знает, как оно было совершено, но стражи, прибывшие из Йорн-Хеля, рассказали про валуны, которые перекрыли дороги, разбили множество домов и печей. Из-за этого начался пожар. Он поглотил большую часть деревни.

Так же стражи отметили, что почти всё население деревни исчезло. Они насчитали всего восемнадцать трупов, но не обнаружили ни одной живой души, хотя в деревне проживало тридцать восемь человек, не считая детей. Стражи прочесали ближайšie леса, но никого не нашли.

Одни Боги только знают, что произошло в деревне, откуда взялись валуны. Не могли же они упасть с неба? И куда подевались жители?»

Ивор поёжился, читая текст. Что за монстры могли сотворить такие злодеяния? Какой силой они должны обладать, чтобы перетаскивать огромные валуны и швырять их с неба в ничем не повинных людей.

В листке было ещё пару записей, но они, в основном, касались цен. В углу разместилось объявление о том, что Око набирает рекрутов в Видящую стражу.

Ивор читал про подорожание зерна, когда к нему подошёл половой с миской в руках. Рыба лежала на подушке из жарен-

ного лука и свежей зелени. Чешуя, в которую были воткнуты ломтики лимона, отливала нежным золотисто-коричневым цветом. Ивор аккуратно расстелил полотенце на коленях, чувствуя, как желудок ноет от боли, а потом не спеша снял с рыбы кожицу.

После ужина накатила такая усталость! Ноги передвигались с трудом, казалось, ещё немного, и они станут мягкими, как топленое масло, и не выдержат веса тела.

Возле двери в комнату его встретил мальчик-посыльный и протянул конверт с фамильной печатью Раддов. Ивор тут же открыл его и бегло прочитал. Радды приглашали в гости. Письмо так сильно взволновало, что Ивор долго не мог уснуть. Ходил по комнате. Перечитывал.

– Сначала нужно восхититься Раддами, – бормотал он. – Их стойкостью, мужеством и упорством, с которым они отстаивают свои взгляды. Затем надавить на больное, что Пророк может лишит их всего, если они не примут новую веру, а после предложить выход. – Ивор подошёл к окну и посмотрел на переплетение небесных линий. – Боги, помогите осуществить задуманное!

Время двигалось к полуночи, а сна не было ни в одном глазу. Мысли, словно цирковые лошади, бегали по кругу. Ивор устал от этого. Он спустился в трапезную и заказал виски. После нескольких глотков алкогольный туман растворил тревожные мысли. Ивор поднялся к себе в комнату и, не раздеваясь, рухнул на кровать.

Утром он неспешно позавтракал, собрал вещи, оставил хозяину гостиного двора адрес Раддов, на тот случай, если он кому-то понадобится и отправился за каретой.

Магнаты жили в городе Радден на востоке от Йорн-Хеля. Много десятилетий назад это был маленький, бедный городишко, пока там не построили ткацкую мануфактуру. Слухи о прекрасных гобеленах распространились далеко на восток, и их стали заказывать князья и короли. Ходила легенда, что несколько гобеленов приобрели чуди. В город хлынули люди, которые хотели работать на мануфактуре. Вслед за ними ехали различные мастера и умельцы, чтобы кормить, обувать и одевать рабочих. Кто-то же переселялся в надежде, что за праздничным столом и им перепадёт кусок пирога. Город рос и вскоре выплеснулся за стены, и с каждым годом Радден расползался всё шире и шире.

От Йорн-Хеля к Раддену вела широкая дорога из серого камня, в народе её называли гостинцем. Возле города она разветвлялась. Одна вела к городским воротам, а другая бежала дальше, на восток, мимо Раддена, Элка, Нойры, напрямиком в княжество Сол и его столице – городу Иднас. Лес оборвался резко, и потянулись крестьянские домики. Один, второй, третий. Постепенно они приближались друг к дружке, склеивались стенами и крышами.

Карету потряхивало, Ивор чувствовал, что отбил себе пятую точку. Чем глубже они заезжали в город, тем сильнее ощущалось разнообразие запахов: жареного мяса, алкоголя,

кислых щей, дыма, экскрементов и пота. Живот скрутило, и всё внутри попросилось наружу. Ивор достал из кармана надушенный платок и приложил его к носу. Вонь ослабла, но всё равно чувствовалась, поэтому приходилось вдыхать как можно реже.

Наконец-то показалась городская стена. На главной башне висел герб Раддов – птица алконост с мечом в когтях – и развивался бело-жёлтый стяг. Карета проехала по навесному мосту через ров.

От окружающей красоты у Ивора спёрло дыхание. Недалом Радден считался жемчужиной княжества: здесь дома были украшены лепниной и статуями, волоты держали на плечах балконы, по стенам ползли аспиды, алконосты примостились на углах, сложив крылья и смотря куда-то вдаль.

Карета выехала на главную площадь, и Ивор заметил храм – круглое здание с выпуклой крышей – и удивился: «Неужели Дом не разрушил святыню древних Богов?» В Лаерде Оратор захотел построить Дом на её месте. Ивор долго сопротивлялся, пока из Йорн-Хеля не пришла бумага с печатью князя о передаче земли под нужды веры. Благо, Ивору удалось перевезти идолы богов к себе в усадьбу, а так Оратор их бы сжёг.

Усадьба магнатов расположилась в окружении чудесного парка на окраине города. Радды вырубали все лиственные деревья и засадили его редкими породами хвойных. Вдоль дороги росли туи. Рядом с валуном раскинула зелёные лап-

ки карликовая сосна. Её иголки были размером с человеческую ладонь! За ней красовались голубые ели. Ягодный тис подстригли так, что он напоминал гигантского ежа.

Между деревьев показалось трёхэтажное здание из красного кирпича с множеством окон, украшенных наличниками и подоконниками. Всё семейство Раддов собралось на крыльце и наблюдало за тем, как карета проезжает полукруг и останавливается. Когда дверь открылась, дети выстроились в ряд от мала до велика. Вымытые, причёсанные и одетые в самую лучшую одежду. Будущий жених Алин нарядился в жёлтый жупан, поверх которого накинул красный кунтуш. Девочек облачили в аксамитовые платья и вплели нитки жемчуга в волосы. Наряд Магды кричал о её высоком статусе и неизмеримом богатстве семьи: тёмно-синее шёлковое платье, расшитое золотой нитью, сетка для волос, украшенная редким голубым жемчугом, ожерелье из сине-зелёного турмалина, кольца и серьги с массивными драгоценными камнями. Всё это великолепие отвлекало от некрасивого, выпуклого, словно мяч, лба, от маленьких глаз с редкими ресницами, от белых бровей, которых почти не было видно, от большого носа и тонких губ. Хозяин дома стоял в красном жупане, подвязанном чёрным поясом, расшитым золотыми нитями, в высоких кожаных сапогах, а на плечах – чёрный плащ с рыжим воротником. В отличии от жены, Оскар был красивым мужчиной. Высокий. С широкими плечами. Объёмный живот, который Радд наел на многочисленных пирах,



не уродовал, наоборот, он указывал на то, что семейство живёт в достатке.

Когда Ивор вылез из кареты и поднялся по ступеням, глава семейства выступил вперед. Его рукопожатие было сильным и уверенным.

– Рад встрече с Вами, – проговорил Оскар, как того требовало приличие.

После Ивор поприветствовал хозяйку дома Магду, старшего сына, будущего жениха Алин – Якоба, дочерей-близняшек Удидд с Ритой и вручил каждому по подарку.

– Как добрались? – поинтересовалась Магда, пропуская Ивора в дом.

Передняя ослепила своей чистотой и белизной. В напольных мраморных плитах можно было увидеть собственное отражение! Со стен на него смотрели многочисленные портреты предков семейства. Под их взглядами Ивор чувствовал себя неуютно, казалось, будто его оценивают не только Радды, но и всё их поколение. Широкая лестница вела на второй этаж. Слева от неё была дверь, за которой виднелся коридор.

– Слава богам, без приключений, – Ивор сел на диванчик у дверей и снял сапоги. Прислуга тут же подала ему тёплые тапочки.

– Вы не замёрзли, пока добирались? – спросил Оскар.

– Да не сильно.

– Но всё равно я предлагаю подкрепиться с дороги и выпить горячего чаю! – Магда всплеснула руками.

Радды вместе с Ивором прошли в обеденную. На столе уже стояли пирог, мазунья, тарелочки с левашами, резанными фруктами, а посередине возвышался кувшин с кипятком. Половые вынесли несколько видов заварок. Ивор уловил ароматы лаванды, малины и апельсина.

– Ивор, не стесняйтесь, берите! – воскликнула Магда, пододвигая к нему тарелку с пирогом. – У нас недавно появился новый повар. Мы выкупили его у Тетраодонов. Вы просто не представляете, как чудесно он готовит!

– Согласен, – кивнул Оскар. – Его стряпня – выше всяких похвал!

– Раз Вы так хвалите, то обязательно попробую пирог, – улыбнулся Ивор.

Половой, который стоял недалеко, тут же отрезал кусок и положил ему на тарелку. За едой в основном говорили о погоде да о ценах. Оскар похвастался тем, что придумал новую картину для гобелена и приказал слугам принести наброски.

После обеда Магда отправила девочек вместе с няней наверх и позвала придворного музыканта. Семейство и Ивор расположились в гостиной. Она тоже была сделана в белом цвете, лишь тёмно-коричневые канделябры на стенах да чёрный рояль создавали контраст. Придворный музыкант расставлял ноты на пюпитре. К инструменту пододвинули диван и несколько кресел. Таких же белых, как и вся комната. Слуги вкатили сервировочный столик с тремя стаканами и графином виски.

– Угощайтесь, – предложил Оскар.

– Благодарю, но я, пожалуй, откажусь, – улыбнулся Ивор.

Радд пожал плечами и приказал откатить столик к роялю, а затем сел на диван рядом с сыном. Ивор занял кресло у стены, Магда – у окна.

– Каприз для Белуанской мысли, автор Кей Алан Корва, – объявил музыкант.

Он сел на стул, поправив полы сюртука, пальцы коснулись клавиш. Музыка завораживала. Вначале она звучала настороженно, словно родник, что по капелькам пробивается сквозь землю и завал из веток, а затем потекла рекой, медленной и вальяжной, которая несёт свои воды через бескрайние поля. Магда качала головой в такт мелодии и улыбалась.

– Вы заинтриговали своим письмом, – тихо произнес Оскар, немного наклоняясь в сторону Ивора. – Нам не терпится узнать подробности.

Ивор облокотился на ручку кресла и ответил так же тихо.

– Вначале, я бы хотел выразить своё восхищение тем, как Вы отстаиваете город и не пускаете в него религиозную заразу. И ещё я бесконечно восхищён тем, что Вы отказались спонсировать постройку главного Дома в Йорн-Хеле.

– Благодарю, – кивнул Оскар.

Мелодия изменилась. Теперь она то застревала, подобно воде, что пробирается через поваленные деревья, то ускорялась, взлетая на порогах и с гневом обрушиваясь вниз.

– Хотя я знаю, каким трудом Вам это далось. Слышал, что

князь обещал отобрать у Вас мануфактуру.

– У нас с князем был очень жёсткий разговор. Мне больше всего не понравилось, что Дом хотели построить на месте храма. Я предлагал другие варианты, но нет – и всё: только на том месте! Меня это оскорбило. Как я могу разрушить святилище, где содержатся веды, где люди молятся богам, и отдать эту святую землю?

– Меня тоже оскорбляет то, что новая вера не просто разрушает наши святилища, но ещё+ строит на их месте свои Дома! Они устраивают подмену сознания, если так можно выразиться.

Оскар прокашлялся и многозначительно посмотрел в сторону музыканта. Ивор кивнул. На некоторое время они вновь погрузились в музыку. Рвущая, гневная мелодия успокаивалась и снова разливалась тихой рекой, которая текла всё дальше, становясь всё тише и тише, пока не замолкла.

Все заплодировали.

– Ах, как чудесно Вы играете! Bravo! Bravo! – воскликнула Магда.

Музыкант поднял руки и ударил по клавишам. Теперь музыка напоминала мысли: однообразные, зацикленные мысли. В них врывались высокие ноты, принося с собой тревожные ощущения.

– Как вам? – поинтересовалась Магда.

– Очень необычно, – ответил Ивор и почесал переносицу. – Такое ощущение, что музыкант, подобно философу, че-

рез эту мелодию размышляет о судьбе, о её тяжести, о выборах, которые приходится делать. О тревоге, когда не знаешь, что скрывается за очередным поворотом твоей дороги.

– Дорогая, это же Леоний Лабео? Тот талантливый мальчишка-музыкант? – поинтересовался Оскар, подперев подбородок пальцем.

Магда кивнула, и все опять погрузились в музыку и собственные мысли.

Ивор думал о том, как продолжить разговор: или ещё позаигрывать с Раддами, или уже раскрыть свои планы. Оскар злится на новую религию, на угрозы отобрать его мануфактуру. Но достаточно ли сильна его злость, чтобы выступить против Пророка?

Ивор бросил взгляд на хозяина дома. Он старался выглядеть расслабленным, – откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза, но сцепленные в замок пальцы рук и ногти, сильно впившиеся в кожу, выдавали напряжение.

– Вчера за ужином я прочитал новость о том, что Пророк набирает рекрутов во Видящую стражу, – тихо проговорил Ивор, внимательно глядя на Оскара – у того не дрогнул ни единый мускул. – И хотя религия проповедует тепло и весну, Пророку на самом деле нужна власть. Я даже боюсь представить, что будет, когда он получит в свое распоряжение армию, не подчиняющуюся короне. Если это не остановить сейчас, то... – Ивор опять почесал переносицу. – Даже не могу представить, что нас ожидает завтра. Думаю, Пророк

будет мстить всем неугодным.

И хотя в мелодии остались заикленные части, теперь к ним добавились ещё ноты малой октавы, придавая музыке тяжёлое, угрожающее звучание.

– Я думаю, Вы правы, – Оскар на мгновение замолчал, а затем кивнул, словно соглашаясь с вопросом, который задал сам себе. – Настанут тёмные времена, если или, когда, Пророк получит неограниченную власть.

– Если... – повторил за ним Ивор. – ничего не делать, то так и произойдёт. Но на каждого страшного волка можно найти волкодава.

Ивор замолчал, дав возможность этой идее просочиться глубоко в мысли Раддов. Якоб, прищурился глазами, вопросительно посмотрел на него. Оскар продолжал сидеть расслабленным, но Ивор понимал, что его занимала не музыка. Пальцы, щипающие обивку дивана, выдавали внутреннее волнение.

– Вы знаете, где найти волкодава на этого волка? – наконец-то поинтересовался Оскар, взглянув на Ивора.

– Да. У меня есть сведения, которые могут погубить Пророка и всю его нечистую веру, – ответил Ивор полушёпотом.

Оскар удивленно поднял брови, тут же остановил музыканта на половине сонаты и приказал убираться.

– Что случилось?! – воскликнула Магда.

– Ивор заявил, что обладает сведениями, которые могут погубить Пророка, – громко произнёс Якоб.

Оскар шикнул на него и осмотрелся. Выглянул в коридор, чтобы убедиться, что их не подслушивают. Никого. Налил в стакан виски и сделал глоток.

Ивор сел поглубже в кресло. Вздохнул. Он чувствовал себя как человек, идущий весной по замёрзшей реке и не знающий, крепкий здесь лёд или нет.

– Пророк всегда вызывал во мне недоверие. Он появился внезапно и буквально за год добрался до самого князя и вцепился в него, будто клещ. Не знаю, что он наобещал Его Сиятельству...

– Ребёнка, – ответила Магда. – Он пообещал, что её Величество выносит и родит здорового наследника. Мне фрейлины рассказали. Княгиня уже три раза была беременна, но все трое родились раньше срока и не выжили, хотя о княгине заботились лучшие лекари. А этот Пророк пообещал, что передаст ребенка под покровительство Всевидящего, и тот сделает так, чтобы малыш родился крепким и здоровым.

Ивор внимательно слушал Магду, чувствуя, как история Пророка заполняется новыми деталями.

– Пророк воспользовался горем князей для того, чтобы захватить власть. К сожалению, князь не понимает, в какую паутину он попал и какую змею пригрел. Пророк обещал отдать нерождённого ребенка под покровительство Всевидящего, но так ли это?

Магда непонимающе нахмурилась. Якоб смотрел пристально, казалось, даже не моргал. Оскар выпил ещё немно-

ГО ВИСКИ.

– Давайте вернёмся к Пророку. Что мы о нём знаем? – продолжил Ивор и обвёл взглядом Раддов. – Почти ничего. Впервые он объявился в северо-восточных деревнях, где собирал милостыню и нёс чушь про нового Бога, весну и тепло.

– И он сказал то, что люди давно хотели слышать, – поджала губы Магда. – Все так устали от проклятия, от вечных холодов, от мёрзлых. Многие чувствуют, будто старые Боги их предали, поэтому с радостью пошли за тем, кто пообещал спасение.

Ивор кивнул. Достаточно ли он заинтриговал Раддов или ещё подкинуть им вопросы для размышления? Наверное, стоит. А потом нужно показать, что у него, Ивора, есть ответы. Он должен точно знать, что Радды попались на крючок и не сорвутся.

– Пророк не глуп. Глупый человек не добрался бы до таких высот. Но речь о другом. О том, кто такой Пророк? Он же не мог свалиться с неба? У него должно быть прошлое, родители. Что мы об этом знаем? Мы даже не знаем, родом он из нашего княжества или из Сол. А если человек старается напустить туман в прошлое, значит там что-то неладное. Я решил раскопать информацию, кто такой Пророк и кем он был, как жил прежде, чем объявился у нас. И нашёл крайне любопытные сведения. Например, настоящее имя Пророка – Лим.

Магда кивнула. Ивор не понял, то ли она знала, то ли она



одобрила его слова.

– Впервые слышу, – проговорил под нос Якоб.

– Вот так вот. И это лишь крупица правды о Пророке, но мне удалось ещё кое-что разузнать.

Хозяйка придвинулась ближе, и страхи Ивора рассеялись – он сумел её заинтересовать. Якоб подпёр голову кулаком и внимательно слушал. Оскар же, наоборот, вёл себя сдержанно, смотрел со скептицизмом. Он всё-таки магнат, он должен сомневаться во всех предложениях, что ему поступают. Ивор чувствовал себя так, словно находился под хищными взглядами и от его дальнейших слов и действий зависело его будущее.

– И что же? – сощурился Якоб.

– Я не могу всего вам рассказать, но есть подозрения, что в Пророке течёт элладская кровь.

Магда ахнула и зажала рот рукой.

– Но это всего лишь подозрения. Слухи! Нельзя опираться на них! – воскликнул Якоб и посмотрел на отца, словно искал поддержку.

– Вы правы, – кивнул Ивор. – На слухи опираться нельзя, поэтому я прилагаю все усилия, чтобы докопаться до правды.

– Правда – это хорошо, – улыбнулась Магда, будто ребёнок, которому вручили конфету. – Когда она выплывет, то... – Хозяйка обвела всех внимательным взглядом, а затем прошептала: – Это положит конец мерзкой религии!

Оскар нахмурился и строго посмотрел на неё, в ответ Магда пожала плечами, мол «а что я не так сказала?!».

Хозяин дома вздохнул и перевёл взгляд на Ивора.

– Великое и опасное дело Вы затеяли: поставили на кон всё, – проговорил Оскар и сел на стол у фортепьяно, скрестив ноги. – Вы либо выиграете и будете тем, кто спасёт нашего князя и княжество от религиозной лжи, либо проиграете и потеряете всё. Но что Вы хотите от нас?

Ивор распрямылся, внимательно посмотрел на Оскара, немного прищурился глазами. Выдохнул.

– Честно скажу, что финансовая сторона расследования немного превысила ожидания и, к сожалению, моих собственных средств уже недостаточно...

– И Вы просите нас посодействовать финансово Вашему расследованию?

Ивор кивнул. Сердце колотилось. Нога дергалась, словно кто-то задевал мышцу, будто струну. Он словно вернулся в детство, на экзамен в школе писарей, где строгий преподаватель проверял сданную работу. Захотелось убежать, спрятаться под кроватью или в шкафу, чтобы его никто не нашел и не отчитал.

– Это очень сомнительное дело, – усмехнулся Оскар и сделал ещё глоток виски. – Как я и говорил, тут можно либо выиграть, либо проиграть и потерять всё. И теперь Вы хотите втянуть меня в эту игру? Я и так уже рискую мануфактурой.

– Понимаю, – кивнул Ивор, проглотив тугой ком, который

образовался в горле, и продолжил: – Но смею предположить, что Вы рискуете большим, чем потеря мануфактуры. Власть Пророка будет расти, и вряд ли он потерпит хоть кого-нибудь, кто не станет поддерживать его. Поэтому, скорее всего, перед Вами будет выбор между совестью и деньгами. Пророк либо примет Вас с покаяниями и обещаниями служить ему верой и правдой, либо... – Ивор сжал губы и развёл руками.

– А Вы хорош! – усмехнулся Оскар и, шутя, пригрозил ему пальцем. – Как бы ни злили меня Ваши слова, но я ценю Вашу уверенность и дерзость. Давайте предположим, что я согласился финансово поддержать эту затею, но где гарантии, что Вы не присвоите деньги себе?

– Я глубоко оскорблен Вашими словами, но понимаю сомнения, поэтому предлагаю заключить сделку, – Ивор чувствовал, что от напряжения мозг отказывается думать и выдаёт заранее подготовленные фразы. Как же хорошо, что он долго репетировал речь перед зеркалом! А то сейчас бы бэкал, мэкал и не мог бы и двух слов связать. Стыдно бы было! – У меня есть дочь Алин. Она самый дорогой человек в моей жизни, единственное, что мне оставила Полиан после своей смерти, – Ивор тяжело вздохнул и опустил взгляд. – Я готов отдать свою дочь за Вашего сына. – После этих слов Якоб поперхнулся и закашлялся. – Отдать её как гарантию моей честности. Если Вы согласитесь, то в день свадьбы я поделюсь всеми подробностями расследования.

На мгновение в воздухе повисла тишина: казалось, что всё

застыло во времени. Ивор будто и сам застыл: лёгкие забыли, как дышать, сердце перестало биться, а внутри всё сжалось в тугую комок.

Оскар допил остатки виски и смотрел на то, как капли стекают по стеклу стакана, будто советовался с ними как гадалка, а затем посмотрел на Ивора.

– Это очень дерзкий поступок, Вы же понимаете? Мы сватаемся к принцессам и княжнам, а сословие Вашей дочери намного, – Оскар сделал ударение на этом слове. – Ниже, чем наше.

– Я знаю, – Ивор чувствовал себя, как маленький ребенок, которого отчитывает строгий отец, но всем видом старался этого не показать. Распрямился, гордо вскинул голову, скрестил руки на коленях. Грудь как будто заковали в тесные доспехи. Ивор делал длинные вдохи, ощущая, как воздух скребётся по горлу.

– Вас бы следовало выгнать из нашего дома и приказать слугам больше никогда не впускать, но... – Оскар постучал ногтем по стакану, – Учитывая обстоятельства, мы этого не сделаем. Нам интересно Ваше предложение, но сразу не можем дать ответ. Нужно всё обдумать.

– Я понимаю, – кивнул Ивор.

Напряжение спадало, мышцы расслаблялись. Наконец-то удалось сделать свободный полный вдох. Голова немного закружилась.

Оскар поставил стакан на столик и вдруг рассмеялся. От

неожиданности Ивор дёрнулся.

– Но Вы молодец! Однозначно молодец! Как ловко всё вывернули. И деньги на своё расследование хотите получить, и дочь выгодно пристроить, поднять свой статус и, перескочив через сословия, сделаться магнатом! Я бы не додумался до такого хитрого многопланового хода, – Радд указал на Ивора пальцем. – Ум у Вас острый, и уже за это Вас следует уважать.

– Расскажите мне про Вашу дочь. Как там её зовут? – спросила Магда, кусая ноготь. Между бровями залегли две задумчивые складки.

– Алин, – ответил Ивор, подметив, что хозяйка не запомнила имя.

– Я хочу знать всё про Вашу дочь. Хороша ли она собой? Воспитана ли? Обучена ли высокому искусству? Я очень люблю фортепианную музыку. Умеет ли Ваша дочь играть на рояле?

## Глава 19: Эйнар

С самого утра Эйнар торговал на рынке. Раскладывал товар и бросал взгляды на серую башню Дома, что возвышалась вдалеке, будто строгий надзиратель. Она вызывала непонятную тревогу, а от мысли, что нужно туда пойти и записаться в рекруты, становилось жутко. Может, зря он всё это затеял?

К счастью, покупатели отвлекали от тяжёлых чувств.

– Почём у вас колбасы? – поинтересовалась женщина в расшитом красными нитками тулупе.

– Вот эти – два Сольт, – ответил Эйнар. – Те – за три, а полендвицу отдам за четыре.

– А из кого они? – влезла в разговор другая женщина в цветастом платке.

– Косуля.

– Дайте три полендвицы и вот это кольцо колбасы, – попросил “расшитый тулуп”.

– Эй, я тоже хотела полендвицу взять! – злобно произнёс “цветастый платок”.

– Не беспокойтесь, всем хватит, – усмехнулся Эйнар и постучал ногой по сундуку под прилавком.

Когда покупательницы ушли, Эйнар снова посмотрел на башню. Медленно выдохнул. Душа как будто разделилась на двух совершенно разных людей: один, обмотанный липкой

паутиной страха, молчал и дрожал, а другой строго выговаривал ему: "Хватит сопли распускать! Возьми себя в руки и запишись в конце концов в рекруты!"

К обеду напряжение от внутренней борьбы выросло настолько, что Эйнар ощущал себя как на иголках. Стоять за прилавком стало невозможно, постоянно тянуло двигаться, и Эйнар ходил взад-вперёд. Покупатели, их расспросы раздражали, приходилось сдерживаться, чтобы не накричать. Больше всего на свете хотелось всё бросить и убежать подальше от Дома. От рынка. От города. Убежать туда, где тихо, спокойно, где не нужно принимать никаких решений.

– Эй, парень, с тобой всё в порядке? – поинтересовался сосед по торговле, набивая трубку сушёным грибом.

– Всё хорошо, – Эйнар через силу улыбнулся, прохаживаясь вдоль прилавка.

– Точно? – мужчина выбил искру из кресала и прикурил.

– Всё нормально, – бросил Эйнар.

– Прекрати тогда мельтешить перед глазами, а то уже голова от тебя кружится.

Эйнар готов был вспыхнуть, наброситься на мужчину, но подошли покупатели – несколько толстых женщин в тёмных платках – поэтому пришлось сдержать свой гнев. Выдохнуть его. Процедить сквозь зубы. Одна покупательница взяла кусок сала и придирчиво его рассматривала, а другая ткнула пальцем в колбасы.

– Из кого сделаны?

– Вот эти – из кабана, те – из косули.

“Как же он устал от одинаковых вопросов”.

– И почём?

Когда женщины сложили покупки и расплатились за товар, Эйнар посмотрел на башню. Вот, прямо сейчас иди и сделай это! В конце концов, хватит быть тямтелей-лямтелей!

В этих мыслях было столько агрессии и уверенности, что Эйнар даже воспрял духом. Вот, пойду и сделаю. Действительно, сколько можно тянуть?!

– Мне нужно отойти ненадолго, присмотрите за товаром? – Эйнар обратился к соседу.

– Да, без проблем, – мужчина выдохнул кольцо дыма. – Десять Сольт.

– С чего такая сумма? – возмутился Эйнар.

– А как ты хотел? – развёл руками мужчина. – Можешь не платить, но тогда я не ручаюсь, что твой товар не растащат.

Эйнар нахмурился и начал собирать остатки колбас и тушек в сундук под прилавком, защёлкнул замок.

– Десять не дам. Могу только пять предложить.

– Лады.

Башня Дома то пряталась за разноцветными палатками, то снова появлялась. Казалось, она следила за Эйнаром, как охотник следит за дичью. От этого сравнения сжалось горло, а ноги стали деревянными.

«Так, подбери нюни! – мысленно приказал себе Эйнар и сжал кулак. – Соберись!»



Помогло. Ненадолго. Стоило выйти на ту часть площади, где не было палаток, как ноги опять сковало, и в груди заклокотало тревожное чувство. Оно засасывало, подобно водовороту, и не было сил противостоять ему. Это чувство заставило Эйнара развернуться и понесло подальше от Дома, мимо рыночных палаток к городской стене. От быстрого шага болели икры, сердце стучало как бешеное, а перед глазами прыгали разноцветные пятна. Только когда башня скрылась за покатыми крышами домов, бурлящее чувство успокоилось.

Он сел на землю, прислонившись спиной к городской стене, и закрыл лицо руками. Что с ним только что произошло? Почему он так позорно убежал? От отчаяния захотелось плакать, и Эйнар сжал зубы, чтобы сдержать подступающий к горлу ком. Почему он не может быть нормальным, сильным и смелым, как все мужчины?! Почему он повёл себя, как трусливая девчонка?! Внутри всё бурлило: страх, стыд, злость, ненависть – эмоции превращались в какую-то очень опасную смесь, которая могла уничтожить всё живое, если бы вырвалась на свободу. Захотелось разодрать себе грудь и выдрать с корнем ненавистные эмоции. Эйнар схватил себя за волосы и так сильно дёрнул, что вырвал целый клочок. От боли слёзы выступили на глазах. Не реви! Он тихо зарычал. Девушка, которая проходила мимо, ойкнула и побежала. Подумала, наверное, что он какой-то сумасшедший или наркоман. Эйнар криво усмехнулся сам себе и посмотрел на прядь во-

лос, которую до сих пор сжимал в ладони.

Буря в душе улеглась. О ней напоминало лишь саднящее ощущение в макушке да легкий туман в голове. Эйнар поднялся, отряхнул штаны от грязи и пошёл на рынок. Нужно было допродать колбасы и тушки.

– Твой сундук на месте и ничего не украли! – торжественно объявил сосед, будто совершил какой-то героический поступок.

– Спасибо.

Эйнар открыл замок и принялся выкладывать товар на прилавке.

– Тяжело всё прошло? – поинтересовался мужчина, ковыряясь длинной рыбьей костью в зубах.

– Нормально, – буркнул Эйнар.

Он не хотел ни с кем разговаривать, но сосед не отставал.

– Это всё из-за баб? Да? Ты поссорился с кем-то?

Эйнар кивнул.

– Я так и знал, – мужчина ударил пальцем по столу. – Из-за них все проблемы! Мы, мужики, ведёмся на их красоту, распахнутые глаза и длинные косы. Превращаемся в малых детей. Всё ради них готовы сделать, и что получаем в ответ? А ничего! Никакой благодарности! Они нами крутят, вертят, как хотят, – сосед опустил на свой сундук, закинул ногу на ногу. – Знаешь, по молодости я был влюблен в одну девушку. Как там её звали? Эдда... нет, Эба... Ну, как-то так. Так вот, она....

Вечером в комнате гостиницы Эйнар устался на своё отражение. Из мутного зеркала на него смотрел замученный человек: кожа как будто посерела, истончилась и натянулась до предела. Дотронься – и она лопнет. Под глазами залегли чёрные круги, а на лбу вылезло несколько прыщей.

– Что с тобой сегодня произошло? – спросил у него Эйнар. – Тебе нужно было просто зайти в Дом и записаться в рекруты. Ничего сложного! Какого лешего ты испугался и убежал, словно позорная крыса?

Отражение не отвечало.

– Трус! – выкрикнул Эйнар и плюнул в него.

В дверь постучали. Это была дочь владельца гостиницы с ведром новых углей.

– Вам поменять или...

– Я сам, – перебил её Эйнар и забрал ведро.

– А... – начала было девушка, но Эйнар не стал слушать, захлопнул дверь.

Он высыпал горячие угли в жаровню прямо на холодные. Ничего страшного, разгорятся заново. Стаскивая рубашку, случайно дотронулся ребром ладони до шрама на шее. Кожу сковало холодом, словно он прикоснулся к кусочку льда. От неожиданности Эйнар одёрнул руку и посмотрел на ладонь, ожидая увидеть обморожение. Что за нечисть такая? Он уже успел забыть про шрам. Думал, что тот исчез или просто зажил, и всё снова в порядке, но, видимо, ошибся.

Эйнар прикоснулся сзади к шее. Нащупал шрам. Провёл

пальцем вдоль позвоночника и почувствовал, как страх с новой силой сковал виски. Там, где раньше была тёплая кожа, теперь ощущался холод. Зараза распространяется! Перед глазами потемнело, а голову стянуло так сильно, что казалось, будто череп сейчас треснет. Эйнар ещё раз провёл по шее. Да, он прав. Раньше зараза была размером с фалангу пальца, а сейчас стала больше.

Душа как будто сжалась до маленького упругого комка в центре груди. Эйнару показалось, что он перестал видеть, слышать и дышать. Что с ним происходит? Он превращается в монстра? Он умрёт? Вопросы подобно колоколу бились в голове, но на них не было ответов. Эйнар бросился к зеркалу, сорвал его со стены, вытер слюну и попытался рассмотреть свою шею. Как он ни старался, но не смог этого сделать. Тогда он со всей силы швырнул зеркало на кровать и принялся наворачивать круги по комнате.

Он превращается в монстра! Он будет точно так же рыскать по лесам и пить человеческое тепло! На мечтах можно поставить крест! Вместо того, чтобы сражаться с проклятием, он сам станет его частью.

От этого осознания он остановился как вкопанный, а затем схватился за голову. А как стать Видящим стражем, если он превращается в мёрзлого?! Если об этом узнают, то его убьют! Появилась мысль отказаться от затеи, но он тут же её отверг. Он должен прийти! Оратор обещал отправить рекомендации в Великий Дом, а значит, его будут ждать. Если он

не явится, это вызовет подозрения. Эйнар чувствовал себя в ловушке. Он упал на колени и зарычал.

«Отринь своё Эго, сынок, отринь сомнения и гнев и поблагодари Всевидящего за ту долю, что выпала тебе», – всплыли в сознании слова Оратора.

– Во тьме закаливаются души наши и наша вера. Как росток, что пробивается сквозь толщу земли, чтобы дотянуться до света, чтобы окрепнуть и вырасти в сильное дерево, – повторил Эйнар слова из молитвы, чувствуя, как страх и напряжение уходят. – Может, это моя тьма, через которую я должен пройти, чтобы окрепнуть и стать по-настоящему сильным. Испытание. Я должен доказать Всевидящему, что готов стать его воином, несмотря ни на что! Я не имею права свернуть со святого пути, попав в плен своего страха и сомнений!

Уверенность заполнила каждую клеточку тела. Хоть сейчас отправляйся в Дом. Пришлось сдержать порыв. Уже ночь на дворе, и прием в рекруты на сегодня завершился.

– Я должен отринуть своё Эго, гнев и сомнения!

Эйнар снова наворачивал круги по комнате, только теперь это были чёткие уверенные шаги.

– Всевидящий послал мне испытание, и я должен его выдержать! Я должен стать его самым лучшим воином!

Эйнар опустился на колени, прогнулся в поясице, вскинул руки. Зашептал молитву, которой его обучил Оратор, просил разогнать сомнения и обуздать гнев. После неё стало так тепло, хорошо и спокойно. Потянуло на сон. Эйнар

несколько раз широко зевнул, затем стащил сапоги и лег на кровать.

Утром он позавтракал и сразу отправился в Дом. Перед дверями по телу побежала слабость, но Эйнар напомнил себе, что это испытание, которое он должен пройти. Возможно, если он справится, то Всевидящий избавит его от проклятия. Эта мысль ободрила и наполнила силами. На всякий случай Эйнар приподнял воротник тулупа и распустил волосы, чтобы спрятать шрам.

Аскетичные серые стены, высокий потолок, которого не было видно, давили на него, создавали странное гнетущее ощущение, будто он маленький, потерянный человек, который ищет свет. И этим светом был пьедестал, весь в свечах. На него хотелось смотреть, к нему хотелось приблизиться, но он был так высоко, что оставалось только задрать голову и молиться.

Эйнар тяжело выдохнул и приказал себе собраться. В Доме было немногочленно: несколько человек выгнулись в молитвенных позах, девушка, замотанная платком, поджигала тонюсенькую тёмно-жёлтую свечу. Старушка в длинном сером платье подметала пол. Эйнар уверенным шагом направился к ней.

– Извините....

Извините....

Извините...

Извините...

Стены отразили и многократно усилили голос, унося его всё выше и выше. Один из молящихся открыл глаза и недовольно зыркнул. Старушка шикнула и мотнула головой в сторону двери справа. В Доме в родной деревне она вела в келлию, а здесь – во внутренний двор.

Дневной свет ослепил, и Эйнар остановился. Зажмурился. Через некоторое время он приоткрыл глаза и сквозь ресницы осмотрел двор – небольшое пространство, зажатое между пристройками и горой. Земля была заложена каменными плитами.

– Молодой человек, Вы куда? – раздался низкий, с легкой хрипотцой, мужской голос.

От неожиданности Эйнар отшатнулся и выругался.

– Ай-яй-яй, – пожурил его голос. – Вы в Божий дом пришли, а так ругаетесь!

– Извините, не хотел, – пролепетал Эйнар, поворачиваясь в сторону говорящего.

Справа за столом сидел мужчина в возрасте. Судя по тому, что он носил длинное серое платье, это был Искатель, самый низкий ранг на службе в Доме.

– Я ... э-э-э... в рекруты хочу записаться. Это к Вам?

– Всё верно! – Искатель достал перо из чернильницы. – Ваше имя и фамилия.

– Эйнар Хейзер.

Искатель писал медленно. От напряжения брови сошлись так близко друг к другу, что между ними образовались две

глубокие складки.

– Где проживаете?

– Деревня Лаерд.

– Это Йорское воеводство или Хельмское?

– Йорское.

– Распишитесь здесь, – монах повернул книгу к Эйнару и протянул перо.

– Расписаться?..

– Если не знаете грамоты, то поставьте крестик. Да. Вот здесь. Славно. Проходите вон в ту дверь.

Эйнар пересёк внутренний двор и зашёл в здание, примыкающее торцом к Дому. Огромный камин, в котором можно было зажарить целого медведя, не горел, поэтому внутри гуляла прохлада. Факелы на стене разгоняли полутьму и немного согревали воздух.

На другом конце комнаты, напротив входа, за длинным столом, восседал страж. По бордовому плащу Эйнар догадался, что он принадлежал к одному из высших рангов.

Страж был младше Искателя и выглядел, как настоящий воин: поджарый, широкоплечий, с квадратной челюстью и нависающими бровями. Перед ним переминался с ноги на ногу толстый мальчик. От волнения его руки и шея покрылись красными пятнами.

Заметив Эйнара, страж кивнул на лавку у стены. На ней уже сидело несколько человек разного возраста и сорта. Эйнар примостился за щуплым лопоухим мальчишкой.



– Чем занимается твоя семья? – спросил монах у толстого мальчика.

– Ну... э-э-э... мы пекари.

– Пекари, – ядовито хмыкнул монах. – Оружием, значит, не владеешь?

Мальчик сглотнул и покачал головой.

– Пс-с-с, – тихо свистнул лопухий мальчишка.

Эйнар вначале не понял, что обращаются к нему, поэтому не никак не отреагировал. Краем глаза заметил, что сосед активно шевелит бровями, резко поднимая их и выпучивая глаза.

– Ты мне? – шепотом поинтересовался Эйнар.

– Ну. Тебе-тебе. Как тебя зовут?

– Эйнар.

– А меня Бориль, – мальчишка протянул руку для рукопожатия.

– Ты тоже в рекруты? – Эйнар пожал ладонь.

– Ага-ага, – затряс головой мальчишка. Волосы грязно-белого цвета разметались и полезли в глаза. Бориль убрал их тыльной стороной ладони.

Он напоминал воробья: маленький, щуплый, растрёпанный. Но несмотря на это, Эйнар чувствовал, что мальчишка опасен.

– Ты откуда? Я из Римма.

– Это где?

– Это к западу от Хельма и ближе к границе с Хитенским

королевством.

– Далековато! – присвистнул Эйнар.

Получилось достаточно громко. Страж бросил на него сердитый взгляд и пригрозил пальцем.

– Прошу прощения, – прошептал Эйнар и на всякий случай отодвинулся подальше от Борилля.

– Следующий, – громко произнес страж, отдавая толстому мальчишке скруток бумаги.

Поднялся долговязый парень лет семнадцати.

– Имя, фамилия!

– О..о..орн.... Т...т...торвид.

– Так, а ты откуда? – Бориль пододвинулся поближе и ткнул Эйнара локтем в бок.

– Лаерд.

– Мг, – кивнул сосед, словно знал, где находится деревня. – А ты чего решил в Видящую стражу поступать? Тоже замучали голод и нищета?

– Э-э-э.. нет, – Эйнар опешил от такого предположения. – У меня отца иллиды убили, и я хочу отомстить. Да и я согласен со многим, что проповедует Всевидящий: элады и магия зло. От неё все наши беды, поэтому её нужно выкорчевать из наших земель, как гнилое дерево.

– Как всё возвышенно! – рассмеялся Бориль, рассматривая потолок. – А у меня всё просто. Голод и нищета вынудили податься в Стражи. Говорят, что здесь рекрутам будут платить аж по три Сольт каждые десять дней. Я смогу отсы-

лать их родителям и сестрам. Да и рекрутов обязаны сытно кормить. Так что, надеюсь, голодные дни останутся позади.

– Следующий, – объявил страж.

Бориль подскочил и подошёл к столу.

– Имя, фамилия.

– Бориль Тэрн.

– Где проживаете?

– То тут, то там, – хихикнул мальчишка, но, заметив суровый взгляд, осёкся. – Римм.

Перо скрипело, записывая за Борилем.

– Род деятельности.

– Выживание.

– Объясните.

– Да что объяснять. Выжил, не умер в течении дня – хорошо. А если и поел, так ещё лучше.

– Оружием владеете?

– Нет, но да. Ну, в смысле, ножом владею. Драться ещё умею.

– Не обучен?

– Получается, так, – развёл руками Бориль.

Открылась входная дверь, огонь в факелах затрепетал. Вошёл мужчина.

– А здесь в рекруты набирают? – поинтересовался он, осматриваясь.

Эйнар удивился: мужчина был староват, с морщинами-бороздами на лбу и с залысинами. Разве в рекрутов набирают

не молодых? Страж же не удивился, он лишь кивнул в сторону лавки и продолжил расспрашивать Борилия.

– Возраст?

– Тринадцать.

– Семья?

– Есть. Мама, отец-наркоман и две сестры.

– Почему хотите попасть в Видящую стражу?

– Я считаю, что из-за магии все беды на нашей земле! – воскликнул Бориль искренне и с таким чувством.

«Вот гадёныш!» – прошептал себе под нос Эйнар.

– Если бы не эллады и не их магия, проклятие бы не пришло в наш мир, наши земли бы не умерли, и мы бы жили счастливее и сытнее! – продолжил заливать Бориль. – Они зло! Я хочу победить его, сражаясь на стороне добра, и вернуть тепло и весну в наш мир.

Страж ухмыльнулся и что-то записал в книгу. Затем положил сверху лист и снова заскрипел пером.

– Рекомендации есть?

– Неа.

На несколько минут в комнате повисла тишина, было слышно лишь перо да дыхание присутствующих. Страж свернул лист, поставил печать и протянул Борилию.

– Принят. К первому дню Снега прибыть в крепость Баервор на западе от Йорн-Хеля с этой бумагой. Свободен!

Мальчишка улыбнулся, обнажая кривые зубы, и двумя пальцами схватил протянутый сверток.

– Я слышал, что рекрутам будут платить по три Сольт каждые десять дней. Это правда?

Страж кивнул, а потом вновь опустил перо в чернильницу и что-то дописал в книгу.

Настала очередь Эйнара. Ему задавали такие же вопросы, как и Борилю. Всё шло гладко до тех пор, пока страж не спросил, почему он хочет попасть в Видящую стражу.

Эйнар задумался. Он не мог ответить то, что хотел. Получится, будто он подражает Борилю, а это может вызвать подозрения. Подумают ещё, что он неискренен или что-то скрывает. Нужно придумать другой ответ. Эйнар закусил нижнюю губу, почесал затылок, а потом рассказал про отца.

– Рекомендации? – поинтересовался страж.

– Вам должны прислать.

Страж удивлённо посмотрел на него.

– Мне Оратор пообещал, что отправит Вам рекомендацию.

Зашелестели страницы книги. Страж брал какие-то бумаги, заложенные между ними, быстро прочитывал и хмыкал. На одном листе он задержал внимание.

– Вот, наверное, это. Лаерд...

Эйнар кивнул.

– Принят! – возвестил страж, ставя печать. – К первому дню Снега прибыть в форт Баервор на западе от Йорн-Хеля с этим листом.

– Это всё? – поинтересовался Эйнар, забирая свёрток бу-

маги.

– Если хочешь, можешь станцевать.

Эйнар помотал головой.

– Тогда всё. Иди!

## Глава 20: Оратор

Когда Оратор вышел из зала Советов, тёмное хмурое небо разразилось дождём. Улицы в мгновение ока превратились в грязные ручьи. Деревья сгибались под резкими и сильными порывами ветра. Ослепительно сверкнула молния, вскоре за ней загрохотало и завывало. Оратор шёл домой и чувствовал, как в нём закипает раздражение. Он толком не мог сказать, почему злился. Вроде не от того, что моментально промок и в ботинках хлюпала вода. Это чувство было шире и глубже. Хотелось кричать, топтать ногами, как маленький ребенок, обвинять мир в несправедливости. Злость переполняла его, комом стояла в горле, мешала дышать, поэтому, когда Оратор пришёл домой, сразу бухнулся на колени и зашептал молитву-прошение об усмирении. После неё стало легче. Злость ещё кипела внутри, но больше не захватывала. Оратор переоделся в повседневное тёмно-коричневое платье, заварил чай, отрезал кусочек хлеба и сел у окна. Дождь барабанил по крыше, стекал каплями по стеклу.

Непогода понемногу успокаивалась: небо светлело, раскаты грома стали слабыми и глухими. Оратор натянул вязаные ноговицы, поверх – болотни (так в простонародье называли сапоги из кожи теленка с высоким голенищем), крепко перетянул их бечёвкой, накинул на плечи плащ и вышел на крыльцо. Дождь всё ещё шёл, но уже не такой стеной. Тучи

ползли на север, подобно грязным льдинам по весне.

По дороге к холмам Оратора преследовало странное чувство: возбуждение вперемешку с тревогой. Ему не терпелось начать поиски. Хотелось найти то, что прольёт свет на ночное происшествие на холмах. Нужно ещё что-то сделать с трупами иллидов. Нельзя их просто так оставить, а уж тем более закопать или выбросить. Может, показать их Прозревшему? Ведь они единственное подтверждение колдовства.

Оратор чувствовал: перед ним важное и трудное дело.

Возле холмов уже стояло несколько мужчин. Рядом с одним сидела большая рыжая собака. Она зарычала и залаяла, когда Оратор подошёл ближе.

– Фу, Айза! Нельзя! – Мужчина в меховой шапке ударил собаку по уху.

Ветер свалил обнимающуюся пару иллидов, а труп, что лежал у подножья холма, поток воды отнёс по дороге ближе к лесу и прибил к камню.

Оратор поднялся на холм, обвёл крестьян взглядом и проговорил:

– Славно, что вы собрались здесь и не убоились непогоды. Всевидящий знает про этот поступок, про вашу смелость, и он не забудет этого и одарит вас своим взглядом и уберёжет вас от злых и нечестивых взглядов.

Собака подошла к нему и обнюхала ботинки.

– Айза, фу, паскудная псина ты! Ко мне! – окликнул её хозяин.



Собака тут же затрусилась обратно и села возле ноги. Оратор смотрел на Айзу и вдруг с ним произошло нечто странное. Возникло такое ощущение, будто до этого момента его разум, подобно небу, был затянут тучами, но божественный свет снизошёл на него и разогнал непогоду. Оратор словно прозрел. Он понял, почему злился и почему ему так не нравился ливень. Он смыл весь запах колдунов. Собака теперь не возьмёт след!

Старейшины оказались хитрыми и обыграли его: завлекли на Совет, специально растягивали собрание пустыми разговорами, пока колдун вызывал непогоду! И как всё успешно получилось: ливень начался ровно в тот момент, когда закончилась встреча. И он, Оратор, попался на эту уловку, как ребёнок! От злости он скрипнул зубами, а затем почесал лоб. Ничего, он выведет всех на чистую воду!

Оратор приказал себе успокоиться и сосредоточиться на людях. Вон, с какой надеждой они смотрят, а в их напряжённых позах читалось желание действовать. Нужно только приказать, направить их, и они побегут хватать предателей и сжигать магов.

От озарения и переизбытка эмоций, Оратор немного растерялся. Все слова как будто забылись, не желали собираться в предложения, и на уме вертелось одно сплошное “э-э-э”. Оратор прошептал про себя начало молитвы, попросил Всевидящего даровать ему спокойствие, а затем облизал губы и обвёл взглядом толпу

– Сегодня мы прочедем ближайшие лес. Может, найдём какие-то... вещи колдунов. Жаль, что ливень стёр многие следы. Надеюсь, нам повезёт. Всевидящий на нашей стороне. Но давайте немного подождём, может кто-то ещё подойдет.

Люди закивали и вернулись к разговорам. Мужчина в шапке погладил собаку по голове. Кто-то закурил, и по воздуху поплыл грибной запах с лёгкими нотками копчёного мяса.

Оратор спустился с холма. Нужно было обдумать пришедшие мысли. Он опёрся спиной о дерево, которое росло за дорогой, и закрыл глаза. Непогоду вызвали специально. И в этом замешаны старейшины. Наверное, кто-то из них связан с колдунами, которые сожгли иллидов, и очень боится разоблачения. А может, даже все старейшины как-то связаны с магией. Наверняка они друг друга покрывают. Оратор улыбнулся этой мысли и отложил её на потом. Сейчас нужно заняться поисками и играть в дурачка: делать вид, что он не уловил связи между произошедшими событиями и совершенно ни о чем не догадывается.

Людей становилось больше. Подошли мужчины и женщины. Привели ещё несколько собак. Раздалось лошадиное ржание. Из-за поворота показалась бричка. Погонял лошадь молодой парень с широкими и плоскими, как у бобра, передними зубами. В пассажирах Оратор узнал лысого старейшину и старика с кучерявой бородой. Ну как же без него!

А где остальные? Скорее всего колдуют, чтобы запутать

следы и напустить туман в головы. Или опять вызывают ливень, который размочит землю и помешает поискам. Оратор сузил глаза и поклялся себе, что ни ливень, ни град, ни камнепад не выгонят его из леса. Он будет искать до тех пор, пока не наткнётся на следы колдунов. Даже если это будет ни точка. Или волосок! Кстати, у него уже есть странный чёрный волос, который обязательно нужно показать Яснослышащему!

Кучер натянул поводья и скомандовал.

– Стой! Пррр! Пррр!

Лошадь остановилась. Старейшины вылезли из брички.

– Так-так-так, – поцокал кучерявобородый и обвёл взглядом всех, кто собрался.

Оратор зло сощурил глаза и наблюдал за стариком. Тот вёл себя так, будто он руководит поисками, будто люди к нему обратились за помощью. Горькая детская обида затопила Оратора. Захотелось подбежать к этому старику, колотить по нему кулаками и кричать “моё! моё! моё!”. Обида выплеснулась в душу и превратилась в ненависть. Он уничтожит этого наглого старикашку!

– Как я понимаю, не все будут принимать участие в поисках, поэтому прошу выйти на эту сторону дороги, – кучерявобородый кивнул в сторону холмов, – тех, кто готов, а остальные пускай отойдут.

Люди стали выполнять приказ, от чего Оратор разозлился ещё сильнее. Именно он выяснил, что на холмах были колду-

ны! Именно он успокоил народ. Именно он предложил про-  
чесать лес в поиске улик. А сейчас его грубо отодвинули в  
сторону, как маленькую, незначительную сошку, присвоили  
себе все заслуги!

Оратор отлепился от дерева, поднялся на холм. Старик  
бросил на него недовольный взгляд, но продолжил командо-  
вать:

– А теперь разбейтесь на группы.... Сколько вас тут? Че-  
ловек по десять в каждой... Так, ага. Славно. Ваша группа  
обойдёт вот ту часть леса, ближе к поместью Бломов, а вы, –  
старик кивнул на другую группу. – Отсюда и до поворота на  
Ужрарк.

– Я присоединюсь к одной группе, помогу с поисками, –  
подавал голос лысый, старейшина.

Оратор сощурился. Зачем ему отправляться на поиски  
вместе со всеми? Может, у него есть какой-то скрытый мо-  
тив? Да и выглядит он как-то угрюмо и подавлено. Нужно за  
ним проследить!

– Я тоже пойду вместе с группой, – громко произнес Ора-  
тор, спустился с холма и стал рядом с той группой, которую  
выбрал старейшина.

– Я останусь здесь, – сказал кучерявобородый. – Если  
вдруг одна из групп что-то найдёт и вернётся раньше, то я  
пошлю мальчишку за второй.

Люди замешкались: кто-то стоял и смотрел на старейшин,  
ожидая указаний, кто-то уже разворачивался к лесу.

– Пред тем, как отправимся, давайте помолимся Всевидящему, – Оратор вышел вперёд. – Попросим у него помощи и защиты!

Он вытянул руки к небу:

– Бог нас Всевидящий, даруй нам силу и смелость, чтобы предстать перед лицом врага твоего и не убояться чар его....

Многие из присутствующих тоже подняли руки к небу и зашептали, повторяя эти слова. Были и те, кто достали из кармана фигурки древних богов и обращались к ним. Оратор сделал вид, что ничего не заметил. Сейчас важнее оставить последнее слово за собой. Старейшина бросил на него злобный взгляд, но не стал прерывать молитву.

– Чистый сердцем и духом прозреет. Хвала Всевидящему! – воскликнул Оратор и обвёл людей священным символом.

– Хвала! Хвала! – повторило несколько голосов.

– Пойдёмте, – воскликнул Оратор. – Да пребудет с нами его всевидящий взгляд!

– Через час встречаемся здесь, – сказал кучерявобородый и взмахнул руками, словно отпускал птиц.

Оратор вскоре пожалел, что ввязался в поиски: он вымок, вода попала в болотни и теперь хлюпала под пятками. Вдобавок ко всему, он подвернул ногу, и теперь каждый шаг отзывался лёгкой болью. Хотелось всё бросить, но нельзя этого делать. Вдруг это тоже происки колдунов? Может, так они хотят сломить его дух?! Нельзя поддаваться чарам. Нужно

продолжать поиски вместе со всеми. Да и люди воспримут его поступок как проявление силы, заботы о них. Начнут больше доверять, прислушиваться к его советам и наставлениям. Ради этого нужно потерпеть и боль, и воду в сапогах.

Собаки след так и не взяли, поэтому просто крутились рядом. В лесу не было ни намека на колдунов. Деревья. Кусты. Жухлая трава. Оратор и сам не мог понять, что они искали, но надеялся обнаружить или следы огня, как на холмах, или кусок ткани, что зацепился за ветку, или потухшее кострище, но.... Ничего. А ещё он наблюдал за лысым, пытаюсь понять его мотивы. Что он тут ищет? Не вводит ли он людей в заблуждение, пытаюсь увести всех подальше от улик? Поэтому всякий раз, когда старейшина предлагал пойти в другую сторону, Оратор потом настаивал на том, чтобы поискать и там, куда они не дошли. Вскоре люди набрали на непроходимый бурелом. Остановились.

– Я думаю, что нет смысла туда лезть, – почесал голову хозяин Айзы. – Как Вы думаете, Оратор?

– Согласен. Возвращаемся.

Оратору польстило, что спросили у него. Значит, его слово и мнение важнее.

На холмах их ждала вторая группа.

– Нашли что-нибудь? – поинтересовался лысый.

– Ничего, – развела руками одна из женщин.

– И мы тоже.

– Отдыхайте пару минут и ищите в юго-западном направ-

лении. До темноты ещё пару часов, так что успеем, – приказным тоном произнес старик с кучерявой бородой.

Люди опустились на землю. Их не смутили ни лужи, ни грязь. Все и так перепачкались в лесу с пят до головы. Некоторые достали из карманов куски сала и вяленого мяса.

Оратор не пошёл во второй раз на поиски с группой: сослался на боль в ноге. Он решил заняться трупами: попросил одного из мужчин помочь ему принести из дома сундук, достал оттуда полотна ткани. Люди боялись притрагиваться к сожжённому, вдруг на них какое-то магическое проклятие? Пришлось провести ритуал по обезвреживанию магии. Только после него несколько самых смелых мужчин и женщин помогли замотать трупы в ткань и перетянули бечёвкой. Оратор засунул их в сундук и уже собирался нести в Дом, когда увидел, что на холм выбежал хозяин Айзы. Он размахивал узелком в руках и что-то кричал, но из-за лая собаки ничего невозможно было разобрать. Вскоре на холм выбежали и другие люди. Все они выглядели взволнованными и напуганными. Когда они приблизились, Оратору удалось разобрать слова.

– Мы нашли! Нашли!

Хозяин Айзы протянул узелок, а сам согнулся, чтобы отдышаться. Старейшина положил находку на сундук, развязал. Люди окружили старика кольцом. Оратор почувствовал чьё-то дыхание на затылке, кто-то наступил на пятку. Всех съедало любопытство.

Кучерявобородый развернул ткань и тут же в испуге накинул её обратно. Оратор успел заметить лишь женское платье и жёлтые ленты для волос. находка его удивила – при чём здесь вообще женские вещи? – и встревожила. Оратор ощутил, как неприятно засосало под ложечкой.

– Что вы столпились тут, как на базаре? – возмутился кучерявобородый и попытался разогнать людей. – Здесь не на что смотреть! Это не колдуны. Так, какой-то путник потерял вещи. Ничего эдакого в них нету! Давайте, расходитесь!

Старейшина завязал узелок и зажал его подмышкой.

– Эй, ты, – обратился он к мальчишке, что ошивался рядом. – Сбегай-ка, поищи первую группу. Скажи, чтобы бросали дурную затею и возвращались. – Мальчишка кивнул и со всех ног побежал в сторону леса, а старейшина замахал руками на жителей, будто разгонял куриц на дороге. – Все идите домой! Не на что тут смотреть! Вон! Вон!

После этого он залез на бричку и дёрнул поводья.

– Но! Пошла!

Люди недолго толпились, видимо, надеялись на продолжение, но скоро начали потихоньку расходиться. Оратор попросил помочь с сундуком мужчину, крепкого на вид, несмотря на седые волосы и морщины на лице. Звали его то ли Алан, то ли Элан. Он кивнул и схватился за ручку сундука, Оратор – за другую.

– Поднимаем на счёт три. Раз. Два. Три!

От тяжести мышцы на руках начали ныть, а нога, которую



он подвернул в лесу, заболела ещё сильнее.

– Что-то мутит воду наш старейшина, – задумчиво произнёс мужчина. – Вы видели, что было в узле?

– Обычная одежда, – пожал плечом Оратор.

– Я думаю, что это одежда колдунов. Вряд ли путник бросит свои пожитки. Хотя... если его напугали, то почему бы и нет? Может, несчастный человек столкнулся с колдунами и так улепётывал, что забыл про всё на свете. Но всё равно странно.

Оратор был с ним согласен: поведение старейшины вызывало подозрение. Почему он так испугался? Нашли же женское платье и ленты для волос. Жёлтые ленты... Такие же обычно носит Алин, дочь Ивора! От этого осознания всё внутри на мгновение замерло, а потом как будто потекло в ускоренном темпе: кровь, мысли, эмоции. Неужели дочь Блома связана с колдунами? Значит, и сам войт тоже!

Тогда становится понятным, зачем нужно было устраивать липовый Совет. Старейшины покрывали Ивора. Или Алин. А может, даже обоих! Да неважно кого! Главное, что они все участвовали в сговоре. Если об этом узнает Прозревший, то... Оратор аж вспотел от открывающихся для него перспектив. Если он вскроет шайку, докажет, что войт Ларда связан с колдунами, то Оратора повысят в сане, может, возведут до Слышащего или Прозревшего! Облачат в жёлтое одеяние. И он будет вести службу в Великом Доме, и его проповеди будут влиять на жизнь города или даже всего кня-

жества! Оратор так сильно погрузился в мечты, что перестал чувствовать и напряжение в мышцах, и боль в ноге и не заметил, как подошли к дверям Дома.

Вместе с Аланом (или Эланом) они занесли сундук в келлию.

– Благодарю тебя за помощь. Я буду молиться Всевидящему о здоровье твоей семьи, – проговорил Оратор, надевая кольцо со священным символом.

– Хвала Всевидящему, – ответил мужчина и поцеловал кольцо.

Когда Алан ушёл, Оратор со всех ног бросился на второй этаж келлии. Там стоял шкаф, в котором хранились служебные одеяния и комод. На одной из полок Оратор нашёл жёлтый лист бумаг, перо, чернильницу, печать, свечу и сургуч. Голуби в клетках радостно захлопали крыльями, но Оратор шикнул на них и сразу сел за письмо. Он подробно описал всё, что произошло утром и днём. Не забыл упомянуть про найденный волос, а затем поделился подозрениями относительно совета, старейшин и войта.

*«Вы не представляете, многоуважаемый Прозревший, какое гнездо зла нашло приют в этом Богом забытом месте. Сам войт, поставленный нашим великим князем, и его дочь имеют тесные связи с колдунами. Могу даже предположить, что они сами занимаются колдовством! Это объясняет, почему Ивор Блом так сильно не желал, чтобы в Лаерде построили Дом.*

*Смею Вас просить с должным вниманием отнестись к моему письму и принять срочные меры, пока пособникам магов не удалось скрыться и замести следы своих преступлений. Я прошу прислать в Лаерд Прозревшего для сбора необходимых улик и ареста колдуна Ивора и его дочери Алин. Со своей стороны, я обещаю всячески содействовать расследованию, а также предоставить неопровержимые доказательства их вины.*

*Низко склоняюсь перед Вами и  
открываю своё сердце*

*перед Всевидящим,*

*чтобы он видел, что я чист перед ним*

*и наполнен светом его взора.*

*Оратор Лаерда Дариан Кодд».*

Оратор свернул письмо, расплавил сургуч, вылил его на край листа и поставил сверху печать с символом Ока. Затем достал из клетки одного из голубей, привязал письмо к лапке и выпустил птицу через окошко на пьедестале.

## Глава 21: Проповедь

Вечер Оратор провёл в ожидании, что его вызовут на Совет. В глубине души теплилась робкая надежда, вдруг он ошибается в своих предположениях насчёт старейшин и их связях с колдунами. Если вызовут на Совет, покажут найденные платья и обличат их владелицу, то, возможно, старейшины не виноваты. Но за Оратором никто не явился. Он специально допоздна находился в Доме. Ведь если будут искать, то в первую очередь заглянут сюда.

Разошлись последние прихожане, осталась лишь Берта, которая чистила каменный алтарь от воска. Оратор мерял шагами келлию, поднимался на второй этаж и выглядывал в окно, не идет ли кто. Затем спускался, выходил в зал для молитв.

– Берта, меня кто-то спрашивал?

– Нет, – отвечала девушка, не отрываясь от работы.

Вскоре и она ушла домой. Оратор слышал, как заскрипела, открываясь и закрываясь, входная дверь. Он вышел на пьедестал. Дом пустовал. Свечи и благовонья не горели. Было в этом нечто и пугающее, и умиротворяющее одновременно. Оратор выглянул в окошко.

На улице сгустилась ночь. Тучи, подобно мешковине, закрывали небо. Сквозь них тускло светили небесные линии.

Оратор наблюдал за тем, как из трубы дома напротив под-

нимается дым, и вдруг ощутил, как та слабая вера в собственную ошибку чадит и исчезает. Всё-таки старейшины покрывают друг друга и колдуна. И это не просто какой-нибудь захудалый колдун. Сам войт связан с магией! Ивор или его дочь... А может, даже вся их семейка!

Ноги стали ватными, на грудь будто камень положили. Оратор нащупал стул и опустился на него. Мысли прыгали, как бешеные кони. Чтобы успокоиться, Оратор закрыл глаза и зашептал молитву.

Всевидящий, Бог истинный и единственный,  
Утихомирь во мне бурю и страсти,  
Даруй мне, Всевидящий, спокойствие и трезвый ум,  
Чтобы лучше видеть и быть проводником твоего божественного взгляда.

Что делать дальше? Оратор почесал пальцем подбородок. Старейшины в сговоре с Ивором и они намерены скрыть находку. Но он этого не позволит! Он докопается до истины!

На следующее утро, едва Сангар начал разгораться, Оратор оделся и направился к дому Советов. Он надеялся, что застучает старейшин за тайным совещанием, но в окнах не горел свет, а двери были заперты.

Серела и наполнялась светом темнота. Птицы запели, встречая новый день. По улице прокатилась запряжённая телега. Крестьянин кивнул Оратору и тронул поводья. Где-то скрипнула дверь. С шумом вылилась вода. Закудахтали куры.

Оратор посмотрел на аллею из ёлок, которая вела к дому войта, и задумался. Помимо старейшин, он же тоже может созывать Совет. Точнее, попросить о созыве. И он воспользуется этим правом. На Совете потребует объяснения от старейшин по поводу находки и их поведения. Пускай только попробуют ему отказать! Он всё-таки не обычный крестьянин. Он тоже обладает властью!

К сожалению, Оратор так и не запомнил, где жили старейшины. Никогда этим не интересовался. Берта как-то рассказывала ему про дом одного из старейшин. Чем-то восхищалась. Оратор ходил по площади вокруг колодца, пытаясь вспомнить тот момент.

Так, так. Берта тогда находилась дома и месила тесто для хлеба. А он, Оратор, в это время работал над проповедью, и разговоры девушки очень мешали, сбивали с мыслей. О чём тогда она болтала? Вроде восхищалась тем, какие красивые наличники Ароним себе установил.

– Там и жар-птицы, и олени с большими рогами, и переплетение диковинных трав и узоров, – выплыл из памяти голос послушницы. – Загляденье просто! Я специально мимо его дома порой прохожу, чтобы полюбоваться.

Оратор задумался. Где-то он видел такие наличники. Точно! Он знает, где находится дом Аронима.

Дверь открыли сразу, едва он постучался. Будто ждали. На пороге стояла жена старейшины в светло-сером платье с расписными подолом и рукавами. Волосы падали на плечи и

казались не расчѣсанными. Глаза были красными и опухшими. Она плакала, но из-за чего? Связано ли это со вчерашним происшествием?

Женщина сначала обрадовалась, но затем нахмурилась и недовольно, даже с вызовом посмотрела на Оратора. Сложила руки на груди. Она явно ждала кого-то другого.

– Ера, доброго утра Вам! – торжественно произнес Оратор, будто разговаривал со старой знакомой.

– С добрым, – сухо ответила она.

– Ера, мне нужно поговорить с вашим мужем Аронимом.

– Он сейчас не дома. Я могу передать ему, что Вы заходили.

– Нет, не стоит! – махнул рукой Оратор и улыбнулся. – Не подскажите, где его можно найти?

– Он вроде отправился к Калиму.

Оратор нахмурился. Старейшины ведут какие-то тайные, подозрительные беседы. Все может быть хуже, чем он думает!

– Благодарю Вас, Ера! Пусть сопутствует удача Вашей семье.

– Спасибо, – улыбнулась женщина и слабо кивнула.

– Не подскажите, где находится дом Калима?

Он жил рядом с таверной. У него был богатый дом с высоким крыльцом, украшенным резными колоннами, будто здесь жил магнат. Оратор толкнул калитку, пересѣк двор и стал подниматься по лестнице. Дверь в сени была приоткры-

та и из-за неё раздавались голоса. Оратор замер на предпоследних ступенях и прислушался.

– Я поэтому и отправился со всеми прочёсывать лес, в надежде его найти! – раздался низкий голос Аронима.

– А ты уверен, что он заблудился в лесу? – поинтересовался громкий и твёрдый голос Калима, старейшины с кучерявой бородой, который любил одеваться в белоснежный тулуп.

– Я не знаю, в чём быть уверенным. В деревне Эрна нет! Он как сквозь землю провалился! – ответил Ароним злобно, а затем немного помолчал и добавил уже тише: – Ера всю ночь плакала. Да и я себе места не нахожу.

– Неужели ты думаешь, что Алин и Эрн...

– Я не знаю.

От удивления у Оратора глаза на лоб полезли. Значит, в магических делах замешаны их дети, а не только войт с дочерью. Дело приняло весьма интересный оборот. Оратор наклонил голову сначала в одну сторону, затем в другую, словно переключал мысли, а потом выставил перед собой руки и выдохнул. Нужно собраться и не подавать вид, что он знает их тайны. Оратор спустился с крыльца, а затем снова поднялся, но уже громко стуча каблуками по ступенькам. Голоса тут же замолчали, на крыльцо вышел Калим. Он был одет в простые штаны, длинную рубаху, расшитую на груди узорами. На плечи старейшина накинул рыжий кожух. Увидев Оратора, кучерявобородый скрестил руки на груди.



– Зачем пожаловали? – нахмурился старейшина.

– Я пришёл просить созвать Совет, – отчеканил Оратор.

– По поводу? – язвительно поинтересовался кучеряводородый.

– По поводу находки в лесу. Если Вы не помните, то мы обнаружили женские платья, которые, вне всякого сомнения, принадлежат Алин. И я, и народ требуем объяснений!

– Вы не в праве что-либо требовать! – воскликнул Калим. – Вы всего лишь Оратор. Вы отвечаете за религию и веру, а политика – не вашего ума дела! Мы сами разберёмся с тем, что нам делать! А теперь убирайтесь отсюда! – Калим указал пальцем на калитку.

Гнев старейшины, его желание скрыть находку ещё раз подтвердили опасения Оратора, поэтому в келлии первым же делом он достал лист бумаги и перо.

*«Многоуважаемый Прозревший!*

*Отправляю Вам вдогонку ещё одно письмо, так как события развиваются стремительно. В предыдущем я упоминал о том, что Ивор и Алин связаны с колдунами и магией. С великим прискорбием и ужасом я вынужден сообщить, что богохульными делами занимаются еще старейшины и их дети!*

*Я даже боюсь предположить, насколько глубоко в Лаерд проникла магическая зараза.*

*Смею Вас просить отправить сюда тех, кто сможет разобраться в том, что здесь происходит и найти управу*

*на пособников колдунов. Со своей стороны, я обещаю всячески содействовать расследованию.*

*Низко склоняюсь перед Вами и открываю своё сердце*

*перед Всевидящим,*

*чтобы он видел, что я чист перед ним и наполнен светом его взора.*

*Оратор Лаерда Дариан Кодд».*

Оратор свернул лист, поставил печать и достал из клетки последнего голубя.

– Лети, мой хороший. Лети!

Птица взмахнула крыльями и растворилась на фоне небесной серости. Оратор спустился на первый этаж, разжёг огонь, положил сверху стальной лист, так, чтобы он закрывал половину чаши, поставил на него котелок с водой. Берта оставила на столе свёрток. Внутри лежали кусок полендвиги, два варёных яйца и несколько ломтиков хлеба.

После завтрака Оратор заварил себе чаю и с кружкой в руках поднялся на второй этаж келлии. Дверь, ведущая на пьедестал, была приоткрыта. В канделябрах горело несколько свечей. Оратор смотрел, как трепетало их пламя, и думал о том, как же велик и мудр Всевидящий. Он знал, что в деревушке, спрятанной в лесу, разрастается и крепнет зло, поэтому Он привел сюда Оратора, чтобы изобличить магию и выгнать её из этих земель. Теперь он, Оратор, в войне с колдунами. Это ответственная миссия! И он не должен её про-

играть! Только воевать он будет не огнём и мечом, а словом.

\*\*\*

На вечернюю службу пришло так много прихожан, что все не поместились, поэтому некоторые стояли за дверями. От десятков голосов Дом гудел, подобно улью, но когда Оратор вышел на пьедестал, то все замолчали и посмотрели на него. Ждали. Казалось, даже не дышали. Под этими взглядами Оратор ощущал себя, подобно Богу.

Он осмотрел паству и заметил много новых лиц. Среди них Оратор узнал тех, кто не проявлял интереса к новой религии и даже выступал против.

Берта добавила несколько капель масла в чашу благово- ний. Вскоре Дом наполнился запахом можжевельника с легкими нотками лимона. Оратор вдохнул, и ему показалось, что вместе с ним сделали вдох и прихожане.

– Магия процветала на землях элладов. С её помощью менялась суть вещей: вода превращалась в стекло, оживали статуи, кареты ездили без лошадей, и происходило много чего удивительного и пугающего, – произнёс Оратор и замолчал.

Люди не ожидали, что он будет восхвалять магию, поэтому смотрели с подозрением и возмущением. Оратор растягивал паузу, чтобы эмоции прихожан достигли накала, а затем добавил громким, осуждающим голосом.

– За это элладам пришлось расплатиться собственными душами. Магия разъезла внутри всё доброе и светлое! Сделала их сердца чёрствыми и наполнила гордыней. Всемогу-

щество опьянило элладов, и они возгордились, стали считать себя равными Богам. В надежде занять их место короли элладов собрали войско и двинулись к Сангару, – Оратор опять замолчал и продолжил громким полушёпотом, скользая взглядом по прихожанам, затем поверх их голов, по стенам Дома, к самым сводам. Он хотел показать, что обращается не только к прихожанам, а к самому Всевидящему, рассказывает ему о трудной человеческой доле: – Но мы знаем, чем всё закончилось. Мы видим последствия этой гордыни: Древние Боги ушли, мир сковала вечная зима. Мы медленно умираем! С каждым годом холода приходят всё раньше и становятся всё суровее. Всё реже дети зарождаются во чреве, а если и зарождаются, то появляются на свет хилыми, болезненными и с уродством, – Оратор нахмурился, уцепился за перила и посмотрел вниз. Он старался поймать взгляд каждого пришедшего, чтобы тот думал, что обращаются лично к нему. – За гордыню элладов расплачиваются наши дети и внуки! Нравится вам это? – Народ неодобрительно зашумел. – Я не уверен! Выбрали бы вы себе такое будущее, если бы могли? – И снова люди возмутились. Оратор услышал даже несколько чётких «нет» и «никогда». – Вы правы. Никогда! Этот выбор сделали за нас. Там, далеко на юге, кучка жалких королей, чьи сердца были насквозь пропитаны гордыней, погубили не только свой народ, но отняли будущее у наших детей!

Оратор замолчал. Люди, опьянённые словами и можжеве-

ловым запахом, возмутились, кричали, топали ногам.

– Да как они посмели!

– Мерзкие элады! Я готов голыми руками ломать им шеи!

От толпы исходило такое напряжение, что, если раздать всем топоры и вывести эладов, их порубят на мелкие кусочки. Оратор сделал глубокий вдох и поднял руки. Люди успокаивались. Ропот затихал.

– Да, тогда у вас не было выбора, но сейчас он есть! Вы можете выбрать освобождение от проклятия. Выбрать весну, тепло и здоровье для своих потомков!

Люди опять зашумели, но уже одобрительно.

– Всё это нам дарует новый Бог – Всевидящий, – Оратор вытянул руки над толпой, будто держал что-то, а затем резко убрал их. – Но прежде, чем передать этот дар, он хочет убедиться, что новый мир не постигнет та же участь. Для этого мы должны прогнать магию из своих земель, из своих сердец и душ!

Оратор замолчал и строгим взглядом обвёл толпу. Та молчала и словно боялась пошевелиться.

– Но вместо того, чтобы изо всех сил тянуться к свету, вместо того, чтобы выбирать лучшее для своих детей, многие до сих пор прельщаются магией и тем могуществом, что она даёт. Они открывают свои сердца злу и растягивают внутри себя гордыню, древо разрушений! – воскликнул Оратор и ударил кулаком по перилам. – И пока есть такие люди, никто из

нас не будет в безопасности. Поэтому мы должны отвечать не только за себя, но и за родных, и за своего соседа! Если мы закрываем глаза на то, что творится рядом, если позволим соседу заниматься магией, то мы тоже помогаем злу! Помогаем ему жить и распространяться на наших землях!

Люди зашумели и стали поглядывать друг на друга. Оратор позволил этой подозрительности немного побурлить и разрастись, а затем продолжил милым голосом:

– О, не стоит подозревать тех, кто сейчас здесь. С нами. Это либо праведные люди, либо те, кто решил стать на праведный путь. И Всевидящий поможет вам укрепить веру и защитить души, избавит от зла в сердце и наполнит его светом! Обратите внимание на тех, кого здесь нет, и задайте себе вопрос: «Почему они не с нами? Что они скрывают? О чём молчат?» Готовы ли мы потакать им в этом молчании и покрывать их грех? Готовы ли мы расплатиться за это своим будущим и будущим своих детей?

– Нет, – раздался хор голосов.

– Помните, магия – это зло! И как бы ни прельщало вас то могущество, которое она даёт, всё, в итоге, обернётся разрушением! Иначе быть не может! Но если вы чувствуете, что вам сложно противостоять злу, вспомните: вы не одни. С вами Бог. Откройте ему свои сердца и попросите о защите, и он искоренит зёрна гордыни и не даст свернуть с правильного пути, с пути, ведущего к свету и теплу. Хвала Всевидящему!

– Хвала! Хвала! – подхватили прихожане.

Оратор осенил себя священным знаком, и все повторили за ним.

– А теперь помолимся и попросим укрепить нашу веру!

Люди вставали на колени и выгибались в молитвенных позах, открывая своё сердце и глаза Богу.

– Бог наш Всевидящий, я стою тут перед тобой, беззащитный в своих помыслах и поступках, и отдаю себя под защиту твою, и прошу тебя о милости.

## Глава 22: Мириам

Девочка лет десяти присела на скамью рядом с мальчиком чуть старше неё.

– Привет. Меня зовут Айла, – она протянула руку. – А тебя как?

– Адам Мортен, – мальчик откинул с глаз прядь волос и пожал ладонь.

– Я сегодня за тобой присмотрю, пока тётя Хельга будет заниматься своими делами.

– Я уже взрослый и сам могу побыть один!

– Конечно взрослый, – потрепала его по волосам Хельга, – но Айла будет тебе помогать, да и вдвоём веселее как-то.

Адам почесал ухо и кивнул.

– Айла, не забудь про чугунок в печи. Я поставила кашу томиться и...

Пока мама наставляла девочку, Мириам села на лавку у двери, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Перед внутренним взором тут же всплыли сгоревшие трупы илидодов. По телу прокатилось отвращение. Затошнило. Воспоминания о том дне были странными.

Утро запомнилось в мельчайших подробностях. Оно начиналось как обычно. Проснулась. Расчесала волосы. Одевалась. Умылась остатками воды в ведре у печи.

Сейчас Мириам готова была поклясться, что едва открыв



глаза, ощутила странное тревожное чувство: будто каменная плита придавила грудь. А может, она всё это придумала, чтобы хоть как-то отделить тот день от всех предыдущих.

Мириам подбросила дрова в печь, закрыла заслонку и посмотрела на пустое ведро. Нужно принести ещё воды. С этими мыслями она вышла на улицу, чтобы взять коромысло, и словно попала в другой мир. Люди бежали в сторону площади. Многие на ходу застёгивали тулупы и завязывали платки. Какая-то девушка, опираясь на забор, рыдала, как на похоронах.

Поток страха, паники и истерики подхватил её и потащил за собой. Сопротивляться ему совершенно не было сил. Она добежала до площади, обошла колодец и направилась к холмам. Народу становилось всё больше. Поток, что нёс её через деревню, собрался в водоворот, бурля от людских всхлипов, тихих разговоров и тяжёлых вздохов.

– Извините, – бросила Мириам человеку, которому наступила на ногу. – Прошу прощения.

Она пробралась сквозь толпу поближе к холмам и замерла. Время, которое до этого текло быстро-быстро, замедлилось. Один из трупов лежал почти возле дороги, а ещё двое стояли, обнявшись, чуть выше на холме. Мириам так долго рассматривала мёртвых иллидов, что, казалось, запомнила всё до мельчайших деталей. Покрытая волдырями чёрная кожа. Белая кость. Серые, все в саже, зубы.

От воспоминаний затошнило, но тогда, там, на дороге Ми-

риам не испытала ничего, словно она превратилась в дух.

– Спокойно! Без паники! – раздался голос Оратора. – Что у вас тут случилось? Дайте пройти!

Невидимая стрелка мировых часов, которая лениво переползала от одной минуты к другой, дёрнулась, и время снова потекло в обычном темпе. Мириам пошатнулась. Перед глазами всё поплыло. Кто-то подхватил её. Не дал упасть.

Пришла она в себя под деревом, которое росло за дорогой. Перед глазами всё троилось, а голова напоминала колокол. Внезапно перед ней появилась рука с флягой.

– На, выпей, – произнёс хриплый мужской голос.

Мириам вытянула руку, но пальцы сжали пустоту.

– Так, давай помогу.

Флягу поднесли к её рту. В ноздри ударил резкий запах виски. Он немного привёл её в чувства: мир перестал тротиться, и звон в голове смолк. Перед ней на корточках сидел полный, немолодой мужчина с седыми волосами. Мириам сделала глоток, и огненная жидкость сжала горло.

– Не-не, – сказал мужчина. – Давай, глотай.

Мириам проглотила сквозь силу, зажмурилась и шумно выдохнула.

– Убийственное пойло, но на ноги поставит.

Он оказался прав. Мириам чувствовала себя лучше, свежее и бодрее. Правда, желудок долго не продержался. Вырвало.

– Извините, – пролепетала Мириам, вытирая рот. Она бы-

ла готова умереть со стыда.

– Это нормально. Ты же девчонка, – расхохотался мужчина. – Как себя чувствуешь?

– Хорошо. Спасибо, что помогли, и ещё раз извините.

Мириам поднялась и пошла к холмам. Она старалась не бросать взгляд на трупы, поэтому смотрела то на лес, то на небо, то на Оратора. Тот с задумчивым видом осматривал, трогал деревья, траву, что-то шептал себе под нос. Люди, как замороженные, наблюдали за ним. Она тоже. Она, как и все, ждала ответа. Ждала, что Оратор сейчас всё расскажет, расставит по своим местам. Странно, он ей никогда не нравился. Его широкие хищные брови и стального цвета глаза пугали, но сейчас она смотрела на него, как на защитника, и с нетерпением ждала объяснений.

Наконец-то, он спустился к людям.

– Пока мы спали, пришла беда! – громко произнес Оратор, окинув людей внимательным взглядом.

В толпе кто-то ахнул. Раздался шёпот, в котором Мириам уловила слова молитвы.

– Колдуны прошли по нашим землям!

Его слова всколыхнули воспоминания, которые она старалась запрятать глубоко-глубоко и никогда с ними не сталкиваться.

Колдуны? Ни Аргон ли? Мириам содрогнулась от предположения. Горло сжалось, чтобы удержать рвущийся наружу ужас.

В толпе она увидела маму.

– Мамочка, – всхлипнула Мириам и бросилась к ней, уткнулась в ключицу.

Мама её крепко обняла и погладила по волосам. От мамы пахло горечью, хвоей, древесной смолой, щами и чем-то пряным. И если хвоя и щи могла выветриться, то вот аромат пряностей – никогда. Запах мамы. Мириам вдыхала его и чувствовала себя снова маленькой девочкой, защищённой от всех бед и несчастий. От этого её тело словно наполнялось новыми силами.

– Как ты, доченька?

– Получше, – всхлипнула Мириам.

Оратор ещё говорил про то, что они должны быть сильными, должны противостоять злу, но Мириам слышала лишь отдельные слова. Она всё никак не могла отогнать мысли, что в произошедшем виноват Аргон.

– Доченька, что-то ты побледнела. Пойдём отсюда.

Она позволила матери себя увести. Всю дорогу они молчали. Душа Мириам разрывалась от противоречивых чувств. Она была уверена, что в произошедшем виноват Аргон, но верить в это не хотелось.

«Он точно колдун! – отчеканил внутренний голос. – Виъен говорила, что на нём элладские заклинания, даже упоминала какую-то академию. Косу даю на отсечение, что там учат колдовать!»

Мириам захотелось закричать от отчаяния. Почему она не

поверила брату?! Оказывается, он был прав!

Но что теперь делать?

Мысли метались в голове, будто запертые в клетки звери. Она ненавидела тот момент, когда встретила Аргона, когда спасла его и привела в дом. Лучше бы этого с ней никогда не происходило. Жила бы себе спокойно и ни о чём не волновалась! Жаль, что нет ножниц, которыми можно вырезать события из прошлого!

А что, если избавиться от Аргона и забыть всё, что с ним связано?

Эта мысль принесла успокоение. Мириам вздохнула полной грудью, ощущая, как к ней возвращается трезвость мышления. Нужно уговорить родных спровадить Аргона, только сделать это крайне аккуратно, чтобы никто ни о чём не догадался. Будет странно, если она начнёт настаивать на том, что гость должен уйти, хотя до этого столько дней носилась, заботилась о нём. Мириам закусила губу, пытаясь придумать ситуацию, в котором её решение выглядело бы нормальным и естественным.

Мама присела на скамейку возле забора у одного из домов и позвала к себе Мириам.

– Давай присядем, доченька. Поговорить нужно, – мама оглянулась, чтобы убедиться, что их не подслушивают. – Чует моё сердце, сегодняшнее событие может затронуть нас очень сильно. Оратор же объявил, что в произошедшем виноваты колдуны, а у нас живёт Аргон, – окончание фразы

мама прошептала очень тихо. – И если начнутся поиски колдунов, и его найдут, то его обвинят во всём этом. А заодно и нас, так как помогали ему. Понимаешь, о чём я?

Мириам кивнула и поджала губы. Мама посмотрела на неё долгим печальным взглядом.

– Сейчас мы должны быть очень осторожными. Мы обязаны быть в курсе всех событий и слухов. Ты, доченька, общайся с людьми, узнай, кто о чём думает. Походи на службы в Дом, послушай проповеди. Нам нужно знать, какой шаг сделает Оратор.

– Хорошо.

Мама повернулась к ней и выкрикнула прямо в лицо:

– Мириам

От удивления, Мириам дёрнулась и поняла, что зовут её в реальности. Она разлепила глаза. Зевнула.

– Видимо, я уснула, – виновата пролепетала Мириам, поднимаясь. – Ну что, пойдём?

Мама затянула концы платка сзади на шее и кивнула.

На улице стояла морось. В её пелене деревья и дома теряли очертания, как в густом тумане. Вскоре Мириам почувствовала себя так, будто её по самую макушку завернули во влажную ткань, которая мешала двигаться и видеть.

– Что ты разузнала, дочка? – поинтересовалась мама, когда они отошли от дома Мортенов.

– Ну, при поиске колдунов в лесу что-то нашли, правда, старейшины всё как-то замяли. Хотя ходят слухи, будто

нашли платье Алин, – Мириам протёрла глаза. – Мам, как ты думаешь, неужели Бломы могут быть связаны с колдовством?

В пелене мороси появился силуэт запряжённой лошади. Мириам и Хельга сошли на обочину, пропуская.

– Ох, не знаю, что и сказать. Я слышала, что родители Ивора были простыми крестьянами, а он вон как выбился. Возможно, без магии тут не обошлось.

Чёрный запряжённый конь медленно прошёл мимо. На телеге сидел человек, согнутый, как неумело забитый гвоздь. Мириам и Хельга не узнали, кто это, но всё же поздоровались. Извозчик никак не отреагировал, лишь взмахнул поводьями.

– Это хорошо, что подозрение пало на девчонку Бломов. Теперь люди будут внимательнее присматриваться к ним, а не к нам, – сказала Хельга полушёпотом, когда лошадь с повозкой отъехали подальше. – Может, ещё ходят какие-нибудь слухи? Или Оратор на проповедях что-то говорил?

– Он вообще разошёлся! – воскликнула Мириам. – Постоянно намекает, что Ивор связан с колдунами, и что его ждёт наказание!

– А это плохо, – Хельга приподняла полы юбки и переступила через лужу. – Не знаю, как там всё устроено, но если Оратор обвиняет Ивора в колдовстве, то он обязан об этом сообщить... тем, кто выше по званию. Скорее всего, они приедут в деревню и будут разбираться в том, что на са-

мом деле произошло. И как бы у нас не нашли Аргона.

Мама остановилась, тяжело вздохнула и посмотрела на Мириам.

– Доченька, не хочу тебя расстраивать, но мы должны попрощаться с Аргоном. И лучше сделать это, пока водоворот событий не утянул нас на дно.

От её слов у Мириам закружилась голова, а ноги будто превратились в тонкие свечки. Задрожали и подогнулись. Мама вовремя подхватила её под локоть.

– Ты как?

– Нормально, – пискнула Мириам, стараясь отдышаться.

Как же она рада, что мама сама предложила спровадить Аргона. Больше не нужно об этом думать самой и бояться, как бы это предложение не показалось странным.

Мама, видимо, неправильно истолковала её чувства, потому что произнесла утешающим голосом:

– На такой шаг сложно решиться, но необходимо. Мы и так сделали для Аргона всё, что могли. Приютили, обогрели, выходили. Больше мы ему ничем не можем помочь, – мама замолчала ненадолго, а затем почесала верхнюю губу, сделала глубокий вдох и продолжила: – Когда-нибудь нам пришлось бы с ним попрощаться. Не сегодня, так через несколько дней. Не может же он вечно жить у нас.

– Я понимаю, – Мириам решила подыграть и шмыгнула носом, словно сдерживала слезы.

Мама взяла её за руку и крепко сжала ладонь.



– Он взрослый мальчик. Справится. Тем более он уже полностью выздоровел. Всё будет хорошо. Не переживай.

– Я буду молиться за него.

– Боги услышат тебя, и помогут Аргону.

## Глава 23: Дурные вести

Ивор долго не мог заснуть: всё думал о разговоре с Раддами. Прокручивал его сотни раз, придираясь к каждой фразе. Слишком рано он перешёл к просьбе денег и свадьбе Алин с Якобом. Нужно было ещё поиграть словами, эмоциями.

Неужели он надеялся, что Оскар не раскусит его игру? Может, с другим войтом всё бы получилось, но Радд требовал более тонкого подхода. Ивор почувствовал себя невероятно глупым. Как же он мог так опростоволоситься?! Эти мысли разгоняли сон похлеще любого бодрящего напитка. Ивор вылез из постели и подошёл к окну.

В ночной темноте чёрными тенями вырисовывались деревья. Они напоминали застывшие кошмары. Казалось, моргнёт, и карликовая сосна превратится в растрёпанную кикимору, что с гоготом будет плясать на лужайке. Ивор вспомнил, как в детстве подобными страшилками его пугала мама. Она любила ему рассказывать разные ужасы. То про нечистиков, притворяющихся деревьями или камнями, то про злой дух Мороза, который замораживает насмерть заблудившихся в лесу, то про Мару, что сводит с ума людей, которых встречает ночью на своём пути. Зачем она так делала, Ивор не понимал. Он был послушным мальчиком, не сбегал после темноты на танцы, не пробирался в комнаты девушек, как другие мальчишки. Ивор всегда смеялся над её рассказами,

считая их всего лишь сказками. И никогда не представлял, что кикимора обернулась деревом. По крайней мере, до сегодняшнего вечера. Что ж его сейчас так пробрало?

Ивор тряхнул головой, отгоняя глупые мысли, и вдруг разозлился.

Зря Оскар не согласился на его предложения! Ему, видите ли, не хочется рисковать своим положением и делами, но разве он не понимает, что меч Пророка висит над его головой ниже, чем он думает? За год, два Лим усилит и укрепит свою власть и начнёт расправляться с неугодными. И тогда Радды потеряют не только свои мануфактуры, но и жизни! Неужели они этого не понимают?! Ивор ударил ладонью по стене. Звук получился резким и звонким. Да, всем хочется жить в мирное время, но не замечать очевидных вещей – это глупо! Сейчас самое время дать бой этой религиозной заразе, пока она не разрослась и не набралась сил.

Небесные полосы разгорались, будто по ним пустили свет. Так же в Иворе разгоралась решительность. Он нахмурился и сжал пальцы в кулак. Пока есть время, он докажет Оскару, что в стороне отсидеться не получится!

Постепенно злость уходила, подобно грозovým тучам, что, отгрохотав, вновь превращаются в пушистые облака. Ивор вернулся в постель и уснул. Ему снилась погоня, всадники в чёрных плащах и со знаком Око на забралах. Ему снились Радды, одетые в изорванные крестьянские платья. Они прятались в землянке в лесу, и Оскар корил себя за то, что тогда,

несколько лет назад, проявил слабость, не дал бой Пророку и его религии, а позволил ей разрастись, набраться сил.

«Я тебе говорила, что нужно было слушаться Блома, – злобно шипела Магда, прижимая к себе двойняшек. – Но ты решил не спешить. Подождать. Ну что, дождался?»

Сон, такой яркий и красочный, понемногу бледнел и заполнялся пением птиц, ароматами пирогов и теплом на правом веке, от которого становилось щекотно, будто ползала муха. Ивор попытался смахнуть её, но лишь ударил себя по носу и проснулся. Который час? В комнате было светло, как днём. За дверьми раздавались тихие шаги и негромкие голоса прислуги. Неужели он проспал завтрак? От ужаса зашевелились волосы. Как некрасиво! Ивор влез в тапочки, накинул халат и спустился в обеденную. Семейство Раддов сидело за столом, который ломился от еды. Оскар читал новостной лист, Якоб доедал кулебяку. Его сёстры пили чай, а мама объясняла им, как это должны делать леди.

– Не обхватывайте чашку двумя руками, так пьют крестьянки! Неужели вы так ничему и не научились на уроках этикета?

Когда Ивор вошёл, Радды уставились на него со смесью удивления и злости.

– Вы опоздали к завтраку! – отчитал его Оскар, будто маленького ребенка. – Я отправлял служанку, чтобы Вас разбудить, но ей это не удалось.

Магда осмотрела его, словно товар на рынке.

– Вы ещё и явились в таком недостойном виде. Даже не расчесались и не умылись!

При этих словах близняшки захихикали.

– Как может наш великий род породниться с простолюдином, который не знает манер? – подал голос Якоб.

От этих слов Ивор дёрнулся и окончательно проснулся. Он сел в кровати и ошалело осмотрелся. Который час? Неужели он на самом деле опоздал? К счастью, в комнате было темно. Лишь свет от небесных линий расчертил пол и стены, создавая впечатление, будто сотни тропинок разбегаются и переплетаются между собой. За окном небо напоминало гигантский свежий синяк. До утра – ещё пару часов.

Ивор упал обратно на подушку и закрыл глаза, но долго не получалось уснуть, а, когда по телу начала разливаться приятная тяжесть, испугался, что может на самом деле проспять завтрак и приказал себе встать.

Он умылся, тщательно расчесался, собрал волосы в хвост и завязал его шёлковой лентой так, как делал это ещё в те времена, когда служил у князя писарем. Надел жёлтый жупан, подпоясался синим кушаком, а поверх накинул ярко-красный контуш. А затем долго стоял перед зеркалом, осматривая себя со всех сторон. Его внешний вид должен быть идеальным! Нельзя, чтобы какая-нибудь незначительная деталь, вылезший волосок или пятнышко, напомнили Раддам, что Ивор не благородных кровей.

За окном светлело, небесные линии бледнели и исчезали.

Птицы запели, встречая новый день. Дверь со скрипом открылась, и в комнату проскользнула служанка в сером платье и чепчике. Увидела Ивора и вздрогнула.

– Ой, а я пришла Вас будить.

– Я уже встал.

Служанка пожелала доброго утра, а перед тем, как выйти, добавила:

– Завтрак скоро будет накрыт.

Ивор кивнул, а после того, как девушка вышла, ещё раз осмотрел себя в зеркале: всё ли в порядке с одеждой и причёской. Убедившись, что выглядит безупречно, спустился в обеденную.

Радды сидели за столом, одетые с иголки: Оскар в синем жупане, расшитом серебряной нитью, и с полудрагоценными камнями вместо пуговиц, Якоб в красном, как и платье Магды, жупане. Даже девочки-близняшки выглядели так, будто вот-вот отправятся на бал. Тугие причёски. Нитки жемчуга в волосах. пышные платья с оборками на юбках. Ивор не прогадал, когда несколько часов прихорашивался у зеркала. Всё-таки Радды устроили ему проверку. Может надеялись, что он, как крестьянин, явится к столу непричёсанным?

Когда Ивор зашёл, глава семейства поднялся, пожелал ему доброго утра, а его жена поинтересовалась, как спалось. Дежурные фразы. Им вряд ли интересно, какими мыслями он мучился на самом деле. Да и про сон точно не стоит рассказывать. Ивор улыбнулся и ответил, что ночь прошла хорошо.

Подали завтрак: на больших серебряных подносах вынесли запечённого поросёнка и куропаток, пироги и сахарные булки, мёд и варенье. Последним на стол поставили кувшин, наполненный горячей водой, и пиалу с чайным листом.

Не успел Ивор приступить к завтраку, как в обеденную вошла служанка, девочка лет одиннадцати, с широким, словно блин, лицом.

– Прошу меня извинить, что отвлекаю вас от завтрака, но прибыли гости.

На этих словах Радды между собой удивлённо переглянулись, а потом Оскар нахмурился.

– Кто пожаловал? – спросил он.

– Какой-то мальчишка. Но это не к Вам, а к Ивору. Мальчишка говорит, что беда какая случилась.

– Хм, – многозначительно выдохнул Ивор и аккуратно переложил салфетку с колен на краешек стола, затем поднялся: – Прошу меня извинить.

Пока он шёл за служанкой, думал о том, кто бы это мог быть и что же случилось. Он не ощущал ни страха, ни паники. Вряд ли произошло что-то серьёзное. Возможно, крестьяне что-то не так поняли, поругались друг с другом, перепугались и послали за ним, чтобы он рассудил. В передней, неловко перебирая в руках шапку, стоял мальчик. Ивор его узнал: это был половой из его поместья. Сердце ушло в пятки. Воздух с таким трудом протиснулся в лёгкие, как будто на груди лежала тяжёлая плита.

Заметив Ивора, мальчишка со всех ног бросился к нему.

– Боги всемогущие, беда пришла! Алин заболела! – прокричал половой.

От этой новости закружилась голова, и всё поплыло перед глазами, но Ивор приказал себе собраться. Он шикнул на мальчика, а затем оглянулся. Не слышал ли кто?

– Так, присядь на этот диванчик и расскажи, что произошло.

Мальчишка послушался.

– Алин заболела!

– Как заболела? Когда я уезжал, она была совершенно здорова. Сильно заболела? Доктора вызывали?

– Я не знаю, как она заболела, – развел руками мальчик. – Утром Корра обнаружила её больной и тут же позвала за лекарем, а меня отправила за Вами.

– А что с ней? У нее сопли? Кашель? Жар?

Мальчик помотал головой.

– Я не знаю, но Корра была так сильно напугана, что побледнела будто... – половой на мгновение запнулся, а затем добавил тихим шёпотом: – ...привидение. А потом пила, какие настойки из трав.

– А лекарь приходил? Что говорил?

– Я не знаю. Корра меня сразу отправила к Вам.

Ивор откинулся на спинку диванчика и прикрыл глаза. Хотелось верить, что дочь простудилась, а бедная Корра просто сильно перепугалась, но пазлы не сходились. Нянечка



всё-таки была взрослой опытной женщиной, которая пережила не один сопли Алин и знала, как действовать. А если она послала за Ивором, то явно что-то шло не так. Страх за дочь и её здоровье сжимал грудь, бился с каждым ударом сердца. Хотелось вскочить и, наплевав на все правила, броситься домой. Но он обязан остаться у Раддов. Они ещё не приняли решения насчёт замужества, и Ивор должен контролировать это, разговорами помочь чаше весов склониться в нужную сторону. Но вряд ли он будет собран, переживая за дочь. А если Алин действительно серьёзно больна и умрёт, то некого будет отдавать за Якоба! Ивор чувствовал себя в тупике. Он стал тыкать указательным пальцем себе в кончик носа, будто там была клавиша, которая настраивала мысли на нужный лад. Но она не срабатывала. Наоборот, мысли все перемешались.

Остаться у Раддов или отправиться домой? Довериться Корре? Но она же послала за ним, значит, нуждалась в помощи. Нужно ехать домой! А вдруг из-за этого сорвётся сделка с Раддами? Если Алин умрёт, то некого будет отдавать за муж за Якоба.

Ивор тяжело вздохнул и закрыл лицо руками. Что же делать?

Из хоаса мыслей выковалось решение. Он должен вернуться домой, узнать, что с дочерью. Помочь ей. Алин важнее всего на свете. А про свадьбу и сделку можно будет поговорить и в другой раз.

– Спасибо, что принёс весть, – сдержанно ответил Ивор. – Вот тебе деньги, чтобы пообедать в городе и отдохнуть. Должно ещё хватить и на обратную дорогу.

Ивор высыпал в чумазую детскую руку горсть монет и выводил мальчишку за дверь. Внутри клокотало. Хотелось опустить правила приличия, вскочить на коня и во весь опор мчаться домой, но Ивор быстро взял себя в руки. Он вернулся в обеденную.

– Я приношу свои извинения, но вынужден откланяться и отправиться срочно домой.

– Я слышала, что Алин заболела. Надеюсь, ничего серьёзного! – испугано выдохнула Магда, сжимая салфетку.

– И я, – Ивор натянуто улыбнулся.

– Мы выдадим вам самого быстрого скакуна, – сказал Оскар, поднимаясь из-за стола.

Все вышли в переднюю. Даже девочки-близняшки оторвались от пирога и пошли вместе со всеми. Магда шикнула на них, но девочки спрятались за лестницей и втихаря подглядывали. Пока Ивор натягивал сапоги, Якоб отправился в конюшню, чтобы дать распоряжения.

– Мне так неловко, что приходится покидать вас в спешке, – Ивор смущённо потоптался на месте.

– Всё нормально, – ободряюще улыбнулся старший из Раддов. – Если бы я узнал, что заболели мои дети, то поступил бы точно так же.

– Дети важнее всего, – согласилась с мужем Магда.

Прислуга подала плащ. Ивор посмотрел на него задумчиво, а потом добавил:

– Прошу прощения, что приходится покинуть вещи у Вас. Я пришлю за ними кого-нибудь.

– Ах, не переживайте, – махнула Магда рукой. – Мы отправим их следом за Вами.

– Благодарю, – Ивор поклонился и накинул плащ.

– Надеюсь, с Алин всё будет хорошо, и она быстро поправится, – проговорила Магда.

– Пускай беда обходит Вас стороной, – добавил Оскар.

– Благодарю за поддержку и ещё раз прошу простить мой поспешный отъезд.

В сопровождении Раддов Ивор вышел на крыльцо. На улице было светло и холодно. Ветер дул с гор, принося с собой мороз. У лестницы ждал запряжённый конь. Ивор узнал его: это был скакун, которого он вчера подарил Якобу. Радды вернули подарок, а это значит, что они не будут помогать с расследованием, и Алин не выйдет замуж за Якоба. Ивор чувствовал, как всё внутри словно рухнуло в бездонную яму, но только переживания за дочь помогли ему удержаться. Сейчас самое важное – узнать, чем она заболела и можно ли её вылечить.

## Глава 24: Ивор

Ивор скакал во весь опор, так хотелось добраться до дома как можно быстрее. К сожалению, конь был не железным, поэтому приходилось то переходить на шаг, то останавливаться, чтобы дать ему передохнуть. И тогда казалось, что время разделилось: здесь оно тянулось медленно-медленно, а там, дома, пролетали часы. Ивор гладил коня по морде и просил отдыхать побыстрее. Ходил вокруг него кругами, не выдерживал и снова пускался в путь.

Ивора злило, что пришлось сделать большой крюк: добраться почти до Элка, чтобы свернуть на дорогу, которая вела к Лаерду. Хотелось лететь через лес напрямик, но это было слишком опасно. Мерзлые. Волки. Да и леса там густые и непроходимые.

И всё же к позднему вечеру он смог добраться до трактира, а от него до Лаерда – рукой подать. Внутри было прохладно и пахло чем-то прокисшим. На стене висели факелы, а в напольных светцах возле стойки трактирщика горели лучины.

Народу было немного: несколько мужчин сидели на высоких трёхногих стульях и о чём-то переговаривались с трактирщиком, пока тот наливал им брагу. Еще несколько мужчин расположились недалеко от двери.

Ивор занял стол возле лестницы, ведущей на второй этаж

с комнатами. Подошла женщина средних лет с болезненно красными щеками и со щербинкой меж зубов и предложила ему на выбор щи, буженину, студень или голубцы. Ивор запросил щи и голубцы.

– Ещё я бы хотел снять у вас комнату на ночь.

– Один Сольт за комнату и три за еду, – проговорила женщина.

Деньги переключевали из тонких пальцев Ивора в грубую ладонь трактирщицы. Хозяйка кивнула, высыпала монеты в карман фартука, а затем из него же достала грязную тряпку и протёрла стол. Ивор пересилил себя, чтобы не скривиться, но всё же к столешнице старался не прикасаться.

Женщины не было так долго, что Ивор уже подумал, не забыли ли про него. Желудок ныл от голода, а желание поужинать и лечь спать, чтобы побыстрее наступил завтрашний день, свербило, подобно ране.

Наконец-то хозяйка соизволила появиться, окинула Ивора взглядом, в котором явно прочиталось “Вы ещё здесь”, поджала губы и поставила тарелку со щами, а рядом положила ключ.

– Комната три. Голубцы готовятся, – бросила она и удалилась на кухню.

Суп оказался довольно скудным: в золотистой воде плавало немного капусты и пару кучочков мяса, но пахло приятным и плотным ароматом. Ивор тяжело вздохнул, попросил богов, чтобы щи оказались вкусными, и пригубил бу-

льон. Никак. Будто похлебал воды. Может, это из-за переживаний? С ним иногда такое случалось. После окончания школы писарей он подал заявку на службу у князя и так сильно волновался, пока ждал ответ, что вся еда потеряла вкус.

Ивор впихнул в себя пол тарелки супа, чтобы утихомирить желудок, поднялся, не дожидаясь голубцов. Какой смысл их есть, если они тоже будут безвкусными?

Комната оказалась такой маленькой, что между односпальной кроватью, застеленной лоскутным одеялом, и умывальным столиком у двери было всего два шага. У изголовья стояла жаровня. Она выглядела внушительно: железная, круглая, как яйцо, на длинных тонких ножках. Ивор открыл дверцу и заглянул внутрь. Жар, будто летний ветерок, обдал лицо. Мда, хозяйка явно пожадничала углей. Скорее всего, в старые, почти остывшие, насыпала чуток новых, решив, что и так сойдёт.

Ивор скинул сапоги и, не раздеваясь, залез под одеяло.

Ночь тянулась медленно, словно издеваясь. Свет от небесных линий переползал со стен на потолок. За окном шумели деревья. Ивор повернулся на бок. Вскоре света стало ещё меньше. Умывальный столик растворился в темноте. Сон всё не шёл и не шёл.

Ивор думал о дочери. Что если она находится при смерти из-за болезни и покинет этот мир раньше, чем он доберётся до деревни? Тут же упрекал себя за такие рассуждения и пытался успокоиться. Но тяжелые мысли возвращались. Из-

за этого Ивор не мог уснуть и всё сильнее злился. В итоге он решил, что с него хватит. Поднялся с кровати и спустился в конюшни. Конюх давно спал. Пришлось его растормошить.

– Запрягай моего коня, – приказал Ивор.

– Ну куда Вы поедете, господин? На улице ночь в самом разгаре, да и...

– Это не твоё дело! – осёк его Ивор. – Выполни!

Он передал конюху несколько Солт, тот сразу повеселел и, насвистывая что-то под нос, снял со стены уздечку. Парень делал всё неторопливо. Ивор аж подпрыгивал от нетерпения и злости. Очень хотелось отвесить ему подзатыльник и прикрикнуть. А ну шевелись быстрее, бестолочь!

Чтобы не сорваться, Ивор вышел из конюшни во двор. Небо было затянуто тучами, словно река льдинами. Они медленно плыли, будто по течению, сталкивались и напозлали друг на друга. Глядя на них, Ивор немного успокоился. Волнения о смерти Алин уже казались какими-то ненастоящими. Он снова начал склоняться к мысли, что всё на самом деле не так страшно. А вот затея ехать ночью через лес, кишачий тварями и дикими животными, выглядела безумной. Может, крикнуть, чтобы распрягли коня? Хотя нет... Лучше, если он приедет и узнает, что с дочерью всё в порядке, чем если он задержится, а потом окажется, что Алин... Мысль заканчивать не хотелось.

Благо, именно в этот момент конюх вывел коня на улицу.

– Берегите себя, – он передал поводья и сделал странное

движение, словно отгонял муху от виска.

Ивор кинул в ответ и запрыгнул на коня.

– Нно! Пошёл!

Едва постоялый двор скрылся за поворотом, как конь резко остановился, захрипел. Ивор с трудом удержался в седле. Оглянулся. Он не заметил никого и ничего, что могло бы напугать животное.

– Поехали, мой хороший. Но!

Конь ступил несколько шагов, а затем кинулся в чащу леса. Он бежал так быстро, что Ивору приходилось уклоняться от веток, которые норовили его сбить. Что же такое конь учуял? Ивор приподнялся на стременах и оглянулся. Чёрная крупная тень бежала за ними. Какой-то крупный хищник. У Ивора засосало под ложечкой, а перед глазами всё потемнело. Нужно было оставаться в постоялом дворе! Мёртвый он дочери не поможет! Ивор затолкал страх поглубже, словно грязную тряпку в недра сундука. Нужно вернуться на дорогу и не попасться хищнику. Аккуратно дёргая поводья, Ивор заставил коня сделать полукруг.

Боги решили смилостивиться и разогнали тучи, позволив небесным линиям освещать мир. В их свете заблестела пожухлая трава, вырисовались деревья, кора засеребрилась, будто покрылась тонким инеем.

Ивор почувствовал себя увереннее. Он ещё раз приподнялся и оглянулся. За ними бежал медведь. Только не это! В последние года из-за постоянного холода и отсутствия нор-



мальной еды, медведи стали очень агрессивными, часто нападали на животных и людей.

– Давай, хороший. Беги! – прошептал Ивор.

Между деревьями показался изгиб дороги, камни поблёскивало в тусклом ночном свете. Давай, поднажми ещё. Сейчас будет проще оторваться! Копыта застучали по мостовой. Ивор дёрнул поводья. Великие, всемогущие боги, помогите мне, не дайте умереть! Но они, видимо, были не в настроении. На дорогу вышли несколько иллидов. Да что ж такое то?!

Конь нёсся на них, как стрела в тело врага. Монстры смотрели, склонив головы. Выжидали. Ивору казалось, что он стал каменным: пальцы вцепились в поводья, да так сильно, что побелели костяшки. От напряжения в теле было трудно дышать. Ивор смотрел на приближающихся иллидов, а в голове словно били куранты. Бом-бом-бом. Осталось четыре секунды жизни. Бом-бом-бом. Три секунды.

Когда до иллидов оставалось буквально пару шагов, конь прыгнул. Спасся! От этого осознания Ивор почувствовал себя лёгким, как пёрышко. Он нервно и счастливо рассмеялся, когда твари остались позади, и погладил коня по шее: «Молодец, молодец!»

Неужели оторвались? Словно отвечая, медведь заревел.

\*\*\*

В Лаерд он прискакал ещё затемно. Дома в деревне спали, закрытые ставни напоминали опущенные веки, а дым из труб

походил на дыхание. По улицам разливалось спокойствие, вскоре оно передалось и Ивору. Он позволил коню перейти на шаг и проехал через главную улицу. На площади свернул в сторону аллеи из пушистых ёлок, которая вела к его предместью.

Ивор оставил коня у крыльца и со всех ног бросился в дом. Дверь в комнату дочери была заперта. Он постучал, но ничего не услышал в ответ.

– Алин, доченька, это папа! Открой, пожалуйста.

Тишина. Не слышно даже шагов.

Ивор пошёл искать Корру. Её комната оказалась пуста. В столовой тоже никого. Да куда же она подевалась? Ивор заглянул на кухню. В большой лоханке, наполненной водой, повариха мыла сковородки и чугунки. Ивор видел только её объемную задницу в тёмно-синей шерстяной юбке.

– Вы не знаете, где Корра?

– Понятие не имею, – ответила она, не разгибаясь.

Что происходит? Где Корра? Её не было ни в голубятне, ни в кладовой.

Сознание заполонили сотни-тысяч мыслей, одна страшнее другой. Липкий страх сжал горло, камнем осел в ногах. Ивору казалось, будто он пробирается сквозь болото, которое мечтает утянуть его в свои тёмные глубины.

Нянечку нашла в Святилище перед идолом Нут. Молилась. Первым порывом было схватить её и задушить. Ивор подавил это желание: медленно выдохнул и скрестил руки

на груди.

– Вот Вы где! – произнес он громко и с осуждением. – Я бегаю, как малыш по этажам, ищу Вас, а Вы тут! Почему Вы не с Алин? Вы должны присматривать за ней!

Корра от неожиданности дёрнулась и резко повернулась к нему.

– Напугали Вы меня, – шумно выдохнула нянечка, держась за грудь. – Я не ожидала, что Вы так быстро приедете.

– Я сразу помчался домой, как только узнал про болезнь Алин. Скакал днём и ночью. Меня чуть медведь не сожрал! Что с моей дочерью? Лекарь приезжал? Осматривал её?

Корра кивнула.

– Что сказал?

В ответ нянечка тяжело вздохнула.

– Почему Вы молчите?

– С Алин происходит что-то странное. Я с таким ни разу не встречалась, – ответила Корра.

Она взяла с алтаря свечу и подошла к нему. В её глазах пульсировал страх. Это охладило Ивора. Он почувствовал жалость к этой старой женщине, которая десятилетиями служила верой и правдой. Зря он с ней так грубо разговаривает.

Внезапно Ивора охватило странное чувство: будто сошлись воедино разные куски.

– Неужели Алин... – он запнулся на слове, тяжело сглотнул и продолжил, пересиливая нежелание произносить это вслух, – при смерти, что Вы молились Нут?

Он смотрел на Корру, как на судью. Следующее её слово или спасет его, или разрушит.

– Нет, нет, нет. Она не умирает, слава богам, – быстро произнесла Корра.

Болотная вода, что невидимо окружала его и душила, вмиг испарилась. Ивор сделал глубокий вдох, ощущая, как легко воздух проникает в лёгкие.

– А что тогда сказал лекарь?

– Ничего, – Корра отвела руку без свечи в сторону и пожала плечом.

Она вышла из Святилища и пошла к лестнице.

– Лекарь сказал, что Алин надо находиться в затемнённом помещении, в постели, и никуда не выходить. А также посоветовал поить её теплой сладкой водой.

– Какие странные рекомендации, – нахмурился Ивор, едва поспевая за нянечкой. – А чем она заболела, он не сказал?

Корра помотала головой.

– Пойдёмте.

Они поднялись на второй этаж и остановились у двери в комнату Алин. Корра порылась в кармане фартука, достала ключ и открыла замок.

Дочь сидела на кровати, спиной к ним, и смотрела в окно. С первого взгляда она выглядела нормальной, но Ивора насторожило, что Алин не повернулась и никак не отреагировала на то, что они вошли.

– Принцесса, как ты?

Никакой реакции, будто оглохла.

Ивор подошёл к ней и сел рядом. От взгляда на дочь его прошиб холодный пот. Алин напоминала восковую куклу: бледная кожа, пустой отсутствующий взгляд, бледно-розовые, почти белые, губы.

– Что с ней такое? – Ивор повернулся к Корре.

Нянечка напоминала пристыженного ребенка: взгляд опущен, а нижняя губа подрагивала.

– Я не знаю. Она несколько дней такая. Когда я её нашла, она ещё и ходила туда-сюда без цели, только недавно успокоилась, села на кровать, так и сидит.

– Что значит «нашла её»? – спросил он, растягивая последние два слова.

– Я не знаю, как это произошло. Честно! Я уложила её вечером спать, сама легла. А ночью проснулась воды попить и вижу в окно: Алин ходит туда-сюда по двору. Я выбежала и заметила, что она в этом... странном состоянии. Мне очень жаль, что так произошло. Это моя вина. Я не досмотрела.

По щеке нянечки скатилась слеза. Ивор ни разу не видел, как Корра плачет. Она была человеком действия и даже в тяжёлых ситуациях не терялась, а поднимала всех на уши, отправляла за самыми лучшими лекарями или торговцами, у которых можно было купить редкие целебные травы. Но сейчас она стояла перед ним, словно маленький ребёнок, в полной растерянности и плакала.

Ивор посмотрел на Алин, на Корру, а затем уставился в

окно.

Нужно что-то делать. Но что? Голова как будто превратилась в пустошь, где не выживает ни одна мысль. Ивор принялся скрести ногтем по кончику носа.

Корра за спиной всхлипнула. Зашуршала ткань, видимо нянечка что-то доставала или поправляла. Раздались звонкие пилящие звуки. Вдох. И опять будто миниатюрной пилой провели по дереву.

Ивор обернулся. Нянечка ещё раз высморкалась, а потом засмушалась, покраснела и быстро спрятала платок.

Так они и застыли на какое-то мгновение: Ивор глядел на Корру, та в пол, а Алин в окно. Вдруг нянечка сделала глубокий вдох, оглянулась и произнесла полушёпотом:

– Раз обычный лекарь не помог Алин, то, может, стоит показать её Вивьен?

– Вы думаете, это магия? – Ивор нахмурился.

Корра пожала плечами.

– Вивьен должна разобраться.

– Хорошо, – Ивор поднялся, поправил загнутый край жупана, – прикажите подготовить лошадь. Только не берите скакуна, пускай запрягут тяжеловоза.

Корра кивнула, шумно втянула воздух и пошла вниз. Ивор поцеловал дочь в макушку:

– Я выясню, что с тобой происходит, принцесса. Обещаю! Дочь никак не откликнулась на его слова.

В голове всплыла фраза однокурсника по писарской шко-

ле, с которыми он встречал любую неприятность. «Это как завал на дороге. Можешь сесть и рыдать возле него, но от этого завал не исчезнет. Поэтому, если хочешь идти дальше, нужно утереть сопли и разгрести его». Стало немного легче. Сейчас не время для чувств, сейчас нужно разгрести завал.

Ивор приобнял дочь за талию и легонько потянул вверх.

– Вставай, принцесса. Нужно съездить к Вивен, чтобы она помогла тебе.

Алин, на удивление, послушно поднялась. Но не удивилась. Ничего не спросила. Всё равно Ивор был уверен, что дочка услышала и поняла его.

– Слава богам, – прошептал он.

Если бы она продолжила сидеть и не реагировала, то Ивор бы не знал, что делать. Поднимать её силой?!

Ивор взял дочь за руку и направился к двери. Алин послушной куклой поплелась следом.

Возле крыльца стояла запряжённая серая лошадь невысокого роста, с короткими мощными ногами. Она не предназначалась для быстрого бега, но зато на её широкой спине Алин будет комфортно сидеть. Ивор надел на дочь плащ и накинул капюшон.

– Да помогут Вам боги, – прошептала Корра. – Я буду молиться за Вас.

Ивор кивнул и тронул поводья.

По улицам всё ещё клубилась ночь. Неровные полосы света от небесных линий, то выступающих, то снова скрываю-

щихся за тучами, расчертили землю, но они уже были не такими яркими. Скоро утро. Нужно управиться с делами до его наступления. Не хотелось, чтобы жители Лаерда увидели Алин в таком состоянии. Сплетни пойдут. Предрассудки всякие.

Ивор с дочерью, будто призраки, ехали по спящей деревне. Иногда казалось, будто за ними кто-то наблюдает, но, сколько бы Ивор не оборачивался и не всматривался в тени, так никого и не увидел. Чудится, наверное.

В лесу страхи и тревоги словно напитались ночным воздухом, выросли и расправили свои тёмные тяжёлые тела. Ивор прислушивался к каждому скрипу и шороху, боясь, что сейчас появятся иллиды, а он даже ножа с собой не взял. Вдалеке раздался вой волков. Ну замечательно! Только их ещё не хватало!

Конь остановился и нервно застриг ушами.

– Тихо, тихо, всё хорошо, – прошептал Ивор и погладил его по гриве.

Благо, вскоре показался холм-дом элладки. Тонкий сизый дым поднимался из еле заметной трубы. Ивор привязал коня недалеко от входа и помог дочери спуститься.

Вивьен долго не открывала. Может, спит? Ивор застучал ещё сильнее. Раздались шаркающие шаги, и дверь распахнулась.

Элладка выглядела помятой. Волосы были распущены и растрёпаны, глаза слипались от сна. Вивьен широко зевнула



и непонимающе уставилась на незваных гостей.

– Прошу прощения, что разбудил Вас среди ночи, – Ивор приложил руку к сердцу, будто раскаивался, – но со мной, точнее, с моей дочерью, приключилась беда. Нам очень нужна Ваша помощь.

Вивьен ещё раз зевнула, окинула взглядом Алин, а затем кивнула и посторонилась.

– Прохощице.

Внутри было тесно и сильно натоплено. Эллады плохо переносят холод, поэтому нагревают свои жилища чуть ли не до банных температур. Ивор чувствовал, как капельки пота на спине превращаются в ручейки.

Вивьен поставила лучину на стол.

– Отну минуту. – Она направилась к ведру с водой у печи, умылась, а затем собрала волосы в пучок и закрепила его спицей.

– Что за бета вас привела?

Ивор усадил Алин на скамейку около стола.

– Моя дочь впала в странное состояние: она ни на что не реагирует, не проявляет никаких эмоций. – Чтобы подтвердить свои слова, Ивор помахал рукой перед глазами дочери. – Видите! Я не знаю, что с ней. Возможно, она находится под чарами.

– Хм, Вы хоцице, чтобы я проверила, есть ли на ней заклятие?

Ивор кивнул.

– И если это чары, то можете ли их снять? Я за ценой не постою!

– Мне не нужны дзеньги, но тавайте таговоримся, когда мне понатобищя помощь, я обращусь к вам, и Вы мне не откажете, неважно, о чем я попрошу. Таговорились?

Эх, ведьма хитрая, хочет найти выгоду для себя. Ивор сощурился. Он не любил, когда его втягивали в какие-то игры, где он чувствовал себя не королем, а пешкой. В другой ситуации он отказался бы, но ради дочери готов на всё...

– Хорошо.

– Пересяцце, пожалуйста, сюта, – Вивьен кивнула в сторону полатей за печкой, а затем обратилась к Алин. – А ты, дзетонька, встань.

Ивор помог дочери встать, а затем пересел туда, куда показала ведьма. Элладка встала напротив Алин, положила руку ей на грудь и что-то зашептала на своём языке. Длилось это долго, но ничего не происходило. Ивору даже показалось, будто Вивьен обманывает его.

Наконец-то, ведьма опустила руку и повернулась к нему.

– На вашей точери нет никакой магии.

– В смысле? – Ивор аж поднялся от удивления. – А что с ней тогда такое?

– Не всё объясняется магией, – улыбнулась Вивьен, будто он был несмышлёным ребёнком. – Я проверила, она чистая. Возможно, ваша точь пережила что-то ужасное, что её туша испугалась и ушла.

Всё, о чем говорила ведьма, Ивор воспринимал с таким трудом. Он не мог поверить, что странные вещи могут происходить без магии.

– А что мне делать? Как вернуть её душу?

– К сожалению, я нат эцим не властна, – Вивьен тяжело вздохнула и опустила на лавку. – Но я знаю, кто вам сможет помочь. У меня есть знакомый эллад. Аим. Он живёт в Еле. Покажите ему точь.

Ивор взял руки старушки в свои ладони и удивился их холодности.

– Спасибо большое!

– А моя просьба не заставит себя толго штать, – Вивьен широко улыбнулась, а Ивор напрягся, не понимая, чего ожидать. – Перетайте Аиму моё письмо. В руки прямо ему, а не через птиц или посретников. – Элладка посмотрела так строго, что Ивор почувствовал себя неуютно. Кивнул.

Пока Вивьен писала письмо, Ивор вышел на улицу, чтобы глотнуть свежий воздух, а то в такой жаре начинала кружиться голова. Лошадь, привязанная к дереву, тревожно стригла ушами, ей явно не нравилось оставаться одной в ночи. Ивор подошёл к ней и стал гладить по гриве.

Небо на юге светлело, а небесные линии блекли и растворялись в синеве. Тонкий луч Сангара медленно разгорался. Ветер был холодным. Видимо, дуло с гор.

Ивор думал об Алин. Он не верил словам элладки, что дочь не под заклятием. Зачем она тогда посылает его к дру-

тому элладу? Если это не магия, почему лекарь не справился с болезнью? Что он там рекомендовал? Покой и тёплую сладкую воду?

Дверь распахнулась, Вивьен позвала его жестом. Когда он зашел, передала сложенный вдвое желтоватый лист бумаги. Ивор засунул его в карман, а затем накинул на Алин плащ и вывел на улицу.

## Глава 25: Оратор

Старейшины хранили молчание о находке в лесу. Это пугало людей, и в поисках объяснений и поддержки они приходили в Дом. Оратору же нравилось, как идут дела. Он всё больше укреплялся в правильности своих выводов, а проповеди становились всё более изобилующими.

– Главным условием выживания стаи является здоровье вожака. Если он молод, силён, с ясным разумом, то стая преодолевает тысячи испытаний и не собьётся с пути. Но что, если вожак болен? Тогда, следуя за ним, животные обречены на смерть! – воскликнул Оратор и обвёл взглядом паству. Кажалось, люди впитывали каждое его слово так глубоко, что перестали дышать. – Хотя мы люди, а не звери, но всё равно нами владеют эти законы. Слабые короли приводили страны к упадку и разрушению. Империи распались, если их правитель не обладал достаточной силой, разумом или сердечной чистотой, – говорил Оратор, медленно двигаясь от одного края пьедестала к другому. Остановился посередине, схватился за поручень балкона и сделал глубокий вдох. – Помните, что стало с элладами, которых вели короли с сердцами, разъеденными гордыней? Их империя разрушилась, погибли сотни тысяч! Хотим ли мы такой участи?

Люди внизу недовольно зашумели.

– Так давайте тогда посмотрим, за кем идём мы? Чистые

ли сердца тех, кто называет себя нашими вождями? Или их души тоже полны магической заразы? Готовы ли они изобличать зло и бороться с ними или они замалчивают и покрывают его?

– Покрывают! – выкрикнул сильный мужской голос.

Тишина, как тяжёлая подушка, упала всем на головы. Люди будто оцепенели, замерли, словно от шока.

– Верно, верно, – раздался женский голос.

Эти слова, подобно ключу, открыли двери, за которыми скопилось недовольство.

– Замалчивают! Покрывают! – раздалось со всех сторон.

Внутри себя Оратор широко улыбнулся, при этом сохранив суровое выражение на лице.

– У нас есть выбор: тоже замалчивать и закрывать глаза на то, что происходит, или бороться против зла! Искоренять магическую заразу, чтобы она не привела нас к гибели. И помните: на стороне тех, кто выберет борьбу со злом, сам Всевидящий. И наградой для них будет весна и тепло. «Когда воздух, вода и земля очистятся от магического яда, когда люди изгонят из сердец дурман, который приносит с собой магия и даже одно желание ею обладать, то проснётся земля и будет она плодоносить. И рождаться будут по весне травы, а цветы – летом, а осень подарит нам урожай. И не будут люди знать ни голода, ни лишений». – Так обещал Всевидящий в одном из откровений Пророку. И если мы хотим, чтобы Бог выполнил своё обещание, мы обязаны дать магии

непримиримый бой!

Поэтому сейчас я призываю попросить Всевидящего укрепить веру, которая станет защитной стеной и выстоит даже в самую тяжёлую битву.

Оратор замолчал, посмотрел вверх, а затем заскользил взглядом вниз и обвёл глазами паству. Люди становились на колени и выгибали спину.

– Бог наш Всевидящий и Всезнающий,

Что явился к нам с теплом да светом, – запел Оратор, и десятки голосов внизу шёпотом повторяли молитву.

«Будто сам Всевидящий говорил через меня», – подумал Оратор, заходя в келлию после проповеди.

Эта мысль была такой сладкой, что в груди приятно за-ныло. Оратор позволил искупаться в этом чувстве, но потом одёрнул себя.

«Что ж я такое думаю? Я простой служитель его слова, а не Пророк, я не достоин слышать речей Бога, – Оратор поджал губы, ощущая себя маленьким мальчиком, которого поймали на преступлении, но затем посмотрел на висящую в углу птичью клетку, и мысли потекли в другом направлении. – Странно, что до сих пор нет ответа из Великого Дома. Прочитали ли они письмо или посчитали неважным и отложили? А может, голуби не долетели? Может, их сожрали ястребы? Отстреляли? Или магия запутала их пути? Может, лично съездить в Йорн-Хель?»

Весь день тревожные мысли крутились в голове, мешали

сосредоточиться и пожирали время. Вроде только проповедь закончилась, а вот уже и темнеет. Чем занимался? Оратор так и не мог вспомнить. Он подошёл к столу и провёл пальцами по шершавой столешнице.

– Так, я закончил службу, хотел переодеться, но спустился на первый этаж, – шептал Оратор себе поднос с полной уверенностью, что пока он слышит свой голос, никто не сможет украсть время. – Потом... Потом сел за стол. Вроде хотел выпить чаю, – Оратор посмотрел на костровую чашу, угли в ней еле тлели. – Но так и не переоделся, не разжёл огонь и не закипятит воду. А чем я занимался?»

Ответ на вопрос не находился.

«Вдруг на меня морок наводят? – Оратор схватился за голову и опустил на стул. – Вдруг это месть старейшин за мои проповеди? Может, они хотят захватить и подчинить мой разум».

Эти мысли будили неконтролируемый ужас, что был чернее гномьей стали и страшнее самой смерти. Оратор упал на колени и зашептал молитву. Он плакал. Клялся. Давал обещания. Торговался.

– Прошу тебя, Бог наш Всевидящий и Всезнающий, защити меня от магии и неверных помыслов. Принеси мне свет. Я сделаю всё ради тебя. Я стану грозой магии! Любой эллад, маг, чародей, колдун, в общем, все те, кто хоть раз попробовал или даже помыслил о магии, будут дрожать об упоминании моего имени!



Видимо, Бог услышал его молитвы, потому как ужас отступал, а душа наполнялась спокойствием.

– Благодарю тебя, Всевидящий! Благодарю! – воскликнул Оратор и так сильно отклонился назад, что заныли икры. – Хвала! Хвала!

Помимо успокоения, молитва ещё принесла решения, будто сам Бог сказал, как следует поступать. Оратор чётко понял, что если в ближайшее время не получит ответ из Великого Дома, то отправится в столицу и всеми силами станет добиваться разговора с Прозревшим. А ещё, хватит юлить на проповедях, ходить по краю. Намекать. Нужно быть жёстче, прямолинейнее! Он должен изобличать зло, а не танцевать вокруг него.

В голове зарождались строки новой проповеди. Смелой, резкой и откровенной! Оратор нахмурил брови, поднялся на второй этаж, достал из полки чернильницу, перо и лист бумаги.

«Если вдруг старейшины возмутятся, если вдруг начнут требовать моего перевода, то я напомню, что подчиняюсь не им, а Великому Дому, и только Прозревший будет решать вопросы моей службы!»

До середины ночи Оратор сидел над новой проповедью. Он исписал уже несколько листов, но никак не мог подобрать слова, а написанные предложения казались неудачными или слабыми. Ему понравились только один абзац и пара предложений, которые он пока не знал, где расположить в тексте.

– Ладно, – пробубнил под нос Оратор и отложил перо. – Нужно немного отвлечься.

Он поднялся, чувствуя, как болит поясница и ноют колени. Походил по келлии, чтобы разогнать кровь, а потом снова вернулся за стол, но мысли не шли. Посидев так какое-то время, Оратор понял, что ничего путного из этого не выйдет, засобиравшись домой. Он повесил в шкаф ленту со священными символами, а на плечи накинул плащ.

На улице подмораживало. Щёки тотчас же прихватило, будто к ним прижали колючее полотенце, а пальцы на руках начали неметь. Оратор быстрым шагом пересёк улицу, благо, его дом находился недалеко. К счастью, ночь выдалась ясной, а небесные линии светили ярко: можно было не бояться споткнуться о какой-нибудь камешек.

Оратор уже поднялся на крыльцо и взялся за дверную ручку, когда услышал стук копыт. Кого принесло так поздно? Может, это гонец с Йорн-Хеля? От этой мысли Оратор радостно затрепетал и стал вглядываться в сумрак главной улицы. Вскоре по ней промчался всадник. На удивление он не свернул в сторону Дома, да и его фигура показалось знакомой. Неужели Ивор вернулся? От удивления спёрло дыхание. Перепрыгивая через ступени, Оратор сбежал с лестницы и, прячась за стену Дома, выглянул на главную улицу. Всадник выехал на площадь и свернул в сторону особняка.

«Я не ошибся! Это точно Ивор! – Оратор чувствовал, как от этих мыслей подрагивают мышцы, будто у маленького

мальчика, который ждёт подарка. Но вместо него появились новые вопросы и подозрения. – Почему он приехал раньше, чем закончилась ярмарка? Почему он прискакал под покровом ночи? – Оратор нахмурился, потому что знал ответы. – Ивору, наверное, передали про находку в лесу, вот он и примчался на всех парах. Скорее всего, он постарается замести следы. А может, устроит тайный Совет, чтобы понять, что произошло и как поступать дальше. Я обязан на нём присутствовать и узнать, кто замешан».

Оратор добрался до аллеи, что вела к особняку, и спрятался за стволом дерева. Время тянулось долго, небесные линии меняли русла, подобно рекам. Пальцы на руках и ногах замёрзли так, что Оратор перестал их чувствовать. А ещё очень сильно захотелось спать. Из последних сил Оратор держал глаза открытыми. Он молился Всевиждущему, просил дать стойкости и мужества.

Его усилия были вознаграждены. Мимо прошла лошадь, на спине у которой сидели Ивор с дочерью. Оратор почувствовал внутренний жар, который прогнал холод с конечностей, придал сил и сжёг сон.

Прячась за деревьями и углами домов, Оратор ощущал себя, с одной стороны, глупо, а, с другой, важно, словно лазутчик с ответственным заданием. Правда, один раз он чуть не попался, когда пересекал площадь. Ивор обернулся, и Оратор вжался в стену дома Советов, моля Всевиждущего, чтобы его приняли за камень.

Когда Ивор отвернулся, Оратор согнулся пополам и перебежал улицу, а потом, прижимаясь к заборам, двинулся вперед. Благо, конь Ивора вскоре повернул на улочку, где жили бедняки и скрылся между домами. Оратор почувствовал себя в относительной безопасности, отлепился от забора и зашагал по краю дороги. Зачем Ивору понадобилось посещать эту бедняцкую улицу? Может, здесь, таясь ото всех, живёт колдун? А ведь это неплохая маскировка. Вряд ли заподозрят, что человек в лохмотьях занимается магией. Колдуны больше ассоциировались с богатством и роскошью.

Оратор добрался до таверны и спрятался в тени её навеса. Благо, улица была прямой, а линии светили ярко: Ивора было хорошо видно.

Интересно, в какой дом он постучится? Но войт проехал мимо покосившихся избышек и углубился в лес. Оратор нахмурился, замер на мгновение, а потом его словно озарило внутренней вспышкой. А что, если Ивор не к колдуну поехал, а просто сбегает из деревни под покровом ночи? Ему явно доложили про находку в лесу, поэтому он и увозит свою дочь куда подальше, в надежде спрятать её от правосудия. Я не позволю этого!

Мысли вились, подобно нитям, связывали разрозненные лоскуты ощущений в одно большое одеяло.

«Всевидящий специально меня задержал до половины ночи в келлие, зная, что Ивор захочет сбежать? Бог возложил на меня ответственную миссию, чтобы я вытащил магиче-

ское мракобесие на свет», – Оратор сжал кулаки и, полный решимости, пошёл за Ивором.

В лесу прятаться было проще, но и наблюдать оказалось тяжелее. Один раз даже показалось, будто он упустил беглеца из виду. Во второй раз Ивор скрылся за холмом, но из-за него не появился. Оратор прищурился. Над холмом поднимался лёгкий белый дымок. Что за магия такая?

Боясь быть замеченным, Оратор, припадая к земле, взобрался на холм и с удивлением обнаружил, что из него торчит труба.

Здесь кто-то живёт? Оратор почувствовал, как вторгся в чужую тайну. Он хищно улыбнулся и распластался по холму, приложив ухо к земле. Внутри холма кто-то ходил и что-то говорил, но звук был таким тихим, что ничего не получалось расслышать. Затем скрипнула дверь.

– Прохоице.

Оратора как будто окатили холодной водой. Он был прав, когда считал, что Ивор связался с элладами! Но это открытие ещё и пугало до глубины души. Предполагая худшее, Оратор понял, что всё равно не был готов к этому.

Он дождался, пока Ивор зайдёт внутрь холма, сполз с него и со всех ног бросился в деревню.

\*\*\*

Голубь прилетел на следующий вечер. Оратор сразу обратил внимание на печать на листе – на красном сургуче красовалось Око – и затрепетал, будто это было письмо от лю-

бимой женщины, а не из Великого Дома.

*«Оратору малого Дома в деревне Лаерд, Дариану Кодду.*

*Информация, которую мы получили от Вас, носит тревожный характер. Мы со всей внимательностью и серьезностью отнеслись к Вашим письмам, и на Видящем Совете было принято решение отправить в Лаерд Прозревшего из Великого Дома и его помощников для сбора и проверки необходимой информации и вынесения дальнейшего решения. Представители отправятся в Лаерд на шестой день листопада.*

*С уважением, члены Видящего Совета великого Дома».*

Оратор разозлился. Прозревший выедет только на третьи сутки после окончания ярмарки. А почему не через год?! Если бы приехал вчера, то смог бы схватить и допросить Ивора, а так самый главный преступник успел сбежать сегодня рано утром и забрал с собой дочь! У него будет достаточно времени, чтобы спрятаться и уйти от правосудия!

Мысли бурлили, подобно лаве, закипали, Оратор чувствовал, что вот-вот взорвётся. Письмо из великого Дома он разорвал на мелкие клочки.

– Мордофилы! – выкрикнул Оратор и швырнул их в стену.

Голубь испугался и взлетел, затем сделал круг под крышей и снова вернулся на жердь.

«Нужно что-то придумать. Нельзя позволить Ивору

ускользнуть! Нужно узнать, куда он поехал, – Оратор мерил шагами комнату и понемногу успокаивался. – Может, Всевидящий знал, что там сидят дураки, поэтому и выбрал меня?»

Почудилось, будто кто-то подслушал эту мысль, на лбу даже выступила мелкая испарина. Оратор оглянулся. Никого! Он закрыл глаза и сделал несколько вдохов и выдохов, а затем нервно усмехнулся. Ну ты себе и придумал!

Оратор сел писать ответ в Великий Дом. Он рассказал про приезд Ивора среди ночи, про его посещение элладки и скоропостижный отъезд вместе с дочерью рано утром. Крепив письмо печатью, Оратор привязал его к лапке голубя и отправил птицу.

Теперь нужно заняться Ивором. К сожалению, птиц больше не осталось, чтобы отправить письма в ближайшие малые Дома. Значит, стоит нанести дружеские визиты другим Ораторам и предупредить их. Оратор откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Карета Ивора проехала мимо Дома, а значит, он направился в сторону города Ель. По дороге есть пару таверн, нужно заглянуть туда, поинтересоваться, может, кто видел беглеца.

## Глава 26: Аргон

Сон, подобно ветерку в тёплый летний день, ласково обдувал сознание, то унося его в призрачные миры, то затихая, позволяя ему вернуться в реальность. Щиколотки холодило. Аргон дёрнул ногой, заворачивая край одеяла под стопу.

Стук дождя по крыше, скрип двери, ведущей в сени, шаги – все эти звуки казались далёкими и ненастоящими. Они тонули в ярких картинах сна, смешивались с его звуками.

– Аргон, Вы спите? – раздался звонкий голос Мириам.

Он проник под пелену и разорвал фантазии в клочья.

– Да нет, – ответил он и приподнялся на локтях.

Волосы Мириам были мокрыми. Капельки воды набухали на кончиках кос и капали на юбку, где расплзались кляксами. Руки, сцепленные в замок, покоились на уровне низа живота. На фоне тёмной ткани белая кожа казалось призрачной.

Вначале Аргон обрадовался, мелькнула мысль, что она пришла поговорить, но робкую надежду перечеркнул голос разума. Вряд ли бы она пришла в таком виде и в такое время. Может, что случилось? Произошла какая-то беда? Аргон воспрял духом. Он поможет решить проблему. Покажет, что его не стоит бояться. И что бы она себе там не надумала, он не стал её врагом.

– Можете нам помочь? – поинтересовалась Мириам тем



же холодным тоном, каким раздавала указания.

Пока я буду готовить ужин, Вы поутюжьте постиранное. Можете поддержать это ведро?

Значит, не светило ему ни примирительных разговоров и объяснений, ни возможности, доказать свою безобидность. Очередная просьба о помощи с домашними делами.

– Да, конечно. А что надо делать? – ответил он, чувствуя, как разочарование выметает из души все чувства, превращая его в заведённую куклу с заранее заданной программой.

– Нужно убрать в погребе. Мы будем ждать Вас ... – Мириам мотнула головой в сторону сеней и вышла.

Мы? Аргон прищурился и его охватило тревожное предчувствие. Он поднялся, застелил кровать, натянул штаны и вышел.

Мириам копалась в буфете, что-то искала, а на лавке возле двери сидела Хельга, мокрая, как и дочь. Носы ботинок были перепачканы, комья грязи прилипли к краям подошвы, а по полу растекалась грязно-серая лужа. Капли мороси впитались в плотную ткань юбки, поэтому на ней расплылись мокрые разводы. Рубашка и надетая поверх чёрная безрукавка были сухими. Краем глаза Аргон заметил мокрые коричневые тулупы на печи.

– Вы только оденьтесь потеплее, – Хельга поднялась и протянула ему козух, который сняла с оленьих рогов у двери.

Он был таким большим, что пришлось закатать рукава.

– Всё, я взяла лучины, – раздался голос Мириам за спиной, Аргон легонько вздрогнул и обернулся.

Тонкий огонёк подрагивал на концах длинных щепок, которые Мириам держала в руках.

В погребе было прохладно и довольно тесно. Два шага в любую сторону – и можно было налететь или на Мириам и Хельгу, или уткнуться в полки, которые опоясывали стену в несколько рядов. На них стояли различные кувшины, корзины – все почти пустые. Только в некоторых можно было найти пару луковиц или высохшую редиску. На нижних полках разместились деревянные ящики, заполненные золой и древесными опилками, в углу примостилось несколько бочек. Пахло в погребе землёй и сыростью. “Как в могиле” – пронеслось в голове у Аргона, и он поёжился от этого сравнения.

От холода заледенели пальцы и нос. Аргон принялся их растирать, чтобы разогнать кровь. Хельга это заметила и улыбнулась:

– Ничего, как только работать начнём, вмиг согреетесь!

Нужно было перебрать все ящички, корзины и кувшины, складывать найденные фрукты и овощи в корзины, а затем поднять их наверх, промыть и просушить.

Аргон действительно согрелся во время работы, а когда таскал тяжёлые ящики, то почувствовал, как капельки пота стекают сзади по шее. Он даже скинул неудобный тулуп.

И вроде всё было нормальным, но внутри Аргона сидело какое-то тревожное чувство. Он улавливал его в длинном

взгляде Мириам, когда ей казалось, что он на неё не смотрел. Тревогой сквозило молчание, которое висело между ними, прерываемое редкими фразами. «Я закончила». «Эта коробка пуста». И никаких сплетен, слухов. Благодаря им, Аргон, хотя и не выходил за пределы дома, но знал многое о жильцах деревни и даже то, о чём они сами не догадывались. А сейчас – ничего. Странно это.

Одно тревожное пятнышко накладывалось на другое, и вскоре образовались грозовые тучи. Захотелось остановиться и закричать, потребовать объяснений, но он не мог так поступить. Не поймут.

В избу из погреба перенесли всё: горшки, ящики, полные золы, корзины, десятки кувшинов и бочки. Пока Мириам вытряхивала ящики, они с Хельгой разлили воду из ведра у печи в несколько тазиков, расставили горшки на столе и принялись их мыть.

– Вы тряпку туда засовывайте, потом берите ложку, хорошенько поводите ею внутри, чтобы тряпка пару раз прокрутилась, – посоветовала Хельга, заметив, как он мучается с тонкими горлышками: рука туда целиком не пролезала, а пальцы оказались слишком короткими.

Мириам вернулась и тоже принялась за работу. Она села напротив, у печи, зажав ящик ногами, и тоже начала его мыть.

Вновь Аргон ощутили тяжесть в воздухе и разливающуюся вокруг него тревогу. Хотя женщина молчали, казалось,

будто они переговариваются: Мириам бросит на маму быстрый взгляд, а Хельга в ответ моргнёт, слово отвечая.

Аргон ощущал себя мышкой в большом лабиринте. Он чувствовал, что его куда-то ведут, но не мог понять, куда. Это пугало. Кувшин выскользнул из пальцев и чуть не разбился, благо Аргон успел его поймать.

– Как Ваше самочувствие? – поинтересовалась Хельга, набирая воду в кувшин.

Обыкновенный вопрос, даже с нотками сочувствия, но для Аргона он был острее иглы.

– Хорошее.

– Может, Вас слабость какая мучает?

– Нет. Чувствую себя замечательно.

Под заботой ворочалась опасность. Её близость заставляла напрячься и улавливать каждую интонацию в голосе, каждый скрытый смысл. Почему она спрашивает про воспоминания? Может, Мириам ей рассказала то, что произошло у Вивьен? От этих мыслей в груди образовался камень страха, который рос и рос, мешая дышать. Как бы он хотел уметь читать мысли!

И словно его услышали какие-то высшие силы, потому как в тумане тревоги мелькнула та пропасть, к которой вели расспросы Хельги.

– Вы меня выгоняете? – Аргон попытался пошутить, но ужас звенел в голосе.

Ему показалось, что Хельга странно дёрнулась, словно че-

ловек, которого раскусили. Она тут же улыбнулась, махнула рукой:

– Нет, мы не выгоняем Вас, – тут же поспешно начала мыть следующую корзину и продолжила милым оправдывающимся голосом: – Мы бы рады, чтобы Вы гостили у нас как можно дольше, но обстоятельства вынуждают, чтобы Вы нас покинули.

Аргон почувствовал, что падает. Мир будто подёрнулся пеленой, а предметы показались такими далёкими и нереальными, будто превратились в воспоминания о настоящих вещах.

– Но почему? Я сделал что-то не так? – не понятно как вырвались эти вопросы.

Даже не вопросы, а крики напуганного мальчика.

Хельга стала рассказывать что-то про религию, Великий Дом, но её голос звучал, будто сквозь толщу воды. Аргон падал в пропасть. Она высасывала его силы и уверенность, сжимала до маленькой беспомощной точки. Он отчаянно искал способы, за что можно было бы зацепиться, остановить падение.

– А если я спрячусь на это время? – Ужас проглатывал его, будто гигантский питон.– Но, как же я... Как я... что мне, – прошептал Аргон, в надежде найти хоть что-то твёрдое и устойчивое.

– Не переживайте так. Мы дадим Вам в дорогу еду, тёплую одежду, денег немного. Не отпустим же мы Вас в том виде, в

котором нашли. Было бы славно, если бы Вы вспомнили хоть что-то из своего прошлого, вспомнили тех, кто Вас может ждать, – голос Хельги становился всё тише и непонятнее, как будто распадался, превращаясь в шум.

Вдруг он умер. По крайней мере, так показалось. На какое-то мгновение Аргон перестал существовать. В небытие не было ни звуков, ни красок, ни запахов. Ничего. Даже его самого.

Но, видимо, рано ему было умирать, потому как Аргон почувствовал какой-то толчок внутри и ничто, будто экран старого телевизора, покрылось рябью, через которую понемногу проступала картинка: деревянный пол, крошки от еды и золы, часть деревянного ящика.

– Всё же Вам лучше идти не в Хидден, а на восток, в Сол, – голос Мириам нарастал, словно кто-то крутил ручку радио, постепенно прибавляя звук. – Там живёт много элладов, скорее всего, они смогут Вам помочь. – Мириам резко осёклась, взглянула на маму и, словно оправдываясь, затараторила: – Ну, я имела в виду, что эллады, возможно, смогут вернуть его воспоминания. Они ж всё-таки занимаются магией! Да и Сол ближе, а у нас в княжестве ему оставаться очень опасно!

– Да, ты права, – ответил низкий грудной голос Хельги.

Картинка перед глазами то сужалась, то растягивалась, то плыла, подобно ткани на волнах. Аргон дёрнул головой, чтобы собраться, а затем протёр глаза и посмотрел на женщин. Они находились как будто за толстым стеклом. Каза-

лось, словно он всё ещё остался в этом ничто, но мог видеть реальную жизнь через окно. Он мог бы испугаться, но в ничто не было эмоций. Самое главное, что там не было ни тревоги, ни страха.

– А когда мне уходить? Завтра? – спросил Аргон и отметил, как сухо звучит его голос.

– Нет, – ответила Хельга, выливая воду из кувшина. Это был другой кувшин: пузатее, с узором и с тонкой ручкой. – Я думаю, что лучше во время Осенина. Пока все будут праздновать, Вы сможете уйти незамеченным.

– Это праздник, когда мы прощаемся с летом и встречаем осень. Утром все будут праздновать за столами, а вечером пойдут на холмы, чтобы там с песнями и танцами проводить уходящее лето. Все будут заняты праздником, и вряд ли кто-то обратит внимание на Вас, – пояснила Мириам, отжимая тряпку.

Грязная вода закапала в таз.

– А когда этот... Осенин?

– Пятого дня листопада, – ответила Хельга и поставила кувшин на стол к остальным чистым.

– Через день после окончания ярмарки, – добавила Мириам.

– А до этого времени Вам, Аргон, нужно быть ещё осторожнее, чем раньше... – голос хозяйки дома становился всё тише.

Аргон опять погрузился в ничто. Он хотел бы поразмыш-

лять о будущем, о том, куда он потом пойдёт, что будет делать, но всё это казалось таким нереальным, будто Хельга пошутила. Появилась странная уверенность, что разговор растворится во времени и забудется.



## Глава 27: Эйнар

Он предатель! Это чувство пронзило, будто стрела, и от боли напрягались каждый мускул. Эйнар подскочил со своей лежанки, сделанной из сосновых лап, навёрнул несколько кругов по убежищу, а затем, как подстреленный, рухнул на пенёк и уставился на огонь. Родные ненавидят его.

Он до сих пор помнил лицо матери, когда сообщил ей о том, что уходит в рекруты. Они в погребке раскладывали по ящикам купленные овощи. Эйнар долго мялся, не знал, как рассказать, и в итоге решил выпалить всё, как есть. От этой новости мама побледнела и стала оседать на пол. Благо, они с сестрой успели подхватить её.

– Ну ты и долбень! – прошипела Мириам и злобно уставилась на него. – Смотри, что ты наделал! Доволен?!

Эйнар ничего не ответил. Ужас свернулся в груди, мешая дышать. Неужели у мамы сердце прихватило? А если она умрет от этой новости? Он будет в этом виноват?!

– Я сбегаяю за водой, – бросила Мириам, как только они усадили маму на сундук.

Сестра в два прыжка, будто кошка, взобралась по лестнице, а затем раздался скрип двери в избу. Эйнар присел напротив мамы. Щёки у неё были бледными, глаза широко распахнуты, а рот беззвучно открывался и закрывался.

– Мама, Вы как? – он легонько похлопал её по щекам. –

Вы меня слышите?

Она посмотрела на него, и от её безумного взгляда, в котором читалась борьба между чувствами и разумом, у Эйнара всё внутри сжалось, но затем её морщинистая рука накрыла его руку и легонько сжала. Мол, всё хорошо, сынок, я в порядке. Но он видел, что это не так, и мысленно просил прощения за сказанное. За то, что вообще решил пойти в рекруты и не смог догадаться, сколько боли это принесёт.

Появилась Мириам с кружкой воды.

– Вот, попейте.

Мама машинально взяла стакан и сделала глоток. Затем закрыла глаза, запрокинула голову, глубоко вдохнула и замерла. Дети всматривались в её лицо, пытаясь разгадать, какие мысли и чувства бродят внутри. Сестра бросала на Эйнара злобные взгляды. Он чувствовал, как её злость что-то выжигает в душе, и от этого становилось больно. Защищало глаза, и Эйнар, в попытке не расклеиться, нахохлился и крепко сжал губы, мечтая о том, чтобы кожа превратилась в крепкую броню, способную отразить упрекающий взгляд.

Наконец-то мама открыла глаза и посмотрела на детей. Её взгляд потеплел, а тело словно заново наполнилось силами: оно подобралось, щёки порозовели. Видимо, за то мгновение, которое она провела внутри себя, мама смогла разрешить спор между разумом и чувствами.

– Так, сначала нужно доделать работу, а потом уже всё остальное, – произнесла она, допила остатки воды и подня-

лась.

И за целый день никто не вернулся к разговору о том, что Эйнар станет рекрутом в Видящей страже. А ему так хотелось всё объяснить, успокоить маму. Хотя, на самом деле, он сильнее нуждался в этом, чем она. Ему нужно было получить прощение, услышать от мамы, что она понимает его и отпускает, но Эйнар боялся, как бы опять не случился приступ, поэтому молчал и делал вид, будто всё в порядке. Хотя в леднике, когда он перекладывал мясо, не сдержался и со всего размаху ударил тушкой о стену.

Ночью ему не спалось. Эйнар лежал на кровати, в голове не было ни одной мысли. В ночной темноте еле-еле вырисовывались потолочные балки, за окном свистел ветер. В избе раздался негромкий шум, чьи-то шаги. Эйнар приподнялся на локтях. Действительно кто-то ходил, шморгнула заслонка в печи. По телу прокатилась волна напряжения – вдруг кто залез – но мысль, попав на свет разума, тут же растворилась. Да нет, это не воры. Видимо, маме тоже не спится.

Эйнар вышел в избу. На столе в невысоком светце горела лучина. В тусклом жёлто-оранжевом пламени край столешницы, кружка, а, главное, мама – всё казалось такими тёплым и манящим! И Эйнар полетел к этому теплу, подобно мошке. Сел на скамейку рядом.

– Мама, я не хотел Вас ранить, – он опустил голову, как маленький провинившейся ребенок. – Простите меня.

– Всё хорошо, сынок. Всё хорошо. Ты взрослый мужчина

и можешь принимать решения.

Она слабо улыбнулась ему.

– Но я не думала, что ты покинешь меня. Надеялась, что приведёшь в дом невестку, которая будет мне помогать. Боги дадут вам детишек, и дом снова наполнится смехом, разговорами, запахами сахарных булок, – мама улыбнулась своим мечтам. – Но, видимо, этому не суждено сбыться. Боги распорядились так, чтобы дом пустел... Вот Мириам замуж выйдет, уедет, и я останусь совсем одна-одинешенька.

Крупная слеза покатила по щеке.

– Ну, мама, что Вы, – он взял её руку и сжал в своих. Только сейчас он заметил, насколько мама постарела. Днём за работой она казалась такой молодой и сильной, а сейчас будто спала пелена, и Эйнар увидел правду. Морщины расплосовали лоб, залегли под глазами, а вены на руках напоминали корни деревьев, которые ищут влагу в высыхающей земле.

– Мама, Вы не останетесь одна. Я попросил Оратора приглядеть за Вами и, если понадобится помощь, он поможет. Да и я буду навещать Вас. Буду высылать Вам деньги.

Но все эти слова, все обещания казались какими-то неправильными. Эйнар почувствовал, что должен остаться здесь, с ней. Помогать ей. Привести в дом жену, завести детей, и только тогда всё встанет на свои места. Тогда мама будет улыбаться, тогда она будет счастлива. Ей и так не повезло в жизни: муж покинул её, дети получились не такими, как все: дочь не стремилась замуж, а предпочитала фанта-

зии, сына же все считали странным и нелюдимым. Да, Эйнар не глухой, он слышал, о чём шептались за его спиной люди. «Леший бы их побрал», – так он всегда мысленно отвечал, и ни разу не задумывался о том, сколько боли маме причиняли эти сплетни. У всех сыновья как сыновья: пьют в трактирах, гуляют на праздниках, щупают девок, обзаводятся семьями, детьми. И он должен быть нормальным. Но сможет ли?

– Мама, всё будет хорошо, – прошептал он и легонько похлопал её по руке.

Как же захотелось застыть во времени. Только не в этом мгновении, а намного раньше. В один из летних или весенних дней, когда все мечты были лишь мечтами, и чтобы этот день шёл по кругу, и в нём ничего не менялось.

– Детки – это славно, но ты – парень молодой, у тебя ещё всё успеется. Ты поступай в рекруты... А я разберусь, не пропаду, – мама улыбнулась, но Эйнар понял, что она бодрится. – Вдруг тебе эта служба принесёт счастье и богатство. Дослужишься до хорошего звания, будешь в замке жить, хорошо питаться, деньги получать. купишь потом землю получше, построишь дом побольше. Главное, маму свою старую не забывай.

– Не забуду, – прошептал Эйнар, чувствуя, как сдавливает от слёз горло, и тут же притянул маму к себе, крепко обнял. – Возьму Вас в свой новый большой дом и буду кормить чужеземными блюдами.

Мама его простила. Эйнар понимал, сколько усилий для

этого ей пришлось приложить.

Сестра же, когда узнала, что приедут сваты, разозлилась. Она швырнула шкатулку от Олеха, украшения высыпались и покатались по полу

– Я не выйду замуж! Как ты вообще посмел так со мной поступить?

– Как «так»? – Эйнар и сам закипал. – Я твой старший брат, и забота о твоём счастье лежит на моих плечах!

– Счастье?! – Мириам аж покраснела от злости. – Ты считаешь, что я буду счастлива, если выйду за непонятно кого?

– Почему не понятно кого? Олех состоятельный торговец. Всё его состояние унаследует сын, твой жених. Будешь жить в богатстве, кататься как сыр в масле. Или было бы лучше, чтобы ты превратилась в старую деву?

– С чего это ты взял, что я стану старой девой? – Мириам упёрла руки в бока и сощурила глаза.

– Да с того! – выкрикнул Эйнар, поражаясь тупости сестры. Неужели она не понимает очевидных вещей?! – Все предложения о замужестве ты отвергла! А тебе уже шестнадцать лет. Шестнадцать! Ещё пару годков и всё, никому ты не будешь нужна. Я не знаю, что ты там себе придумала, но у тебя в голове сплошные облака. Вернись с них на землю и посмотри правде в глаза! Я забочусь о тебе и твоём будущем! Ты мне потом ещё спасибо скажешь!

– Да пошёл ты, заботливый мой! – выплюнула сестра, а затем прошипела: – Я ненавижу тебя, Эйнар!

Мириам убежала в комнату, громко хлопнув дверью. Эйнар опустился на стул и закрыл лицо руками. Голова гудела от ссоры. Почему всё так сложно?! Почему нельзя по-простому, по-нормальному? Без ссор, скандалов, чувства вины? Как же он устал от этого всего!

Эйнар сбежал в своё убежище. Ему нужно было побыть одному. Восстановиться. Привести мысли в порядок, но и там чувства настигали его, вина мешала дышать. Внезапно его накрыло ощущение, будто что-то сломалось, разошлось, и из этой раны выплескивался яд. «Прредатель ты, – шипел он и пузырился. – Прредатель. Ты предал маму. Сестру».

Этот яд расплавлял всё внутри. Эйнар вскочил, схватил меч – не тот, что он купил у Олеха, тот остался лежать дома, в его комнате, в глубине сундука, а меч из обыкновенного железа, выкованного у кузнеца за каких-то пятнадцать Солът, – и вышел наружу. Иллида он нашёл быстро и сразу бросился в атаку. Монстр, что раньше был молодым парнем, стоял к нему спиной. Эйнар всадил клинок ему между ребер. Иллид странно квакнул и осел.

Вскоре он наткнулся ещё на группку мёрзлых. Эйнар рубил руки, ноги, головы и чувствовал, как яд высыхает, а рана затягивается. Он ускользал от нападений монстров, уворачивался от их пальцев и ощущал, как чувство вины становилось всё тише и тише.

Эйнар со всей силы ударил ногой по коленям иллида. Хрустнуло так сильно, будто не суставы треснули, а весь мир.

Монстр упал как-то неуклюже, завалился на бок и по-червячьи попытался отползти. Эйнар поднял меч и со всей силы опустил его в грудь противника. Иллид задёргался, по коже прокатилась волна, ещё одна, а за ними шла ледяная смерть. Эйнар нашёл крупный камень, поднял его и с силой опустил на ледяную статую. Она разлетелась, словно хрупкое стекло.

Небесные линии, протянутые через чёрную ткань неба, напоминали нити клубков, которые прокатились здесь так давно, что уже никто не помнил тех времён. Эйнар спрятал меч в ножны, прислонился к стволу и закрыл глаза. Шумели деревья, где-то вдалеке щёлкала клювом неясыть. Тишина и спокойствие. Внутри и снаружи. Больше не было ни яда, ни чувства вины, ни тяжести. Ничего. Только лёгкость и свобода.

Может, к лешему всё? Глупую сестру. Ссоры. Ярмарки. Людей. К лешему возложенные на него ожидания про семью, жену и детей. К лешему и Видящую стражу. Там тоже нужно притворяться, чтобы никто не узнал про укус. Пускай всё катится в далёкие дали! А он останется здесь, в лесу. Будет жить в землянке, охотиться на дичь, рубиться с иллидами. Тогда закончатся волнения и переживания. Тогда всё станет тихо, спокойно и хорошо.



## Глава 28: Мириам

Никогда и ни за что! Никогда! Ни за что! Эти два слова кричали в голове и каждый раз – всё громче и громче. Мириам со всей силы сжала подушку и скрипнула зубами. Никогда! Ни за что! Да и как он посмел выбрать мужа? Кто такой этот Томас?! Да и неважно кто... она всё равно за него не выйдет!

Мириам собралась швырнуть подушку в стену, уже подняла руки, когда вошла мама. Пришлось скрипнуть зубами (что ей нужно?) и прижать подушку к себе, словно прячась за ней.

– Как ты, доченька? – мама присела на край кровати

– Никак! – нахохрилась Мириам и отодвинулась подальше.

В комнате повисло молчание. Только их дыхание вело немой диалог: Мириам злобно и быстро сопела, а мама отвечала тихими спокойными вдохами и выдохами.

– Ты можешь злиться и обижаться, но Эйнар не сделал ничего дурного, – произнесла она тихо. – Он позаботился о тебе, нашёл достойного жениха.

– Достойного?! – губы Мириам искривились, в глазах блеснул насмешливый огонёк, но в следующее мгновение что-то внутри дрогнуло и подступила волна слёз. Пришлось сжать зубы, напрячь каждый мускул, чтобы эта волна не про-

лилась, не покати́лась по щекам.

– Томас – сын торговца, неплохая партия. Лучше, чем бедный крестьянский сын, который за душой не имеет ни гроша. За Томасом ты будешь при деньгах...

– К лешему деньги! – выплюнула Мириам.

– Ты не права, – наставляюще произнесла мама. – За деньги можно купить еду и не переживать, что на ужин будет лишь вода или... – она резко замолчала, нахмурилась собственным мыслям и продолжила: – Тем более, купцы много путешествуют. Это твой шанс повидать мир!

Мириам прикусила губу. Всё внутри дрожало от возмущения и обиды. Она думала, что мама будет на её стороне, а она поддержала брата. Да ещё и играет на её мечтах! Предательница! Мириам ощущала, будто падает в огромную бездонную яму, и нет никого, кто бы помог. Она одна в этом мире. И все против неё!

– Но почему Эйнар тогда не женится? Он старше меня! Ему уже давно пора! – Мириам язвительно растянула последние два слова.

– Мне бы тоже очень хотелось, чтобы твой брат остепенился, завёл семью, а он выбрал другой путь, – мама тяжело вздохнула. – Такие уж они... мужчины. Могут жениться, когда захотят. Возраст им не помеха, наоборот, только на руку играет. А вот девицам после девятнадцати ой как трудно будет найти достойного мужика. Да и в народе начнут судачить, почему не выходит замуж. Вдруг больная какая-то. Клеймо

поставят, от которого ой как трудно будет избавиться. Ты же не хочешь этого, доченька. Так ведь?

– Но я и за Томаса не хочу. Я знать его не знаю! Да и как Эйнар посмел вытворить такое?

– Доченька, такова наша женская доля, – мама подвинулась ближе, попыталась взять за руку, но Мириам выкрутилась и отползла подальше. – К сожалению, не мы выбираем, а выбирают за нас. – Мама опустила взгляд и принялась рассматривать свои ногти, подковырнула заусенец, а потом посмотрела на Мириам. Сколько грусти и боли было в её взгляде. На секунду даже показалось, будто это её выдают замуж за нелюбимого. Жалость к маме кольнула сердце, но Мириам не позволила этому чувству разрастись. Она должна держать оборону! Изо всех сил!

Мама тяжело вздохнула и продолжила:

– Ты думаешь, я по любви вышла? Нет. Это не так. Я вот тоже не знала, за кого выхожу. В один день отец сказал, что я должна подготовиться, потому что приедут сваты. Как мне тогда было боязно! Помню, я ночи не спала, всё думала о том, каков мой жених. Будет ли он высоким или низким? Худым или полным? Какой у него характер?

Знаешь, твой отец на смотринах мне не понравился. Он показался каким-то худым и злобным, но родители дали согласие на брак, и пришлось выйти за него.

Помню, в день свадьбы одели меня во всё белое, и фата была такая длинная-длинная, постоянно лезла мне в рот, –

голос мамы стал тихим и медовым от воспоминаний, а Мириам захотелось, чтобы она ушла, но мысль о том, чтобы прогнать маму, пугала. Тем временем мама продолжала рассказывать: – Дно телеги застелили дорогими тканями, положили подушек. Лошадей украсили лентами, на дугу повесили колокольчики. Как они звенели в пути! Я потом ещё долго их звон слышала, – мама улыбнулась и по-девчачьи заправила за ухо прядь волос. – Меня провожали с песнями и музыкой, а я сидела ни жива ни мертва, так страшно было покидать родной дом, присоединиться к чужой семье. Мне всё думалось, будто отец твой злой человек, что бить будет, что жизнь будет тяжёлой, но всё это оказалось лишь страхами. Из него получился замечательный муж и отец. Вскоре я в него сильно влюбилась. Жизнь свою без него представить не могла и постоянно благодарила отца за то, что нашёл мне такого замечательного мужа.

Вот и тебе Томас может казаться каким-нибудь упырём, но это всего лишь страхи. Даже если что-то неладное между вами будет, то всё забудется и простится, когда появятся детки. Вот где истинная радость в жизни.

Мама нежно улыбнулась.

– Ты, доченька, вместо того, чтобы упрямитесь, присмотришь к Томасу, узнай его. Хорошо?

Мириам ответила тяжёлым вздохом. Мама по-своему расценила этот вздох, улыбнулась.

– Вот и славно.

Когда она вышла из комнаты, Мириам легла на кровать, сложив руки под головой. Чувства, которые бились внутри, отступили. Она чувствовала себя спокойнее, и ещё сильнее укрепилась в "никогда" и "ни за что".

Правда, разговор её расстроил. Он оборвал связи между Мириам и родными. Дом теперь казался чужим. Не хотелось находиться здесь ни минуты. Стены давили, мешали дышать. Мириам ощущала себя маленькой птичкой в западне, в логове опасного зверя. Она вырвется на свободу! Обязательно!

Только как? Мириам перевернулась на бок и уставилась на квадрат света на стене. Он был, словно дверь, через которую можно сбежать из мира принудительного замужества в новый, другой мир, в котором она будет свободна. Только как открыть эту дверь? Где найти к ней ключ?

Аргон! Решение оказалось таким простым и неожиданным, что глаза расширились, а сердце затрепетало, будто она сундук с золотом нашла. Мириам даже посмотрела на дверь, испугавшись, как бы родные не прознали про эти мысли.

Аргон и есть этот ключ!

"Но он же колдун", – возразила сама себе Мириам и скинула от этой мысли.

Жёлтый квадрат света понемногу белел, затухал и съживался. Предметы в комнате погружались во тьму, теряли очертания. Казалось, будто она растворяется вместе с ним, исчезает, так же теряя свои очертания в окружающей действительности. Всё внутри воспротивилось этому.

– Да пусть хоть самым волколаком окажется! Ну и что?! – воскликнула Мириам, ударила кулаком по кровати и вскочила. Она решительно подошла к столу, зажгла несколько лучин и воткнула их в каждую стену. Она не позволит тьме безысходности поглотить себя!

Мириам села на сундук возле кровати, закинула ногу на ногу и принялась переплетать косы. Даже если Аргон и колдун то что с этого? Почему она должна бояться его? Потому что колдунов ненавидит брат? А он этого дерьма набрался в Око!

Может, боги специально послали колдуна, чтобы проверить её решимость и веру в мечту, а она взяла и испугалась, как дурочка! Нет, она больше не позволит баламутить ей мозги! Ни брату, ни маме. Никому! Аргон – это её шанс вырваться из дома, из накатанной колеи, в которой девицы выходят замуж непонятно за кого, рожают детей, толстеют, грубеют и дряхлеют между печью, колыбельной и кроватью мужа, так ничего не повидав.

Когда мама легла спать, и её шумное дыхание затрепетало в воздухе, Мириам, держа лучину, на цыпочках прокралась к Аргону. Отсветы небесных линий неровными полосами ложились по стене и полу. Гость спал. Вытянулся в одну линию и сложил руки на животе, будто боялся упасть. До чего же он странный! Лава же достаточно широкая. Она сама на такой спала, ворочалась и ни разу не упала!

Мириам воткнула лучину в стену над сундуком, присела

на край лавы и тронула Аргона за ногу. Он дёрнулся, резко подскочил и чуть не свалился.

– Фу ты, блять! – воскликнул он и громко выдохнул.

– Простите, не хотела Вас напугать, – она умоляюще сложила руки на груди.

– Зачем ты пришла? – непонимающе спросил Аргон и замолчал.

Она тоже молчала, мялась, не зная, как начать разговор. Ей было неловко за то, что она долгое время избегала его. Соберись!

Мириам сделала глубокий вдох и медленно произнесла:

– В последнее время наши отношения немного разладились. Мы мало разговаривали, и я вела себя, как... как дура! – потупилась Мириам, а затем широко распахнула глаза и затараторила: – Но я испугалась. Честно слово! Вивьен сказала, что у Вас на коже элладские заклинания, и я подумала, что Вы колдун, что Эйнар был прав. И испугалась. Какой же я была душой!

– А что сейчас изменилось? – с издевкой поинтересовался Аргон.

– Ну... Я... Эм... – Мириам замялась. Она чувствовала себя неуверенно. Если рассказать про замужество, то он ещё подумает, будто она использует его. Мириам облизала губы. – Я долго размышляла над словами брата, над его страхом перед колдунами и поняла, что всё это очень глупо. Ему это внушили в Око, а он теперь внушает этот страх осталь-

ным. Я Вас не боюсь. Я не считаю, что Вы злой и хотите нам навредить. Если бы хотели, то давно бы уже сделали это. Даже если Вы и колдун, то добрый.

– Ну, хоть на этом спасибо, – хихикнул Аргон.

– Я пришла попросить прощения и... надеюсь, что это недопонимание останется в прошлом.

– Лады, – кивнул Аргон. – А что произошло у Вивьен?

Мириам почесала нос и всё рассказала.

Аргон сидел, поджав губы, и рассматривал переплетение белёсых шрамов на коже рук.

– Так получается, это заклинания. Элладские. Но я без понятия, кто их на мне оставил.

– Это нужно выяснить! Может, в Сол нам подскажут, кто...

– Нам? – удивился Аргон.

– Ну...да, – несмело произнесла Мириам, чувствуя неловкость. Она набрала полную грудь воздуха и выпалила. – Я решила пойти с Вами!

Аргон нахмурился и вопросительно уставился на неё.

– Я просто поняла, что Вы пропадёте один. Вы же совершенно не знаете, куда идти, как себя вести. Вас же первый встречный путник сдаст в Око! Да и вдвоём будет не так грустно и одиноко.

– А как же дом, твоя мама, брат? Ты готова с ними попрощаться?

Мириам поджала губы.



– Да. Хотя я их очень люблю, но здесь меня ничего не ждёт. Разве что замужество, но я не хочу выходить за непонятно кого, заводить детей и провести свою жизнь, крутяться между печкой и столом. Я хочу повидать мир, как это делал мой отец, побывать в Оре, увидеть огненную реку, – мечтательно протянула Мириам, а затем испугалась, что выдала свои истинные мысли, поэтому торопливо добавила: – А ещё интересно разгадать Вашу тайну. Что за заклинания на коже, кто их написал и почему. Разве Вы не хотите выяснить, кто Вы такой на самом деле?

– Хочу.

– Вот-вот, и я помогу Вам! – воскликнула Мириам и замерла, прислушалась, не разбудил ли этот восклик маму.

Сердце буквально замерло в груди, пока тишину не разрезало тихое сопение. Мириам облегчённо выдохнула, забралась с ногами на лаву и прижалась спиной к стене.

– Вивьен что-то говорила про университет. Я понятие не имею, что за он, но уверена, мы должны как можно больше узнать про это заведение. Согласны?

Аргон кивнул. Мириам ожидала расспросов, но Аргон молчал. Он рассматривал лучину в стене и о чём-то думал. Показалось, что он не заинтересовался её предложением, испугался и сейчас пойдёт на попятную или откажется от неё.

– Так что первый шаг – расспросить Вивьен об университете, – затараторила Мириам ещё быстрее, в надежде, что её энтузиазм заразит Аргона. – Если она ничего толкового не

скажет, то нужно будет отправиться в Сол. Там живёт много элладов. Кто-то из них наверняка знает про университет. А может, даже найдутся такие, кто сумеет прочитать заклинания и рассказать, что они обозначают!

Аргон слушал, не перебивал, а когда она закончила, спросил:

– Когда этот Осенин? Твоя мама называла какую-то дату, но я ничего не понял.

– Завтра он.

– Как? Завтра уже уходить?

Мириам поняла, что это пугало его больше всего, поэтому она умерила свой пыл и ласковым голосом произнесла:

– Не переживайте так сильно. Я буду рядом. Всё будет хорошо. – Мириам замолчала, не зная, как ещё поддержать его.

За окном висели черные облака, будто из неба выпали куски, а на их месте образовались такие черные бездонные дыры. Мириам охватила непонятная тревога, казалось, что скоро расколется не только небо, а и весь мир.

– Осенин – он вечером начинается и длится всю ночь, – произнесла она, словно её голос был иглой с нитью, которые могут сшить разъезжающееся по швам пространство. – Днём мы к нему готовимся: убираем в доме, моем печь, моемся, а затем садимся за стол и провожаем лето. А после все собираются на холмах, зажигают костры, пьют, поют и танцуют, провожая последний летний день. Вот тогда мы и сбежим.

## Глава 29: Осенин

На Осенин всегда выдавалась хорошая погода. Даже если вчера лил дождь, то на следующий день обязательно разошлись тучи и дневной свет изливался на мир. И в этом году с самого утра небо хмурилось, темнело, казалось, вот-вот будет ливень, но к середине дня посветлело, облака побелели и стали походить на тонкую пластину серебра, которая закрыла небосвод, подобно гигантской крышке.

Мириам с Хельгой проснулись задолго до рассвета. Нужно было приготовить праздничный стол, а потом затушить печь и ждать, пока она остынет. Аргона решили не будить. Пускай отоспится и наберётся сил. Впереди его ждала тяжёлая дорога. Женщины зажгли лучину, позавтракали кашей с салом и сразу приступили к готовке. Хельга рассыпала по столу муку, а сверху положила тесто и месила его руками.

– А Эйнар вернётся или нет? – поинтересовалась Мириам, нарезаая лук тонкими полосками.

– Ой, не знаю, доченька. Ой, не знаю, – мама протёрла рукой лоб, оставив на коже белое пятно от муки. – Я бы хотела, чтобы мы все вместе провели этот день, но...

"Лучше бы не пришёл", – мысленно ответила Мириам. Она боялась, что брат разрушит её планы.

От мыслей о побеге внутри как будто загорался хитрый огонёк из предвкушений, волнения и нетерпеливого ожида-

ния. Скоро она покинет эту деревню, серую жизнь. Скоро сбудутся все мечты. Она увидит мир! Мириам улыбалась, пританцовывала, а когда ловила себя на этом, становилась серьёзной и мысленно взывала к богам, прося их о помощи, о том, чтобы никто, особенно брат, не помешал её планам!

– Не можешь дождаться, когда начнётся Осенин? – с улыбкой поинтересовалась мама, по-своему поняв её возбуждение.

Мириам кивнула. Не говорить же правду.

– Доченька, после ужина сразу не убегай на танцы, а держись, чтобы Аргона проводить.

– Да, мам, конечно.

Вместе с пирогом женщины ещё налепили пирожков с капустой, и все отправили в печь. За готовкой не заметили, как рассвело. Хельга выглянула через окно на улицу, а затем повернулась к дочери, которая вытирала стол от муки.

– Я сейчас пойду в таверну, хочу купить ягодного вина к празднику, а ты присмотри за едой.

Мириам кивнула.

Пирожки уже начали подрумяниваться, когда мама вернулась с бутылкой вина. Мириам тут же её забрала и поставила на стол, бормоча:

– Что-то Вы долго.

– Ой, доченька, – воскликнула мама, – да там пол деревни за вином пришло. Думала, что мне уж ничего и не достанется. Аргон, доброе утро!

– Доброе утро, – буркнул он, зевнул и пошёл к ведру для умывания.

– Да уже давно не утро, – рассмеялась Мириам, выставляя на столе пирог и пышущие жаром пирожки. – Давайте, умывайтесь быстренько и кушать.

Мама вынула из буфета расписные енды – их доставали редко, только на важные события, а в другие дни хранили крепко завёрнутыми в ткань – и Мириам сразу почувствовала трепетное праздничное волнение. Скоро-скоро должно произойти нечто удивительное и необыкновенное, что будет будоражить воображение холодной тёмной зимой. Мириам засуетилась: быстро расставила тарелки, разложила ложки, а затем подскочила, будто оленёнок, и скрылась в комнате. Там она переплела косы, надела платье с расписанными подолом и рукавами, повязала на талии праздничный пояс: тонкий, ярко красный, с длинными пушистыми кисточками.

– Вот и я! – объявила она, выходя из комнаты.

Она ощущала себя невероятно красивой и лёгкой. Хотелось взлететь высоко-высоко и дарить свет и радость миру.

Мама тоже приделась: сменила тёмную юбку на красную в жёлто-белую полоску, повязала поверх праздничный передник, белый, с вышитыми красными узорами, а голову покрыла цветным платком с бахромой. Только Аргон выглядел обычно: штаны из холстины да рубаха. Глядя на него, Мириа задумалась, а ощущает ли он внутри праздничный трепет или нет? Вряд ли. Для него этот день далеко не празд-

ничный, ведь сегодня вечером он должен уйти. "Мы, – мысленно поправила себя Мириам. – Я с ним должна уйти".

– Ну, давайте-ка садиться за стол, а то всё остынет, – хлопнула в ладоши мама.

Эйнар к праздничному столу не явился. Мириам разрывали противоречивые эмоции. Радость и злость. С одной стороны, хотелось, чтобы всё было по-нормальному. Как у всех. Собраться всей семьёй за столом, поздравить друг друга с уходящим летом и теплом, повспоминать что-то, пошутить. Но нет. Их семья как будто расколота.

А с другой, хорошо, что его нет. А то бы он опять выкинул бы что-нибудь такое, от чего праздник не был бы праздником. Может, опять бы накинулся на Аргона. Или кричал, что Осенин – пережиток прошлого и заставлял бы всех молиться Всевидящему. И Эйнар точно помешал бы побегу. Он бы глаз с неё не сводил.

– Вот и закончилось лето, – мама подняла ендову. – Оно принесло нам много и светлых, и пасмурных дней. Однако, несмотря на все трудности, мы живы, здоровы и сидим здесь за столом, который полон еды. Поэтому я произношу благодарность богам за то, что они позаботились о нас, за то, что мы сыты и мы... – мама замялась, поджала губы, но не закончила предложение. – Отпразднуем завершение лета, поблагодарим Нут за дары и встретим осень. Надеюсь, она смиростивится над нами, порадует теплом и светом. Выпьем же за лето, пищу и за жизнь!

– За лето, – повторила Мириам, поднимая ендову, а затем пригубила вино.

Какой сладкий насыщенный вкус красной смородины! Божественно!

После обеда мама завернула кусок пирога и несколько пирожков в ткань и засунула в буфет.

– Это Вам, Аргон, в дорогу.

Затем Мириам с мамой занялись печкой: она как раз успела остыть. Женщины вымели золу, застелили горнило еловыми лапками и сверху постелили ткань.

Аргон смотрел на всё это широко распахнутыми глазами, а когда Мириам поставила в печь ведро с водой, не вытерпел и поинтересовался:

– А что вы делаете?

– Печь готовим, – ответила Мириам, тщательно протирая шесток. – Мыться будем.

– Эм... что?

Его страх и недоумение рассмешили Мириам.

– Вы что, никогда не мылись в печи?

– Нет.

– Ой, зря, – покачала головой мама. – Это очень полезно для здоровья. Любую заразу изгоняет. Ладно, мы с дочкой полезем первыми, а Вы после нас. Но пока побудьте в комнате. Мы Вас позовём, как закончим.

Аргон кивнул и ушёл.

Мама скинула одежду, распустила волосы – они бело-

снежной лавиной упали на спину – и залезла в печь. Мириам принесла из сарая еловые веники и подала их маме, затем разделась и полезла к ней. Внутри печи было темно и тесно, но это не пугало, наоборот, успокаивало. Казалось, будто все проблемы остались там, в другом мире. Мире, продуваемом ветрами, орошённом дождями и скованном холодами. А здесь, в тёплом печном нутре, всё было совсем иначе. Спокойно и безопасно.

Жар окутал Мириам, словно шерстяное одеяло. От его горячих объятий по коже побежали ручейки пота. Вскоре Мириам чувствовала себя будто обильно смазанной маслом.

– Давай ложись, – сказала мама, – я по тебе веничком пройду.

Мириам растянулась в печи, высунув голову из горловины, сложила руки замком под подбородком. Она видела край стола, пару стульев, лавки у стены, квадраты света на полу.

Всплеснула вода, а затем тёплая струя пролилась по спине вдоль позвоночника. Следом пришёл веник. Мириам вздрогнула, а затем расслабилась. Её как будто окутало тёплое мягкое облако. Она закрыла глаза, отдаваясь ощущению блаженства.

– Согни колени, давай я тебе по пяткам пройду, – мамин голос звучал словно через пелену.

Веник ещё раз хорошо прошёлся вдоль её тела, а потом снова на спину полилась вода, такая тёплая и приятная.

– Теперь ты меня, – сказала мама.



Мириам поднялась, взяла веники.

– Ах, хорошо! – восклицала мама всякий раз, когда веник шлёпал по коже. – По пояснице ещё пройдишь, а то она у меня болит немного, потянула её недавно.

Затем женщины вымыли волосы – сначала щёлоком, который поставили настаиваться пару дней назад, а после сполоснули чистой водой.

– Давай заканчивать, – сказала мама, поливая себя. – Печка остывает, а Аргону ещё помыться надо.

Женщины вылезли из печи. Сердце разгорячённо стучало, кожа покраснелась, и от неё поднимался пар. Несмотря на чувство размягчённости, тело как будто наполнилось новыми силами. Жаль, что жизнь с повседневными хлопотами и заботами растворит эти ощущения, оставив от них лишь воспоминания.

– Теперь Ваша очередь, – торжественно объявила Мириам, заходя в комнату к Аргону.

Он долго смотрел в устье печи и сделал шаг назад.

– Я туда не полезу!

– Да мы только что помылись, живы, не сгорели, – Мириам веселил его страх.

– А я не полезу.

– Ой, зря, – воскликнула мама, завязывая запону поверх юбки. – Я себя чувствую так, будто заново родилась.

Она на самом деле выглядела как-то моложе: кожа немного разгладилась и разрумянилась, волосы блестели, как у мо-

лодой девицы, а от повседневной усталости не осталось и следа.

– Если Вы ещё помнётесь, то печь окончательно остынет, – бросила мама.

– Ладно, – сдался он, – что мне делать?

– Раздевайтесь и залезайте внутрь, – закомандовала Мириам.

– Отвернись.

Она саркастически вздохнула и закатила глаза, но всё же отвернулась. Раздался шелест одежды, затем шебуршание.

– Я залез, – голос Аргона звучал приглушённо. – Что дальше?

– Как Вам там? – поинтересовалась Мириам, заглядывая в устье.

В темноте Аргон выглядел как нагромождение теней.

– На удивление хорошо, тепло, только непривычно, – смущённо ответил он.

– Не горите там? – хихикнула Мириам.

– Нет, – буркнул Аргон в ответ.

– А страху-то сколько было! – всплеснула руками мама.

Гребнем она расчёсывала волосы, распутывала мелкие колтуны.

– А что делать то? – переспросил Аргон.

– Посидите, пропотейте хорошо, затем веничком по себе пройдитесь.

Сидя на лавке у печи и расчёсывая волосы, Мириам

прислушивалась к звукам, которые доносились из горнила. Всплески воды. Шуршание, видимо, Аргон пытался повернуться. Ойкнул.

– У Вас всё хорошо? – поинтересовалась Мириам.

– Да. Просто плечом задел стену. Кожу, наверное, содрал. После водных процедур печь снова растопили.

– Я покемарю пару часиков, – сказала мама, залезая на лежанку. – И вы ложитесь. Сейчас сон будет самым целебным. Да и Аргону полезно набраться сил перед дорогой.

– Хорошо, – кивнула Мириам. – Только приберёмся здесь.

Когда мама уснула, они с Аргоном закрылись в его комнате.

– Ну что, Вы собрались в дорогу? – спросила Мириам, присаживаясь на край сундука.

– Честно сказать, нет. Я понятия не имею, что может пригодиться в пути.

– Я так и знала! – воскликнула Мириам и подняла палец вверх. – Поэтому всё собрала. Одну минуту...

Она выскочила из комнаты и бросилась в сарай. Достала из сундука потрёпанную холщовую сумку-мешок – отец часто брал её с собой, когда уходил на охоту на несколько дней. Затем насобирала в погребке овощей и засоленное мясо, достала из буфета припрятанные мамой свёртки с едой, а после всё это вывалила Аргону на лаву.

– Вот, этого должно хватить на несколько дней.

Затем нашла в сундуках отцовскую флягу, охотничий

нож, кусок бечёвки. Достала горшочек, в котором мама хранила деньги. Сжав губы, Мириам высыпала монетки на ладонь. Внутри боролись противоречивые чувства. Нехорошо, конечно, так делать. Это же, по сути, воровство у собственной семьи, но деньги понадобятся в пути. Да и тем более, разве не семья вынуждает её покинуть дом? Вряд ли мама пересчитывает монеты. Если взять несколько Сольт, то ничего ужасного не произойдет. Они не обеднеют так, чтобы пойти по миру с протянутой рукой. Зато она с Аргоном сможет снять комнату в дешёвой таверне и купить миску супа.

Мириам засунула несколько медных монет в карман юбки, а остальные высыпала обратно в кувшин.

Вместе с Аргоном она сложила пожитки в сумку, затянула верёвки.

– Ну вот, к дальней дороге готовы! – Мириам похлопала сумку по холщовому боку. – А Вы, Аргон, ложитесь спать. Отдохните перед дорогой.

Дневной свет сползал со стен и потолка, уходил через окна, как будто Сангар, затухая, всасывал его обратно в себя. Темнота, которая всё это время пряталась в углах и под лавками, почувствовала свою силу и принялась расти и набухать, словно пирог в печи, заполняя собой всё пространство.

Мириам зажгла несколько лучин. Внутри всё распирало от волнения. Она будто окончательно проснулась от долгого изнуряющего сна. Никогда прежде она не чувствовала себя такой сильной, важной и сосредоточенной. Похожие измене-

ния происходили с ней во время охоты с братом, а ещё когда она единственный раз в жизни поехала в Йорн-Хель, но, по сравнению с ощущением сейчас, те изменения казались лишь отблесками настоящего света. Да, была ещё и грусть, но её тонкий ручеёк перекрывал мощный поток ожидания скорого побега. Скоро перед ней откроются новые удивительные земли. Она своими глазами увидит далёкие города, про которые ей доводилось слышать.

Мириам подошла к окну. День окончательно затух. Свет от небесных линий слабо пробивался сквозь плотные тучи. Мимо шли люди, празднично наряженные: девушки в цветастых юбках, в очельях, с нитками бусин на шее и лентами в волосах, а мужчины в льняных рубашках, подпоясанные яркими кушаками, в высоких сапогах, украшенных разноцветными нитями. Многие надели шапки, в которые воткнули перья.

Мириам глядела на людей и чувствовала, что уже не принадлежит их миру. Они идут на холмы, будут пить и веселиться всю ночь, а утром вернутся обратно в свои дома, к печам и хлопотам. А она нет! Её ждёт Оре и огненная река. Мириам улыбнулась своим мыслям.

– Ого, уже почти ночь на дворе! – воскликнула мама. – Почему ты меня не разбудила?

От её голоса Мириам испуганно дёрнулась и тут же стёрла с лица улыбку. Нельзя себя выдать.

– Да ладно, выспитесь хорошо.

– Да какое там?! Нужно Аргона же собрать в дорогу и проводить, – мама слезла с печи и ополоснула лицо водой. – Где он, кстати?

– Спит. Я уже помогла ему собраться. Положила целую кучу еды и несколько бурдюков с водой, чтобы точно не пропал в пути. Пойду его разбужу.

Но Аргон не спал. Он сидел на лаве и смотрел в окно.

– Вам так и не удалось уснуть? – ласково поинтересовалась Мириам, присаживаясь рядом.

– Да какое там, – взволнованно произнёс он. – Не могу перестать думать о... дальнейшей дороге.

– Всё будет хорошо, – Мириам положила свою ладонь поверх его и легонько сжала, а затем прошептала: – Мы справимся. Главное, следуйте плану. Я Вас провожу до Вивьен, и Вы меня там ждите! Я притворюсь, что иду с мамой на Осенин. А там затеряюсь в толпе и сбегу. Быстро переоденусь и приду к Вам. Не обещаю, что быстро справлюсь, но.... Нам некуда торопиться. Ну, пойдёмте?

Аргон тяжело и горестно вздохнул и поднялся.

– Гоу, – сказал он, окидывая прощальным взглядом комнату.

Мама отдала Аргону тёплый тулуп, который Эйнар носил подростком. Тогда он не был таким высоким и широкоплечим. На Аргона он сел идеально.

– Вот, повяжите ещё мой шерстяной платок, – сказала Хельга.

– Спасибо большое, но на улице вроде не так уж и холодно.

– Это пока, – мама сжала губы и посмотрела через окно, словно оценивала погоду. – Осень у нас очень холодная, да и снега рано начинаются. Да и волосы Ваши лучше спрятать, чтобы....

Мама не договорила. Воздух задрожал от непонятного шума, словно тысячи ветров сплелись воедино, и внутри них что-то щёлкало и стрекотало. Звук то усиливался, аж закладывало уши, то отдалялся. Вдруг раздался свист, задрожала земля. Посуда подпрыгнула на подоконниках. Кувшины и тарелки, которые стояли на краю, упали на пол и разбились. Раздался душераздирающий человеческий крик. По стене и потолку заплясали красноватые отсветы.

Мама подбежала к окну.

– Дом Фоссенов горит! – в ужасе вскрикнула она и замерла.

Мириам видела в отражении стекла лицо мамы – белое, как первый снег – и широко распахнутые глаза.

Вновь раздался свист, и опять земля покачнулась. Мириам чувствовала, как страх вперемешку с возбуждением стучал в венах. Что там такое творится?!

– Будьте здесь! – воскликнула она и выскочила на улицу.

Снова раздался странный щёлкающий звук. Он шёл откуда-то сверху. Мирим посмотрела на небо. На фоне серых туч вырисовывался тёмный силуэт. Свет от небесных линий серебрил его бока. Гигантские крылья. Голова. Мириам узна-

ла птицу. Только это была странная птица. Сделанная из металла. Она неестественно ровно спускалась вниз, а затем зависла на одном месте. В лапах птица сжимала валун.

И вдруг время будто замедлилось. Мириам видела, как разжимаются стальные когти, как огромный камень летит вниз. Земля под ногами покачнулась. Звук от удара, казалось, оглушил. А птица тем временем скрылась за облаками, чтобы снова вынырнуть, сжимая в когтях новый валун.